

Ася Северова

Дорогому отцу,
ТЫ ПОБЕДИЛ!

— Не подходи! Даже не вздумай! — я мечусь по комнате в общежитии, не могу остановиться. Слишком много потрясений за один день. — Между нами ничего нет и никогда не будет! Не подходи, Дамир!

— А то что? — этот предатель смотрит на меня своим фирменным ухмыляющимся взглядом. — Мы, кажется, уже проходили это с тобой. Ты не можешь отрицать, что между нами УЖЕ все было и точно будет ЕЩЕ. Всегда будет. Потому что ты МОЯ!

Я долгие годы шла к своей мечте. Прилежно училась в школе, чтобы поступить в один из самых престижных ВУЗов страны. И вот я здесь! Я была готова ко всему: к огромной учебной нагрузке, к бессонным ночам с учебниками в руках, к жизни в общежитии. Но я оказалась не готова к тому, что стану объектом пристального внимания того, кто мне совершенно не подходит.

Поздравляю, ты победил!

Ася Северова

— Не подходи! Даже не вздумай! — я мечусь по комнате, не могу остановиться. Слишком много потрясений за один день. — Я уже не твоя девушка! Между нами теперь ничего нет и никогда больше не будет! Не подходи, Дамир!

— А то что? — этот нахал и предатель смотрит на меня своим фирменным ухмыляющимся взглядом. — Мы, кажется, уже проходили это с тобой, Зеленоглазка. Ты не можешь отрицать, что между нами УЖЕ все было и точно будет ЕЩЕ. Всегда будет. Потому что ты МОЯ! Ты сама шептала мне это на ухо, — Дамир подходит непростительно близко, а я ещё не научилась сопротивляться ему. Прошло слишком мало времени, чтобы выстроить броню. — Выкрикивала это с каждым толчком, пока я был в тебе. — Он говорит хрипло, притягивает своими сильными руками меня к себе максимально близко. Так, что я снова и снова вдыхаю его запах, ставший родным и самым желанным за столь короткое время. От удовольствия закрываю глаза. Понимаю, что он уже возбужден. Как и я. Но я не могу поддаться. Не теперь. — Ты моя, малыш, и ты это знаешь... — прикасается губами к шее. Как делал еще утром, еще до того как...

А вот теперь стоп! Быстро прихожу в себя, беру себя в руки и что есть силы толкаю Дамира в грудь. Но легче скалу сдвинуть, чем эту громадину.

— Но тогда я не знала, что я лишь предмет спора! — кричу, срывая голос от обиды, — как ты мог? Как ты мог на меня поспорить! Что ж, поздравляю, ты победил! Уложил девственницу-тихоню в постель!

Дамир отрывается от моей шеи, чуть отстраняется, чтобы взглянуть на меня. На секунду в его глазах мелькает что-то похожее на растерянность и... сожаление? Но потом он берет себя в руки и снова надевает маску холодного засранца, которым я знала его в самом начале нашей короткой истории. Он хватает меня за затылок, резко притягивает так, чтобы наши губы соприкасались. Улыбается своей хищной улыбкой, больше похожей на оскал зверя.

— Нет, Зеленоглазка, спор был не на твою девственность. Это было бы слишком просто, — стою в полном шоке. То есть он даже не отрицает?!

Со стороны поза, в которой мы стоим, наверняка похожа на то, что парень ласкает губами свою девушку. Еще не целует, нет. Лишь дарит нежную ласку, что является сладкой прелюдией к поцелую. Но почему же мне так горько от этой нежности...

— Спор был на то, что ты меня полюбишь.

— Оу, ну тут тебе точно ничего не светит! Ты продул, Дамир, — злорадствую я, нервно усмехаясь, хотя у самой сердце в ключья, а от душевной боли мутит сознание, перед глазами все плывет от пелены непролитых слез, — никогда тебе не победить в этом споре! Потому что Я. Тебя. Ненавижу! — выкрикиваю, четко разделяя каждое слово.

— Посмотрим... — все также прижимаясь к моим губам и глядя мне в глаза, произносит Дамир, а затем разворачивается и уходит.

Громко хлопает дверь. Сползаю по стенке на пол и из глаз прорываются первые слезы. Долго же я продержалась.

Знал бы он, что уже победил... Но я ни за что ему в этом не признаюсь. Не теперь...

Глава 1

— Обалдеть!

— Ты чему так радуешься? Посмотрю я на тебя после первой недели учебы, — Костя смотрит на меня с непониманием, видимо, вспоминая свои студенческие годы. Я же от восторга и предвкушения на месте устоять не могу, ноги так и рвутся вперед. — Ник, может, все же ну его, а? Поедем со мной? Пропустишь год. Всего лишь год, а потом мы вернёмся и ты начнешь учиться.

— Вот именно, Кот, это всего лишь год! Ничего со мной за этот год не случится. Хватит себя накручивать.

Костя — мой старший брат. У нас с ним приличная такая разница в возрасте — двенадцать лет. Он практически воспитал меня. Потому так и трясётся надо мной. Послезавтра начинается учебный год. Послезавтра начинается новая жизнь. Послезавтра Кот улетает в Прагу открывать филиал своей компании. Это для него совершенно другой уровень, выход на европейский рынок. Он у меня бизнесмен и я им нереально горжусь.

И мы с ним не сироты. У нас есть родители и бабушка. Просто родители у нас геологи, фанатеющие от своей профессии. Шесть лет назад им предложили места ведущих специалистов в одной зарубежной научной организации, приглашение от которой они ждали чуть ли не с окончания университетов. Это было исполнением их мечты. Но у них было двое детей, что значительно тормозило развитие карьеры. И если Кот был уже самостоятелен во всем в свои двадцать четыре и с дипломом на руках, то я на тот момент была двенадцатилетней девчонкой, которой нужно было учиться в школе. И мотаться по экспедициям, меняя школы и учителей по пять-шесть раз в год — это совсем не то, что нужно подростку. Мама и папа разрывались между родительским долгом и их общей мечтой. А потому на тяжелом семейном совете было принято решение, что я останусь с бабушкой и Костей. Так мы и остались втроем: бабушка, Кот и я.

Шесть лет прошло. Мне восемнадцать и я поступила в один из самых престижных ВУЗов на факультет архитектуры и дизайна. Это была моя мечта. Я шла к ней долгих десять школьных лет, усердно училась. И вот я здесь. И нафиг мне не нужна никакая Прага. Но Костя переживает и я его понимаю.

— Кот, ну чего ты так волнуешься? — подхожу к брату и ныряю в его родные объятия, как делала всегда, когда хотела его успокоить. Или чего-нибудь выклянчить... — Ничего со мной не случится.

— Чёрт, Ника, не хочу оставлять тебя тут совсем одну.

— Да ты только посмотри! Тут народу в студгородке больше, чем в среднестатистический деревне. Где я тут буду одна?! И в общежитии тоже одной быть не придётся.

— А вот с общагой мне вообще тема непонятна. У нас есть квартира. Почему ты не хочешь жить там? — «квартирный» вопрос бесит Костю больше всего. Он настаивает на том чтобы я осталась там. А я уверена, что именно там я и полезу на стену от одиночества.

— Котик, ну сам подумай. Там я буду совсем одна. А здесь все близко: и учебные корпуса, и библиотека. А одногруппники, сокурсники, всегда помогут с домашними заданиями и...

— И с вечеринками... И с алкоголем... — перебивает мою восторженную речь Костя,

ехидно прищурившись.

— Ой, да ладно тебе! У меня есть своя голова на плечах. За что тебе, мой дорогой брат, отдельное спасибо. Постараюсь не косячить.

— Ты? И не косячить? Не, малая, это не про тебя! — откровенно ржёт Кот.

— На крайний случай всегда есть вариант переехать обратно домой.

— А вот до “крайнего случая” давай все же не доводить, ок? — Костя вмиг напрягается, поворачивается ко мне, берет за плечи и заставляет посмотреть ему в глаза. — Я серьезно, Ник. Если что, у тебя билет с открытой датой. Берёшь самое необходимое, прыгаешь в самолёт и летишь к нам в Прагу. Бабуля будет только рада. Обещай, что сделаешь именно так!

— Обещаю, Кот. — серьезно заверяю брата. Тема моей безопасности для Кости на первом месте. Вижу, что он очень переживает. Чтобы хоть немного разрядить обстановку, улыбаясь во все свои идеальные “тридцать два”, добавляю: — Честное пионерское!

— Пойдем уже, пионерка! — Костя смеётся, берет меня за руку и мы двигаемся в сторону общежития. — Провожу до комнаты и помогу вещи донести. Потом ещё надо по делам заехать.

— Угу, знаю я твои дела. Опять тебе весь мозг вынесет...

— Ну, попрощаться с ней я все же должен.

Так, болтая о Костиной «как бы» девушке с чудным именем Аглая, и об их странных недоотношениях, мы доходим до моей комнаты. Костя заносит сумки, крепко обнимает меня и напоминает о завтрашнем ужине с бабулей перед отъездом. Проводить их я не смогу, так как улетают они днем первого сентября и я буду на парах. Вот и решили устроить накануне тёплые семейные посиделки.

— Ну пока?

— Пока, малая. Люблю тебя. Я на связи.

Брат обнимает меня, целует в макушку, как делал тысячи раз с самого детства, и уходит. А у меня слезы на глазах. У меня начинается новый этап в жизни, я повзрослела, но мне немного страшно. А вдруг у меня ничего не получится? Да и скучать буду по брату с бабуленькой нереально сильно. Они моя семья. Ближе них у меня никого нет. Родителей я люблю, но расстояние все же влияет на наши отношения. Боюсь, что с Костей станет также. Я ж этого не переживу... Он у меня самый-самый!

— Вот это образец мужской красоты!!! Я аж дар речи потеряла. Кто это был? Познакомишь?

Из моих слезливых размышлений меня выдергивает восторженная речь девушки, которая сидит на кровати с книгой в руках. Наверное, моя соседка по комнате. Надо же, а мы с Котом даже и не заметили её присутствия.

— Эммм... Это мой брат. И у него есть девушка, вроде бы... Пока ещё... — говорю я, пожимая плечами. Потому что не знаю, останутся ли они вместе после того, что натворила та гадина или нет. — Привет, я Ника. А ты, наверное, моя соседка?

— Ох... Да, привет. Я Аврора, можно просто Ро или Рори. И извини, пожалуйста, что так сразу... Ну... О твоём брате. — кивает в сторону двери, за который скрылся Костя. И да, он у меня красавец невероятный. От него все девушки просто плывут: высоченный широкоплечий брюнет с зелеными глазами. Так что подобная реакция на него мне не в новинку. — Просто он мне показался каким-то нереальным.

На меня смотрит милая девчонка моего возраста с кукольным лицом, белокурыми

волнистыми волосами и нереально синими глазами. Вот смотрю на нее и думаю о том, что они с Котом были бы безумно красивой парой... И имя у нее подходящее. Брату везет на девушек с необычными именами. Взять хотя бы эту Аглаю, чтоб ей икалось, предательнице. А до этого была Элаида. И пару лет назад Аделина, кажется. И где он их только находит...

Вид у Рори, вроде, доброжелательный. Надеюсь, мы подружимся.

— О, боже, ты что плачешь?!

— О, боже, ты что плачешь?!

Аврора подлетает ко мне со скоростью звука и крепко обнимает. Неожиданно, конечно, но приятно. Я особо не доверяю людям, так Кот учил. Всегда говорил, что не стоит видеть в незнакомцах хороших людей, что нужно сначала присмотреться, а потом уже делать выводы. И я следовала его совету всегда. Но с этой девушкой данный принцип дает сбой. Не знаю, то ли ее свобода общения с посторонним, по сути, человеком, то ли ее искренняя тревога от замеченных на моих щеках слез... Мне хочется думать, что она лучше, чем все. Что именно с ней я могу общаться свободно и быть собой.

— Ну что ты? Перестань, пожалуйста, а то я тоже сейчас начну плакать, — пытается меня успокоить Аврора, тем самым выдергивая из размышлений. — Ты из-за него, да? Что-то случилось?

— Да он уезжает просто. Надолго. А мне непривычно будет без него. Сколько себя помню, Кот всегда был рядом.

— Кот? Это он-то кот? — удивляется соседка, отстраняясь от меня и смешно выгибает бровь. — Ну, разве что, тигр или гепард... Есть в нем что-то хищное... — Аврора углубляется в свои мечты и сравнения моего брата с разными хищными животными. Я же стою и умиляюсь. — Ой, чего мы стоим на пороге-то! Проходи скорее. Я тут живу уже два года, вот моя кровать. А вот эта — свободна. Располагайся.

Комната смотрится очень уютной и обжитой. Аврора сказала, что живет тут уже два года. Наверняка, она и навела всю эту красоту. На окнах красуются шторы блэк-аут, с прицепленными на них бабочками. На стенах закреплены несколько полок для книг, на которых стоят рамки с фотографиями и всякие милые безделушки. У большого окна расположены два письменных стола и между ними огромный стеллаж с книгами. Слева от себя замечаю дверь, заглядываю в помещение — душевая и санузел. Тоже все чисто и красиво.

В небольшой кухонной зоне уже суетится Аврора, доставая из холодильника бутерброды и пирожные. Разливает чай в две кружки и приглашает присесть.

Я стягиваю с себя пиджак и обувь, присаживаюсь за стол.

Беседа завязывается сама собой. Слово за слово и я уже рассказываю Авроре историю своей семьи. Она внимательно слушает, пару раз вставляет комментарии. Мне с ней легко. Рори в свою очередь тоже делится со мной своей историей, услышав которую понимаю, что девушке очень многое пришлось пережить за ее столь короткую жизнь. Я не представляю как это, быть совсем одной. А у Авроры нет вообще никого — ни родителей, ни братьев или сестер, даже бабушек. Я испытываю уважение к этой сильной девушке. Особенно за то, что несмотря на то, как ее попинала жизнь, она не утратила веру в хорошее: в хорошую жизнь, в хороших людей. Надо будет познакомить ее с Котом поближе. Вдруг, что-то и выйдет.

Мы болтаем с Авророй до глубокой ночи, параллельно разбираем мои вещи, раскладываем по полкам книги и тетради. Засыпаем только под утро.

Следующий мой день начинается с сообщения Кости о том, что они с бабулей уже улетели. Пришлось резко менять планы, так как партнер Кота по бизнесу слег с какой-то инфекцией и не сможет присутствовать на важной встрече. А потому Костя с бабулей в срочном порядке были вынуждены поменять билеты. Я, конечно, грущу по этому поводу, но

Рори не дает мне скучать. Устраивает мне экскурсию по общежитию и району около него. Мы гуляем по парку, забегаем в пару магазинов докупить некоторые мелочи для комфортного проживания, а ближе к вечеру сидим в кафе, едим мороженое и снова болтаем обо всем.

Утро первого сентября встречает меня прекрасной погодой. На улице светит солнце, а в душе трепет от того, что именно сегодня у меня начинается новая жизнь.

— Ника, ты как? В норме? — Рори замечает мой мандраж, когда я пытаюсь нарисовать стрелки на глазах трясущимися руками.

— Да, порядок. Просто почему-то волнуюсь очень.

— Ну и зря! У тебя сегодня даже пар не будет, так, познакомишься с одногруппниками, сокурсниками и преподавательским составом. И то не всех даже увидишь. А потом мы встретимся в холле и я покажу тебе там все. У меня сегодня только пятая пара, так что побуду твоим гидом, — открыто улыбается мне. А я сижу и думаю, как же мне повезло с соседкой.

Срываюсь с места и обнимаю Аврору. Она как пластырь для души, помогает пережить отъезд брата и принять тот факт, что по сути я тут осталась одна.

— Спасибо, — искренне благодарю я.

— Всегда пожалуйста! А теперь поторапливайся, а то опоздаем.

Я заканчиваю с макияжем, быстро натягиваю на себя подготовленное для первого учебного дня платье, прыгаю в туфли и мы покидаем комнату.

Дорога до главного корпуса занимает не более десяти минут. Именно там сегодня состоится приветствие всех первокурсников и их знакомство с преподавателями. Вроде, ничего страшного не должно произойти: ну начинается учеба — так это ведь здорово. Учиться мне нравится, тем более я выбрала ту специальность, что мне по душе. Рядом идет приятельница, с которой за пару суток проведенных бок о бок отлично поладили. С братом разговаривала утром — у них тоже все хорошо. Тогда почему по мере приближения к университету меня все сильнее охватывает беспокойство и трепет, похожие на предвкушение?

Стараюсь не показывать своего волнения Авроре, чтобы уж совсем в ее глазах не быть трусихой. Она ведь, то и дело, меня успокаивает и поддерживает.

— Смотри, вон там библиотека, — показывает рукой на здание, расположенное сразу за главным корпусом. — А вон там — столовая. Кормят там вкусно, но без изысков. Поэтому, если захочется вкусняшки, то можно сходить в кофейню неподалеку, минут пять ходьбы.

Аврора продолжает свой рассказ, а я начинаю чувствовать, что мою щеку сильно печет. Словно кто-то пристально смотрит. Поворачиваю голову в сторону входа в корпус и обнаруживаю причину своих странных ощущений. На огромном крыльце много народу — парни и девушки, разбившиеся небольшими группами. Все стоят и что-то активно обсуждают. Ну, понятное дело, не виделись пару месяцев. Вот как раз среди них я и замечаю одного высокого темноволосого парня, который с серьезным видом сверлит меня своими невозможными глазами. Не отрываясь и не обращая внимания на то, что какая-то девушка отчаянно дергает его за рукав, пытаюсь привлечь его внимание.

— ... было очень весело. Мы все так смеялись, что преподавателю пришлось прервать лекцию. — О чем это она? Осознаю, что пропустила рассказ Авроры. — Ника? Ты меня слышишь?

— Да... Нет... Прости, я отвлеклась и прослушала все, что ты сказала после

кофейни, — мне, конечно, стыдно, но Аврора начинает смеяться и я невольно подхватываю ее настроение.

— И на что же, интересно, ты так отвлеклась, что не услышала историю о нашем местном “Ромео”? Или на кого? — Ро многозначительно играет бровями.

— Да засмотрелась на одного парня.

— Оу! А на кого? Покажи! Может, я его знаю и смогу вас представить друг другу, — подруга крутит головой по сторонам в поисках того парня.

— Вон там, на крыльце стоит. Высокий... — голос почему-то становится тише, словно боюсь, что он нас услышит.

— Ага, и смотрит прямо на тебя... Черт! — Аврора вмиг утрачивает всю свою веселость и беззаботность, даже как-то немного напрягается. — Нет, Ника! Нет, нет и еще раз нет! — хватая меня за руку и тянет в сторону. Понимаю, что для того, чтобы нас не было видно с крыльца здания. — Черт! Из сотен, тысяч парней всего университета ты залипла именно на этом. Ну как так!? — сокрушается подруга.

— Слушай, я не “залипла” на нем, о чем ты? — переживаю, вдруг это ее парень, а я так откровенно на него пялилась, да еще и спрашивать о нем начала. Мы ведь во всех наших беседах за эти пару дней обходили темы, касающиеся личной жизни. — Прости. Если это твой молодой человек, то... Блин, прости. Некрасиво получилось.

— Да упаси Господь иметь этого нахала самовлюбленного в статусе парня моего или вообще чьего-либо!!! — громко восклицает подруга, а у меня камень с плеч. Значит, не обидела ее. Но становится любопытно, за что она так прошлась по этому, чего уж отрицать, красавцу. — Слушай меня очень внимательно, Ника! — серьезно заявляет Аврора, хватая меня за плечи. — Эти двое — это братья Громовы. Дамир и Сергей. Местные мажоры, элита. Понимаешь? Все парни хотят с ними дружить, пытаются им всячески угодить, чтобы попасть в их круг. Даже делают всякие гнусности, придурки. А все особи женского пола от первокурсниц до некоторых представительниц преподавательского состава мечтают попасть к ним в постель. А для этих двоих все, кто ниже их по социальному и финансовому статусу, грязь под ногами. Пройдут и не заметят. Потопчутся только. Если Сергей, это который блондин, еще более-менее адекватный, то старший Дамир — тот вообще без царя в голове. Для него вообще правил не существует. Ни здесь, ни в жизни, похоже.

— Ты настолько близко с ними знакома? Откуда все это знаешь?

— Слухами земля полнится, — пожимает плечами Ро, — но я серьезно, Ника. Держись от него подальше.

— От него? Почему ты решила предупредить меня именно о Дамире?

— Он так на тебя смотрел... Да и ты на него тоже. Вы словно сцепились взглядами. Мистика какая-то... Ника, я очень тебя прошу, не общайся с ним, не поддавайся ему. Не хочу, чтобы он тебя сломал, как... — подруга резко замолкает и закусывает губу, словно сожалеет, что сболтнула лишнего.

— Как кого? Договаривай, — а вот тут уже становится страшновато. Если сначала я думала, что все слова Авроры — это проявление простой человеческой заботы, то сейчас все звучит как откровенное предостережение. — Расскажи, пожалуйста.

— Не уверена, что нужно это все ворошить. — Подруга явно сомневается, но потом все же решается. — Два года назад произошла тут очень нехорошая история с Дамиром в главной роли. Сюда поступила девушка, Катя, она училась со мной в параллели. Так вот после первой сессии студенты в общаге закатали вечеринку. Я там тоже была. Ко мне

подошла Катя. Она уже была немного навеселе. Мы не особо близко общались, но она в тот момент была настолько взбудоражена, что, видимо, не могла молчать. А потому рассказала мне, что она влюбилась, — у меня почему-то в этот момент сердце пропустило удар. Наверное, я уже понимала к чему клонит Ро. — В Дамира. И сказала, что он даже отвечал ей взаимностью. Она была счастлива. Потом куда-то испарилась и в тот вечер мы больше не пересекались. На следующее утро и случилось то, что случилось...

— И что же произошло? — голос хрипит, мне страшно услышать то, что вот-вот мне расскажет Рори.

— Ну, я, как и сотни других студентов, стали свидетелями очень некрасивой сцены. Когда в холле Катя подошла к Дамиру и потянулась к нему за поцелуем, он... Он оттолкнул ее, с надменным взглядом и холодом в голосе отчитал при всех. Мол, если я с тобой переспал, то это ничего не значит. Типа, благотворительность. С него не убудет, а девчонку осчастливил. Потом развернулся и молча ушел. А Катя... Она реально им бредила. Это была какая-то болезненная зависимость. Она перестала ходить на занятия, потом есть, потом и вовсе вставать с кровати. Неделю вся общага слышала ее рыдания. А потом ее забрали родители и, насколько мне известно, ее определили в клинику в состоянии тяжелой депрессии. Дальше о ней ничего не известно. Надеюсь, что у нее все наладилось.

Я стою, молча хлопаю глазами и пытаюсь сделать вдох. Жуткая, ужасная история. Но, к своему стыду, у меня не получается во всех этих событиях винить только лишь Дамира. Кот всегда говорил, что нужно услышать версии обеих сторон. Но, глядя на Аврору, понимаю, что сейчас совсем не время озвучивать свою позицию относительно этой ситуации. Она не поймет, так как полностью на стороне пострадавшей девушки. Мне тоже ее жаль. Хочется верить, что у нее и правда получилось “переболеть”.

Хотя в одном я все же согласна с Авророй. Мне однозначно нужно держаться подальше от этого парня. И стараться с ним не пересекаться, не провоцировать. Уж как-то странно он на меня смотрел. Не нужно мне все это. Ведь не нужно? Почему тогда от одной только мысли, что я не должна общаться с Дамиром, меня захватывает обида на весь мир? Я с ним даже еще не знакома. Может, и показалось мне, что он смотрел на меня. Может, и не стали бы мы общаться, особенно с учетом его отношения ко всем, кто его окружает. Может... Но все же обидно, когда по каким-то обстоятельствам исключается даже возможность сделать то, что хотелось бы...

— Я поняла, Ро. Спасибо, что рассказала. Постараюсь с ним не пересекаться. Мне не нужны проблемы.

— Вот и умничка! — Ро заметно расслабляется, берет меня под руку, — идем, а то опоздаем. Время поджимает.

— Ага, идем.

Шагаем с ней к крыльцу. Народу стало значительно меньше. Крыльцо почти опустело. Многие уже спешат на пары. Звонок прозвенит через десять минут.

Громовых тоже не замечаю на крыльце. Мы с Авророй заходим в корпус и расходимся: я в аудиторию, она в библиотеку. Перед дверью в аудиторию на мгновение замираю, снова ощущая тяжелый взгляд. Поворачиваю голову, оглядывая коридор. Никого нет.

— Показалось, — шепчу себе под нос и все же захожу в помещение.

Ну, здравствуй, студенческая жизнь!

Оставшийся день проходит спокойно. Как и договаривались, мы с Авророй встречаемся после моей пары и гуляем по студенческому городку. Потом она идет на занятия, а я

возвращаюсь в общежитие. Там готовлюсь к завтрашним парам. Ведь завтра уже начнутся полноценные занятия. Созваниваюсь и долго болтаю с Котом и бабулей, рассказывая о своем первом учебном дне и слушая восторженные “охи” бабули о Праге. Ей там очень нравится.

Позже с учебы возвращается Аврора, мы ужинаем, болтаем. День был для меня очень насыщенным, а потому я быстро принимаю душ и ложусь спать. И всю ночь мне снятся темные глаза, которые не отрываясь смотрят на меня. Глаза Дамира...

Утром едва получается открыть глаза. Всю ночь меня терзали сны. Наваждение какое-то! От этого совсем не выспалась. Принимаю решение, что по пути в универ забегу в кофейню и куплю себе свой любимый ледяной латте с мороженым. И вкусно, и взбодрит меня. А то ощущаю себя сонной мухой.

Собираюсь на учебу в одиночестве — Аврора убежала раньше. Одеваю свою любимую белую футболку с милым рисунком, светлые джинсы и белые кеды. Накидываю кожаную куртку, беру рюкзак и выхожу из общежития. На улице потрясающая погода. Пахнет осенью и желтыми листьями. Как и планировала, захожу за кофе, а оттуда со всех ног несусь в универ, так как засмотрелась на белку в парке и потеряла счет времени. До начала пары остаются считанные минуты.

Бегу, боясь опоздать на первую пару, и врезаюсь во что-то твердое. Больно. Словно в стену бетонную впечаталась. Осознаю, что налетела на парня. Поднимаю голову.

Да ладно! Серьезно?!

— Ну, привет, зеленоглазка!

— Вот, черт! — в сердцах ругаюсь я. Ведь так могла попасть только я.

— Не угадала, зеленоглазка, — отвечает мне та самая “стена”, на которую я налетела, крепко сжимая меня в своих огромных руках.

Поднимаю взгляд вверх, уже зная, кого именно я там увижу. Трепет охватывает все тело, руки начинают подрагивать. Смотрю в глаза Дамиру и чувствую, что теряю себя. Но так ведь нельзя, так не должно быть, Ро предупредила меня и рассказывала обо всех его похождениях на “любовном” фронте. И это помимо той некрасивой истории... Мне это не нужно.

А он тоже хорош! Вот зачем так смотрит? Сверлит взглядом, свирепо вздыхает так, что крылья его носа приходят в движение, всем корпусом подается вперед. Дамир зарывается носом в мои волосы у основания шеи и делает несколько глубоких вдохов. По моему телу бежит какая-то теплая, неконтролируемая волна ощущений, концентрирующаяся внизу живота. Чувствую, как он кончиком носа водит по шее. Веки сами собой смыкаются.

Громкий сигнал мобильного телефона Дамира, на который он сам не обращает внимания, приводит меня в чувство.словно холодной водой окатили. Я отпрыгиваю в сторону, точнее пытаюсь это сделать, но крепкие руки Дамира держат и особо не дают возможности двигаться. Так что получается, что я отодвигаюсь лишь на жалкие пару сантиметров.

— Пусти... пожалуйста, — тихо прошу я. В ответ угрюмый взгляд и молчание. — Отпустишь? — говорю чуть громче и берусь за запястье Дамира, пытаюсь оторвать его от своей талии.

— Зачем? — продолжает держать меня.

— Ну, во-первых, это неприлично, мы все же не знакомы совсем, а ты...

— А я что? — издевается этот нахал, еще и ухмыляется при этом. Красивый, зараза!

— А ты меня прижимаешь к себе, — говорю шепотом, словно опасаясь, что нас могут услышать. Хотя вокруг много народу, но создается впечатление, что всем плевать на неловкую сцену, в которой мы оказались. — Ну и во-вторых, я облилась и могу тебя случайно испачкать.

Только я заканчиваю свою речь, как происходят внезапные перемены в поведении Дамира. Он резко отстраняется от меня и с ошарашенным лицом нагло пытается стянуть с меня мокрую футболку. Успеваю схватиться за ее край, когда он задирает ее уже на уровне лифчика.

— Ты... Да ты... Ты чего творишь, извращенец! А ну отпусти меня и мою футболку! — сопротивляюсь изо всех сил. Странный он. Реально неуправляемый.

— Это ты чего творишь! Снимай живо, ты же обожглась! — кричит на меня Дамир, а до меня медленно, но все же доходит: он напуган. Испугался, что я облилась горячим кофе. Не него ведь не попало, он и не знает, что это был айс латте. Я начинаю смеяться. Видимо, это нервное. — Совсем дура? — рычит Дамир, — раздевайся, говорю. Надо осмотреть и обработать ожог.

— Успокойся, кофе был холодным, я не обожглась, — успокаиваю этого нервного нахала. — И не надо мне грубить!

— Бля... Я ж думал... Пиз... — дальше я не слышу, потому что Дамир отходит от меня

на приличное расстояние, продолжая тихо материться себе под нос.

— Грубиян! — ворчу тихо, пытаюсь поправить на себе одежду.

— Че сказала? — он оказывается возле меня так быстро, что я даже не улавливаю момент его приближения. Однако, тот факт, что он слышал, как я его назвала и его агрессивный взгляд, заставляют напрячься. Ох, как не хочется его злить. Страшновато. Я ведь не знаю, чего от него можно ожидать.

— Эмм... ничего... — решаю не провоцировать его. Человек и так на взводе, хоть мне и непонятно из-за чего. Его-то вещи совсем не пострадали, весь кофе я пролила на себя. — То есть я хочу сказать спасибо, что придержал и не дал упасть. Я очень благодарна. — Молодец я! Кот учил, что с незнакомыми людьми, особенно с мужчинами, нужно оставаться вежливой, чтобы не нажить себе проблем. А потому “улыбаемся и машем”! — Ну, я пойду, наверное. Мне переодеться нужно и постараться успеть хотя бы на вторую половину пары. До свидания.

— Стоять! — это он мне?

— Это ты мне? — ошарашенно спрашиваю и хлопаю ресницами. — Тебя вообще не воспитывали? Ты вообще в курсе, что так нельзя разговаривать с незнакомыми людьми. Тем более с девушками! — завожусь с пол оборота, все советы брата тут же забываются от такой неслыханной наглости. Он же со мной как с собачкой какой-то!

— Я отвезу тебя в общагу, переоденешься и потом отвезу обратно в универ, — заявляет с невозмутимым видом.

— Нет уж, спасибо. Сама справлюсь! — огрызаюсь в ответ. Тормоза вообще отказывают. Вроде, головой понимаю, что не стоит дальше ему дерзить, но остановиться вообще не в состоянии. Он как катализатор для моих не самых лучших черт характера. — Хватит с меня на сегодня общения с тобой. И так, чисто для справки, ты хам и грубиян, Дамир! И также, чисто для справки, я ни за что не сяду в машину к незнакомому мужчине!

Прокричав это, замираю и смотрю на парня. Он стоит, ухмыляется, кончиком языка проводит по своей нижней губе. Залипаю на этом зрелище и неосознанно зеркалю этот жест. Затем снова поднимаю взгляд. В глазах Дамира тьма, зрачки расширены, радужки даже не видно. Губы застыли в хищном оскале.

— Хм... Говоришь, я для тебя незнакомец. Но ты ведь знаешь мое имя? — не спрашивает, а скорее утверждает он. Я киваю. Его почему-то хриплый сейчас голос действует на меня словно гипноз. Он приближается ко мне, подходит вплотную, прижимается губами к моему уху. — А я знаю твое, НИ-КА, — тихий шепот на ухо, — и раз уж мы знакомы, — Дамир отстраняется от меня, отходит на пару шагов и продолжает уже вполне обычным голосом, — то ты прямо сейчас идешь и садишься в мою машину, я везу тебя в общежитие, там ты переодеваешься и мы едем обратно.

— Я не поеду с тобой! — возмущенно бросаю я, уже взяв себя в руки. Как только Дамир отошел, его странное влияние на меня прекратилось, словно морок рассеялся.

— Ты разве слышала, чтобы я спрашивал? — иронично изгибает бровь, типа я сморозила какую-то глупость. — Значит так, выбирай, Ника. Либо идешь сама, либо я закидываю тебя на плечо и несу. В обоих вариантах ты так или иначе оказываешься в моей машине, но так, чисто для справки, — пародирует мой голос, — второй вариант мне больше по душе.

— Ах, ты... — у меня даже слов не находится, чтобы ответить на его наглость.

— Решай, Ника. Тик-так... Мне-то пофигу, у меня сегодня нет занятий, а вот ты такими

темпами и на вторую пару не успеешь, не то что на вторую половину первой. А для такой хорошей девочки, — специально делает язвительный акцент на слове “хорошей”, — это ой какой сильный удар по репутации, — Дамир уже откровенно насмехается надо мной. Но не могу не признать, что доля правды есть в его словах. — Ну так какой вариант ты выбираешь, м, зеленоглазка?

— Ладно! — вынужденно соглашаюсь я, — но только сегодня и только один раз ты подвезешь меня туда и обратно. И показывай, где твоя машина — я сама пойду.

— Жаль... — картинно сокрушенно произносит этот артист!

— Что “жаль”?

— Жаль, что пойдешь сама. Я уже предвкушал, что смогу полапать твою упругую попку...

— Боже... — и снова у меня нет слов. Это же просто невыносимый тип!

— Ну что ты, можно просто Дамир! — подмигивает мне и проходит вперед, указывая направление.

— Ха-ха, как смешно! — бурчу себе под нос и иду следом за этим нахалом. Угораздило же...

До общежития мы добираемся достаточно быстро, что меня очень радует. Потому как находиться в мокрой одежде становится жутко неудобно, ведь помимо футболки и белья, на мне промокли еще и джинсы. Видок у меня наверняка ужасный. Успокаиваю себя тем, что именно поэтому согласилась, чтобы Дамир подвез меня, а не по каким-то другим причинам, которые даже самой себе пока озвучивать боюсь...

К моему удивлению, Дамир в машине ведет себя максимально прилично. Молчит и даже не смотрит. Это меня более, чем устраивает, потому что находиться с ним в замкнутом пространстве автомобиля — та еще задачка, а если при этом еще и отбиваться от его словесных нападков пришлось бы, то это и вовсе было бы невыносимо.

Как только машина тормозит у крыльца общежития, не медлю, тут же выскакиваю на улицу и мчусь ко входу. Уже на вахте замечаю движение сзади. Поворачиваюсь.

— Ты куда это собрался? — Дамир стоит возле вертушки и собирается пройти следом за мной.

— Как куда? К тебе в комнату, конечно, — с невозмутимым видом заявляет парень.

— Зачем? — задаю глупый, судя по взгляду Дамира, вопрос.

— Ну как зачем? Я пустил тебя к себе в машину, куда не пускаю никого. Особенно девушек. Значит, теперь твоя очередь пустить меня к себе, — рассуждает он, и, вроде как, все достаточно логично на его взгляд, а меня прям трясоти от его наглости начинает.

— Совсем обнаглел? — шиплю на него, как дикая кошка, — нечего тебе делать в моей комнате. Я к тебе в машину не напрашивалась, вот и тебе не стоит пытаться попасть в мою комнату. И, на мою удачу, тебя туда и не пустят. У нас на вахте сидит просто нереально строгая бабуля. Так что иди в машину, Дамир. Можешь даже не ждать, я не обижусь! Сама доберусь до универа. — Разворачиваюсь и иду, не оглядываясь, в сторону лестницы. Но пройдя несколько шагов, замираю.

— Здравствуйте, Раиса Даниловна, прекрасно выглядите, — заливаает патоку в уши вахтерши этот ловелас. Правду, значит, про него говорят, еще тот бабник! Не постеснялся даже бабулю семидесятилетнюю в оборот взять!

— Ой, здравствуй, Дамирушка. Как дела-то, чемпион? Давненько не захаживал ты к нам, — наша строгая вахтерша, которая даже студентам, проживающим в этом общежитии,

не всегда кивает в знак приветствия, мило беседует с Дамиром и улыбается ему во все свои вставные тридцать два.

— Да времени все как-то не было, Раиса Даниловна. То сборы, то тренировки, то соревнования. Да и повода не находилось.

— А тут стало быть нашелся повод-то? — хитро спрашивает его вахтерша и поглядывает в мою сторону. А я стою в шоке и жду, что же ответит Дамир.

— Ага, нашелся, — Дамир поворачивается ко мне, нахально подмигивает и заявляет: — девушку свою переодеться привез. Она у меня такая неосторожная, глаз да глаз нужен. Сегодня вот так спешила на пару, что кофе на себя опрокинула, представляете?

— Да ты что?! Не обожглась девчонка-то твоя? А то у меня мазь от ожогов есть, знаешь, какая хорошая? За пару дней все пройдет.

— Да обошлось все, — Дамир возвращается взглядом к вахтерше, — кофе, оказывается, холодный был, но испугался я, конечно, за нее сильно, — всю продолжает рассказывать сказки этот сказочник, хватаясь за сердце. А мне в него запульнуть чем-то тяжелым хочется. — Я пойду, провожу ее до комнаты, хорошо? А то не дай Бог по пути опять что-нибудь натворит... — заканчивает свою речь Дамир и смотрит на вахтершу глазками котика из всем известного мультика.

— Давай, Раисочка Даниловна, ну же, отправь его отсюда. Вы ж не нарушаете правил и не делаете исключений никогда. Мне же про вас столько рассказывала Аврора. Вы же целые вечеринки срывали и праздники отменяли, лишь бы правил не нарушать, а посторонних на территорию общежития пускать вообще наистрожайше запрещено... — едва слышно упрашиваю я вахтершу. Знаю, что она меня никак слышать не может, но в какой-то момент они оба, и Дамир, и вахтерша смотрят на меня и я слышу свой приговор:

— Конечно, Дамирушка, проходи. Проводи свою красавицу, а то вон стоит и глазищами своими большими хлопает. Никак от шока еще не отошла, — рушит все мои надежды вахтерша, делая исключение так не вовремя.

— Спасибо огромное за заботу, Раиса Даниловна. Вы — чудо! С меня конфетки и чай зеленый! — улыбается Дамир, причем сейчас он такой открытый и обаятельный, харизматичный даже. И ведь ни за что не подумаешь, что он тот еще гад, грубиян и нахал. Еще и манипулятор.

Дамир проходит вахту, приближается ко мне и по мере приближения его улыбка меняется и становится больше похожа на хищный оскал. “Дамир на вахте” и “Дамир сейчас” — это два абсолютно разных человека. Он подходит, аккуратно, даже бережно как-то, берет меня под локоток, ведет в сторону лестницы:

— Пойдем посмотреть твою комнату!

Боже, хоть бы Аврора была дома!

Дамир (июль)

Гребаная жара... Как же бесит. Ненавижу лето в родном городе. Погода тут летом жесть — духота лютая. Когда только уехал на службу и попал в места значительно прохладнее этого чертового мегаполиса, то смог задышать полной грудью. Казалось, там даже воздух слаще. Вокруг леса, реки и прохлада даже летом. На контрасте осознал, что я нихрена не теплолюбивое существо. А когда вернулся через два года, убедился в этом окончательно. И теперь здесь летом спасает только дождь. Вот он на удивление даже после люто жаркого дня идет просто ледяной. Где бы я не был, чем бы не занимался, как только начинается дождь — я выхожу на улицу. Исключение — только тренировки, на которые я никогда не забиваю. Да и тренер не позволит. Он дядька суровый. К слову, мой родной дядька Ильяс Тимурович Громов. Изматывает на тренировках так, что мы с Серым, моим младшим братом, выползаем оттуда едва живые. Дядька на это смотрит по-философски, типа вымотаетесь на тренировке — меньше всякой хрени натворите. Тут с ним согласны все, даже я. Только смотрю на это немного с другой стороны. Спорт — очень важная составляющая в жизни каждого мужчины. Это и здоровье, и красивое тело, и возможность защитить себя и своих близких. А вот накосячить-то можно в любом состоянии при большом желании и таланте, например, как у Серого — этот блондинистый засранец постоянно влипает в какие-то мутные истории. И постоянно из-за телок. Недавно только забирал его босого, в одних трусах, но с довольной мордой с какой-то хаты от непонятной бабы. Точнее от ее мужа, что, как в старых анекдотах, раньше вернулся из командировки и гнался за ним с лыжной палкой наперевес. Зрелище то еще, я ржал. Конечно, Серега мог запросто втащить этому мужику, но силы не равны. А бить противника во много раз слабее тебя — это не по-мужски. Вот и свалили по-тихому на моей тачке, забурились в ближайший клуб и праздновали там “чудесное спасение” этого ловеласа от разъяренного ревнивого мужа той, чье имя он даже не знал.

Еду в универ по делам — нужно переговорить с ректором насчет зимних соревнований и составе команд. Проезжаю мимо того дома, откуда выскочил Серега в трусах и, несмотря на то, что это было месяца полтора назад, на ржач пробивает с новой силой. Даже жара ненадолго перестает бесить. В машине на полную работает кондер и только это сейчас меня спасает.

Подъехав к универу, выхожу из машины. Майка сразу липнет к телу. Гребаная жара! На крыльце главного корпуса замечаю своих пацанов и Серега там же. Уже успели каких-то телок подцепить. Ухмыляюсь. Шустрые, однако. Среди толпы девок замечаю ту, которая бесит невероятно. Она одна из тех, кто считает, что раздвинув передо мной ноги и заглотив пару раз мой член, она автоматически становится моей “девушкой” и мы типа “в отношениях”. А о каких, нахер, отношениях может идти речь, если я сейчас смотрю на нее и не то что понятия не имею как ее зовут, но даже и напрягаться вспоминать не хочу. Было и было, потрахались и разбежались. Мне нахрен эти “оношеньки” не нужны. Столько телок вокруг, трахать — не перетрахать. Но эта играет в “дурочку” и делает вид, что ни черта не понимает, что ей уже давно дали от ворот поворот. Ну когда я ее трахал? Два? Три дня назад? После нее еще две уже было. А эта все никак не отлипнет. Значит, врубаем конченого мудака.

— ЗдорОво всем, — поднимаюсь на крыльцо. — Как оно?

— Привет, брат, — Серега пожимает руку. — Норм все, стоим, думаем куда податься сейчас. Ты с нами?

— Если что потом подтянусь, сначала к ректору надо, — отвечаю и чувствую, как в мою ладонь проскальзывает чья-то мелкая и мокрая рука. Поворачиваю голову и надо же какой сюрприз! Опять эта телка. Что ж, начинаем. — Ты еще кто? — брезгливо откидываю ее руку и с суровым видом обтираю свою о штаны.

— Дамииир, — пищит эта... Бля, да как ее?! Лена, Оля, Катя? Не, в мозгу эта информация стерта за ненадобностью. — Ты чего, зая, не выспался? Шутка, конечно, так себе, — фыркает и прижимается своей нашпугатуренной физиономией к моему голому плечу.

Стою, смотрю на нее и в голове одна мысль — сука, как ей от этого толстого слоя грима не жарко. Так, стоп! Чего она лягнула? Зая? Мои глаза наливаются кровью. Какой я ей, нах. й, зая, блядь?!

— Че сказала? Ты попуталась, девочка? — начинаю звереть. Пацаны ржут, а меня бомбит нехило. Было уже такое разок, тоже одна позволила себе такое поведение, повторять нет желания. До сих пор груз вины висит на моих плечах... — Ты, бля, меня заей назвала? Ты в каком месте тут, — указываю руками на себя, — заю рассмотрела? — девка теряется, хлопает ртом от удивления, как рыбка, а я вспоминаю этот жест — сосет так себе. — Я тебя трахнул? Трахнул! Теперь свободна!

— Хочу и буду стоять тут со всеми! Вообще-то, я не только с тобой тут общаюсь, мудака! — тут же приходит в себя она и начинает откровенно хамить.

— Ну все лучше, чем “зая”, — скалюсь. — Но предупреждаю в первый и последний раз, хамить мне не стоит — побереги зубы. А то пропишу тебе абонемент в ближайшую стоматологию на услугу удаления. Может, сосать получше научишься.

Девка краснеет, злится, но замолкает. Да, вот такой я мудака. Ибо нехер мне нервы делать.

— Дамир, мы тогда тебя тут подождем. Один хрен, никак договориться не можем, куда идти, — говорит Серый, а мое внимание отвлекает открывающаяся дверь корпуса.

Сначала я залипаю на тонких, длинных, ровных ногах. Замечаю тонкую цепочку на щиколотке на левой ноге и там же колечко на среднем пальчике. У меня аж слюна во рту скопилась. Никогда не думал, что я гребаный фетишист, но эти пальчики с нежными розовыми ноготками, реально сводят меня с ума. Поднимаю взгляд выше: джинсовые шорты, вроде, и короткие, но не пошлые, не такие, какие одевают большинство телок, что ищут приключения на свои булку, а потому и выставляют их напоказ в этих джинсовых “трусах”. А тут нет, все прикрыто. Еще выше — белая футболка с ржачным котом в красных боксерских перчатках. Хм, прикольно. На несколько секунд взгляд застывает на груди. Судя по всему, белье есть, но достаточно тонкое, потому что я могу под этой футболкой разглядеть твердую, округлую двоекку. Может, даже двойку с половиной. Ладони начинает зудеть, так хочется потрогать эту прелесть. Но, хоть я и мудака, но незнакомую девчонку лапать — это уже перебор. Сначала познакомиться бы... Минут пять поговорить, а потом и полапать уже можно. Тем более, что все телки одинаковые. Стоит только намекнуть — сами в койку прыгают.

Поднимаю взгляд к ее лицу. Длинные, темные волосы, слегка выются, падают на плечи. Губы — чистый соблазн. Розовые, чуть пухлые, созданные для того, чтобы оказаться на моем члене, который уже оживился в штанах и требует “свое”. Аккуратный носик, светлая кожа,

ни грамма косметики, глаза... Глаза! Охренеть, не глаза, а омуты какие-то. Я такого цвета никогда не видел. Может, линзы? Хотя, не похоже. Ее глаза насыщенного, густого, глубокого зеленого цвета. А взгляд...

Взгляд почему-то напуганный. Девчонка смотрит на меня с откровенным испугом и я понимаю, что это облом. Такой смачный, жесткий, словно на ринге тренер приложил своей “короночкой” с локтя. А все почему? Потому что она малолетка! Ей, походу, едва восемнадцать исполнилось. Абитуриентка? Школьница? Да какая теперь уже, нахер, разница, если все равно ничего не светит. С малолетками не связываюсь. Это мой принцип, который после определенных событий в жизни, я не нарушаю. Блядь! Ну как можно иметь такое тело и лицо и при этом оказаться малолеткой?! Это наказание какое-то!!!

— П-простите, можно мне пройти? — девчонка подает голос, это добивает окончательно.

— Чего? — хриплю в ответ.

— Вы стоите со своей компанией друзей так, что перекрываете выход. Можно я пройду? — понимаю, что мы реально встали толпой у двери, из которой она вышла и теперь, чтобы ей спуститься с огромного крыльца надо либо, чтобы мы подвинулись, либо возвращаться в здание, идти через холл к другому выходу. — Так можно?

— Проходи, — нехотя отодвигаюсь. Замечаю, что Серый как-то напрягся и с интересом смотрит на меня. Неужели, спалил, как я на девчонку пялился.

Она проходит мимо, от порыва теплого ветра задевая своими мое голое плечо. Ощущение, что чем-то безумно мягким погладили. А запах, как долбаный афродизиак. От кайфа аж глаза прикрываю. Не удивлюсь, если открою их сейчас, а у меня зрачки расширены, как у взбесившегося животного, коим я себя и ощущаю. А она самка. Но не моя... Блядь!

— Нет-нет, пустите, пожалуйста! — сквозь свои мысли слышу испуганный голос девчонки и резко распахиваю глаза. Макс и Степа, два беспринципных неандертальца, подхватили малышку под локти и не отпускают. — Пожалуйста, мне нужно идти, — уже чуть не плачет.

— Да постой ты с нами, мы не обидим. Мы ж не обидим, да, Степ. Я Макс, кстати, а это вот мой друг Степан. И у нас с ним все общее. Все, понимаешь, — Макс наклоняется к ее уху и пытается лизнуть. Степа ржет.

— Руки от нее убрали, бля! Живо! — в два шага оказываюсь внизу у крыльца, куда успела спуститься девчонка, пока я кайфовал от ее запаха. — Макс, бля, щас поломаю тебя, ты меня знаешь. Отпустили девчонку! — Ярость клоочет внутри, с трудом сдерживаю себя, чтобы не дать по роже этим неадекватам. Чувствую, что Серега встал плечом к плечу. Брат. В любой ситуации за меня, как и я за него. — Я жду, Макс. Руки, блядь, от нее убрали.

— Пацаны, реально, отпустите девочку, пусть топает по своим делам. Напугали, бедолагу. Вон сейчас в обморок грохнется. — Серега пытается убедить ребят и избавить их от вероятности оказаться в больничной койке. — Не бойся, они сами дурные и шутки у них такие же, — это уже девчонке говорит, голос мягче сделал. Э, бля, он что ее подцепить пытается? Играет в “хорошего и плохого полицейского”? Ну уж нет.

— Макс, — уже рычу. И понятия не имею, что вдруг такого он и остальные увидели во мне и моем взгляде, но пацаны тут же отпускают девочку, поднимают руки и отходят. — Иди! — бросаю ей и она тут же срывается с места. Спринтерша, блин. — Вы че, совсем охренели? Какого это все тут было? Она ж мелкая совсем!

Смотрю ей вслед. Чувство странное... Иду к ректору, обсуждаем все моменты по соревнованиям, утверждаем состав команды. После решаю все же поехать домой. Надо перевести дух.

Тем же вечером заваливаемся с Серым в какой-то пафосный клуб, где снимаю телку, чем-то похожую на ту девчонку. Издалека, вроде, похожа. Но, когда трахаю ее, понимаю, что нет, совсем не то. И как-то противно на душе становится. Начинаю злиться. Разворачиваю телку, ставлю “раком”, наматываю темные волосы на кулак. Черт, опять не то! Все не то! И волосы не такие мягкие, и запах не тот. Отстраняюсь от девки, начинаю одеваться. Разрядку так и не получил, но ничего, лучше в душе передернуть, чем так. Что с моей башкой, не понимаю?!

Девке, имя даже не спросил, явно такой расклад не по душе. Она, типа томно и эротично, соскальзывает с кровати, падает на колени и хватается за мой все еще стоящий член. Начинает его насасывать, громко причмокивая. Профессионалка, бля... Тут меня накрывает еще сильнее, потому что губы не те...

Отталкиваю телку, одеваюсь, она что-то гундит, продолжая сидеть на полу. Швыряю ей пару купюр:

— Это моя благодарность, — разворачиваюсь и иду к выходу из ВИПки.

— Я не шлюха! — обиженно визжит девка.

— Ага, почаще себе это повторяй, — бросаю напоследок и, наконец, выхожу из этого душливого помещения, наполненного отвратительно сладким запахом духов.

Ищу брата. Он отжигает на танцполе в окружении девиц. Ну, тут все понятно. Иду к нему.

— Серый, я домой.

— А чего так? Плохо старалась? — ухмыляется гад.

— Можно и так сказать. Ты со мной или сам?

— Сам.

Дома принимаю душ. Закрываю глаза и образ девчонки возникает снова и снова. Хватаюсь за колом стоящий член. Стоит только представить, что именно она стоит передо мной на коленях, как после пары движений струя спермы бьет в стекло душевой кабины.

— Как подросток, бля! — ржу сам над собой.

1 сентября

Начало учебного года. Снова. Хвала Богу, что последний курс. Приехал чуть раньше начала занятий, чтобы утрясти вопрос с расписанием. До начал зимних соревнований всего три месяца осталось, сейчас тренировки для всех участников будут проходить в усиленном режиме. Иногда придется пропускать пары, либо договариваться о возможности посещения с параллельными группами. О чем я, собственно, и договорился сегодня для себя, Серого и еще пары ребят-спортсменов, которым требовалась помощь в этом вопросе.

Стоим, как обычно, на крыльце. Болтовня ни о чем. Снова какие-то девки трутся рядом. Странное предчувствие. Интуиция вопит, что нужно быть начеку и я ей безусловно доверяю. Не раз она мне помогала. И тут помогла...

Лениво осматриваю толпящихся первокурсников на большой площадке у главного корпуса. У них сегодня знакомство с универом. Стоят, глаза на пол лица. Смешные. Пытаюсь понять, на что реагирует моя чуйка. Скольжу взглядом дальше и застываю...

Мое наваждение. Моя неадекватная, непонятная мне и совсем ненужная зависимость...

По дорожке к корпусу замечаю ту самую девчонку, что летом так запала в душу.

Цепляемся взглядом. Узнала? Не узнала? Ее спутница смотрит на меня, качает головой, хватая девчонку за руку и утаскивает в сторону, разрывая наш контакт. Блядь!

— О, какие люди! Все ее видели? Я ж говорила, что она первогодка. Слушай, а ты чего тогда летом из-за нее так всполошился, Дамирчик? Да и сейчас как-то напрягся. Понравилась девочка? — та девка, что липла ко мне месяц назад, подает свой противный писклявый голосок из-за спины.

— Тебя волнует? — рычу.

— Меня-то нет, Дамирчик, а вот чего ты так за нее разволновался — вот это уже интересно. А за меня бы так вступился? — провоцирует ведь и сама понимает, но остановиться не может, — если бы эти двое так меня зажали и в постель потащили?

— За тебя? — скептически выгибаю бровь, — Да ты бы впереди них в эту постель бы и побежала. Разве нет? Пацаны, — кивком указываю в сторону Макса и Степы, — богатые мажорчики, ты — продажная дрянь. От кого тебя защищать? Все ж по согласию.

— Думаешь, она не такая? Думаешь, она лучше? — взбесилась Оля. О, точно, Оля ее зовут. Нахрен мне эта информация?

— Уверен, — отвечаю твердо. В ее глазах блеск. По-любому задумала какой-то трэш. Бабы они такие, самые злые и мстительные существа на планете. Даже мама так говорит, что удивительно. Но, видимо, есть причины, о которых она всегда молчит. Говорит только, что хорошей будет лишь одна, та, которая будет по-настоящему моя.

— Спорим, ты не прав?

— Я не спорю ни с кем и никогда, — а вот и начало...

— А я и не с тобой буду спорить, а с ними! — указывает на Макса и Степу. — Вам же понравилась девочка, — кивают, — так давайте докажем Дамиру, что она такая же, как все. Продажная и прыгнет в постель, стоит только правильно поманить пальчиком.

Девка не успевает договорить, как те двое в один голос соглашаются. Это какой-то гребаный пиз..ц. Спорить на девчонку — ну это уже полный беспредел. Хочется удавить эту дрянь, но она, тем временем, продолжает:

— Девчонка будет попадаться вам в универе каждый день. Расписание ее узнать не составит труда. Узнаем имя, группу и вы, ребята, возьмете ее в оборот. А вот когда отымете ее и предоставите видеозапись Дамиру, тогда и меня “возьмете в оборот”, — подмигивает эта шлюха и улыбается своей долбаной голливудской улыбкой. Реально, пару зубов там точно лишние. Сука, прям сейчас в стоматолога готов переквалифицироваться. — Ну как, согласны?

— А то! — отвечает Макс.

— Нет, — казалось бы, спокойно и холодно заявляю я, но брат меня хорошо знает, а потому напрягается.

— Дамир, — Серый хватая за плечо, пытаюсь успокоить.

— Нормально, брат, нормально, — успокаиваю. Сам же надвигаюсь на Олю. — Со мной спорить будешь.

— Ах, но ты ведь не споришь. Ни с кем и никогда, — подкалывает дрянь.

— Я и шлюх не трахаю, грязно это, но для тебя ведь сделал исключение. Вот и тут сделаю. Спорь со мной. Только давай ставки поднимем?

— И что же за ставки? — очевидно, что злится на мое высказывание, но инстинкт самосохранения все же потерян не до конца, потому и делает вид, что пропустила слова мимо ушей.

— Ну, трахнуть — это слишком просто. Хотя она и девочка совсем, передо мной точно не устоит. Даже не интересно... — с напускным безразличием пожимаю плечами, засунув руки в карманы спортивных штанов.

— Что предлагаешь? — подключается Степа.

— Спорим, что она меня полюбит. По-настоящему. Признает это.

— Дамир, не надо, завязывайте. Вы ж о живом человеке говорите, о ее чувствах. Она же девчонка совсем.

— Нет-нет, Сереж, это даже любопытно, — елейным голоском отвечает брату эта дрянь, пошло поглаживая его по груди. — Ну кто же сможет полюбить этого... Дамира, скажем, за три месяца? До начала зимних соревнований справишься, м?

— Брат, ты что делать будешь, когда выиграешь? Хочешь, чтобы еще одну в психушке закрыли? — шипит на ухо Серега. А вот это удар ниже пояса, брат.

— Сам разберусь, — резко отвечаю, перевожу взгляд на девку, — я выиграю, а ты...

— А я, так и быть, Дамирчик, — перебивает, — снова позволю тебе меня трахнуть.

— Дважды одно и то же исключение насчет шлюх я делать не собираюсь, так что твое предложение мне неинтересно. Я выиграю, а ты свалишь. И не просто из нашей компании. Из универа. Отчисляешься, переводишься, мне плевать, но чтобы я тебя здесь больше не видел. — Сказав это, разворачиваюсь и двигаюсь к машине.

— А что я получу, когда ты проиграешь? — доносится мне вслед.

— Я не проигрываю.

— Ну, а вдруг?

— Чего хочешь? Бабла? Не вопрос.

— Нет, Дамир. Я хочу, чтобы ты меня трахнул на глазах у этой малолетней сучки, после того, как стелиться перед ней будешь, добиваясь ее любви, ради победы, — злобно заявляет Оля. — Представь, что она будет чувствовать? Ты ведь знаешь, что ни одна девушка не может остаться равнодушной к парню, который в нее влюблен? А ты должен будешь ей это показать. Иначе шансов у тебя ноль. Так вот после всех твоих попыток добиться ее, которые будут отзываться теплом в ее душе и невинном сердечке, она увидит тебя настоящего! Как раз в тот момент, когда ты будешь трахать и кончать в меня!

Дослушав Ольгу до конца, оглядываю рядом стоящих. Похоже, что от ее фантазии в шоке не только я. Все стоят, раскрыв рты. Даже ее подружки. Едва сдерживаюсь, чтобы не придушить эту змею. Осмысливаю ситуацию. Прав был брат, но пути назад нет. А значит:

— Я выиграю!

Решительно заявляю и ухожу. Серега со мной. Надо в зал. Иначе натворю дел...

Садимся в машину, выезжаем с территории студгородка. Тишина. Оба молчим. Наверняка, оба думаем, как разрулить.

В зале яростно колочу грушу. Дядька даже не подходит. О чем-то тихо переговаривается с Серым, стоя в стороне. Или не тихо, а это у меня в ушах вата. Бля, трэшак какой-то. Серый прав, зря все это. Но позволить Максу со Степой вступить в игру я не мог. Да и в своей победе я не сомневаюсь. Привык побеждать. Всегда. Только вот вопрос брата загнал меня в тупик. Реально, что потом делать, когда она полюбит.

Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. Сначала надо нарыть не нее информацию: имя, телефон, адрес, факультет. Надо бы к отцу наведаться. Попросить его СБэшников поработать в этом направлении. А потом начинать действовать. Три месяца — достаточный срок, чтобы подготовиться и выиграть.

Снимаю перчатки, сгребая полотенце и иду в душ. Снова она перед глазами. Всегда она. Последние недели, как одержимый, в каждой девке искал ее. Трахал только тех девок, кто хоть отдаленно были похожи на нее. И неизменно все заканчивалось провалом. Банальный трах, слив спермы и никакого удовлетворения. Эта девчонка, как отравка, проникла в мой мозг и не дает мне получать удовольствие от жизни. Хоть и злюсь, а член колом. Зае. сь! Дрочить в душевой спортзала — это уже клиника. Понимаю это, а остановиться не могу. Благо, что нет никого больше тут. Отворачиваюсь к стене, прикрываю глаза, воспроизвожу в памяти ее образ, дополненный сегодняшней встречей: снова губы, снова глаза, снова запах... С хрипом мощно изливаюсь себе в кулак. Бля, сколько добра пропадает... Моюсь, одеваюсь и еду к отцу.

У начальника СБ провожу около двух часов, зато выхожу от него с полным пакетом информации на мою зеленоглазку. Собственник внутри реагирует положительным рыком на слово “мою”. Интересное ощущение.

Заезжаю домой, чтобы переодеться. Серый с пацанами ждет в клубе. Присоединяюсь к ним, отжигаем почти до утра. Сегодня я без телок. А смысл? Если из-за зеленоглазки мне сейчас подрочить в кулак приятнее, чем трахнуть кого-то из всей этой разношерстной толпы девок, что безостановочно вешаются на меня. Задолбался снимать их с себя. Как пиявки. Бесят. И все как одна — бездушные куклы, раздвигающие ноги. Вот потому-то я лучше воздержусь, а потом оторвусь по полной с зеленоглазкой с интересным именем Ника. И это не сокращенно от Вероники. А именно Ника. Ника Александровна Аверина, восемнадцать лет от роду. Хм, уже все можно... Только со мной!

Утро следующего дня начинается с того, что я проспал. Проспал, бля, впервые за семь лет. А все из-за чего? Точнее, из-за кого? Правильно! Из-за девочки с зелеными глазами по имени Ника, что не выпускала меня из сна, в котором самозабвенно отдавалась мне так, как никто другой до нее.

Бегом принимаю душ, на ходу одеваюсь, прыгаю в кроссовки и собираюсь уже выйти, как слышу из кухни:

— Сынок, а завтрак?

— Не успеваю, мам, прости. Заеду в кафе на перерыве.

Прыгаю в тачку и мчусь в универ. У Ники сегодня первая пара. Надо успеть поймать ее перед началом и хотя бы поговорить. И не быть с ней мудаком. Ну, или хотя бы попытаться...

Дамир (сейчас)

Выныриваю из своих воспоминаний, снова оказываюсь в ее комнате. Интерьерчик так себе, если честно, но все чисто и аккуратно, все на своих местах. На разных полках стоят всякие девчачьи штучки — статуэтки, рамки с фотографиями, украшения. И, вроде, много всего, но смотрится, к моему удивлению, вполне себе ничего. Шкафы с полками, рабочие столы с разложенными на них тетрадками, пара ноутов. Интуитивно выбираю кровать, на которую и приземляюсь, устраиваясь поперек нее, облокотившись на стену. Уверен, что она принадлежит зеленоглазке. Она даже пахнет ею, а запах Ники мне уже знаком, да... Хватаю ее подушку, закидываю себе под голову. Смотрю на девчонку. Она застыла у стены напротив и, такое чувство, что даже не дышит. Стоит, смотрит на меня разъяренным взглядом, словно испепелить готова. Неужели настолько против, чтобы я находился здесь? Да даже если и так, кого это волнует? Меня — точно нет. Пусть привыкает.

— Ну! Так и будешь стоять? — в привычной для себя манере спрашиваю, — кажется, кто-то в универ хотел успеть хотя бы ко второй паре... Может, начнешь уже переодеваться?

Ника хлопает своими зелеными глазками. Судя по выражению лица, ее переполняет не только страх, но и возмущение. И оно сейчас превосходит любые другие ее эмоции. Так легко все это прочесть по ее милому лицу... Она медленно шевелит своими пухлыми губками, намереваясь что-то сказать, но потом резко передумывает. А я смотрю на нее и осознаю, что мне становится сложно себя контролировать. Ну сколько ж можно жевать свою губу?! Неужели не понимает, что творит?

Кровь резко приливает к паху, член напрягается и болезненно упирается в ширинку джинсов. Невольно ерзаю на кровати, пытаюсь лечь поудобнее и хоть немного ослабить напряжение в штанах.

Ника замечает мою вздыбленную ширинку, глаза резко расширяются, а щеки покрываются румянцем.

— Ты! Ты!... Ты что себе позволяешь?! — распалается моя красавица, — Мало того, что поперся за мной в мою комнату, разлегся тут, как... как...

— Ну? Как кто? — подначиваю ее.

— Как извращенец! Вот!

— А, ты об этом? — указываю взглядом на выпирающую ширинку. — Хочешь потрогать? — подмигиваю и пару раз двигаю бедрами. Не быть мудаком с ней однозначно не получилось. По этому пункту полный провал. Мы с ней разругались прямо в парке, где я ее подловил перед парами. Ну, как говорится, не был хорошим, нефиг начинать! А потому продолжаю ее дразнить. — Смелее, он не кусается. Вам с ним пора познакомиться.

— Ну и гад же ты, Дамир! — о, как сладко она произносит мое имя. Скорей бы услышать его, когда она будет кончать подо мной с моим именем на губах. Сперма в яйцах от представленной картины разве что бурлить не начинает, но потряхивает меня уже знатно. Возбуждение переходит на тот уровень, что одно неверное действие со стороны этой юной малышки и мне сорвет крышу.

В чувства меня приводит, прилетевшая мне прямо в физиономию, подушка. В ту же секунду, как только происходит удар, слышу испуганное “Ой”. Это ты правильно, девочка, испугалась.

— А вот теперь ты попала, зеленоглазка! — говорю обманчиво спокойным тоном, медленно поднимаясь с кровати. Но девчонка не глупая, начинает пятиться назад. — Ты хоть понимаешь, Ника, что я никому не позволяю и сотой... Да что там, и тысячной доли того, что спускаю тебе в твоём поведении! — подхожу вплотную, заключая Нику в ловушку из своих рук, расставив их по обе стороны от её лица, уперевшись ладонями в стену.

— По-почему? — немного заикаясь от волнения, произносит Ника. А меня уносит от её близости, её аромата, тепла её тела.

Накатывает ярость от того, девчонка так влияет на меня. Меня это дико бесит. Со психу громко и резко ударяю раскрытыми ладонями по стене. Ника пугается и громкого звука, и самого действия. В тот же миг её ладони опускаются на мою грудь, сжимают футболку. Это происходит инстинктивно. То ли оттолкнуть пытается, то ли наоборот. Ника ошарашено смотрит то на свои руки на моей груди, то на меня, потом снова на свои руки. В её глазах паника, на лице невероятная гамма эмоций — от страха до любопытства. Мою же грудь распирает, легкие с трудом втягивают кислород, сердце усиленно старается качать кровь. Я изо всех своих гребанных сил пытаюсь сдержаться, чтобы не напугать ещё сильнее. Мудак муذاком, но я ж понимаю, что она ещё совсем девочка и с ней нужно мягко, постепенно...

Помимо моей воли, тело само подается ближе к Нике, прижимаю её к стене ещё теснее, смотрю на неё, не отрываясь.

— Дамир, — взволнованно всхлипывает она, снова закусывая свою чертову нижнюю пухлую... розовую... мягкую... влажную губу. Да сколько ж можно-то?! Я и так сражаюсь за последние крупички контроля, а она тут такое порно-шоу устраивает.

Не отрываясь, смотрю на её рот, испытывая нереальное, просто неумное желание самому кусать зубами эти губки. Тут пальцы Ники немного шевелятся, будто она пытается захватить ещё немного ткани от моей футболки в свои кулачки. А я сквозь ткань чувствую прикосновения её пальчиков и... Выдержке моей приходит конец! К черту выдержку, к черту контроль! Да к черту, нахрен, все!

Я. хочу. эти. губы.

— Блядь! — рычу и набрасываюсь на желанный рот и улетаю... Потому что нельзя быть, сука, такой вкусной, такой сладкой! Нельзя! — Сладкая такая, — хриплю, едва удается оторваться от Ники, чтобы дать девчонке подышать. Зубами оттягиваю нижнюю губку, удерживая и проводя по ней языком, — блядь, какая же ты сладкая...

Снова вгрызаюсь в её губы. Ника сопротивляется, сжимает зубы и не пускает меня дальше. Хватаю одной рукой её за скулы, другой наматываю волосы и слегка наклоняю её голову назад, чтобы облегчить себе доступ. Надавливаю пальцами на скулы, вынуждая открыть рот шире и разжать зубы. Ника теряется всего на мгновение, но мне этого достаточно, чтобы мой язык уже начал ласкать её. Никогда, ни с одной девушкой не был я так нежен. А тут меня просто переполняет это чувство, потому стараюсь действовать аккуратно, чтобы не сделать больно.

Целую Нику грязно, пошло, развязно, потому что не могу унять свою похоть и инстинкты, жажду обладать ей. Сама виновата, ибо нехрен быть такой... Чувствую, как язычок девчонки шустро пробегает по моему. Она мне отвечает? Отвечает! Робко, несмело, неумело, но отвечает, срывая тем самым мне планку окончательно! Никогда не был таким жадным до телок, но с этой девочкой мне мало! Мне всего происходящего между нами сейчас становится мало! Хочу ещё! Хочу чувствовать её всю. Резко подхватываю под аккуратную попку, пользуясь моментом, сжимаю упругие булочки. Заставляю Нику

обхватить меня ногами вокруг поясицы и снова прижимаю ее к стене. Протяжно не то мычу, не то рычу, когда чувствую, как упираюсь стоящим колом членом между ее соблазнительных ножек и даже сквозь слои одежды ощущаю, какая она сейчас горячая там. Наверняка, еще и мокрая. Она своими нежными ручками то поглаживает мои плечи, то проходится ноготками по шее и затылку, а у меня мурашки от кайфа по всему телу.

Блядь! Блядь! Блядь! Как остановиться-то?! Как тут можно остановиться!

Подаюсь сильнее вперед, чувствую ее острые соски, что упираются мне в грудь даже сквозь ее белье и наши футболки. Перехватываю Нику одной рукой, вторую просовываю под ее футболку и сжимаю сосок через тонкую ткань лифчика, параллельно целую и покусываю шею. Девчонка издает тихий и протяжный стон. Нравится тебе, зеленоглазка. Еще как нравится.

И только я пытаюсь приспустить чашку ее мягкого лифчика, чтобы дотронуться до ее обнаженной груди, как все резко прерывается.словно, услышав свой собственный стон, Ника приходит в себя и начинает колотить меня своими маленькими кулачками везде, куда попадает.

— Отпусти, отпусти меня немедленно! — шипит эта бестия, — убери от меня свои руки, извращенец!

— Кажется, именно ты стонала тут секунду назад, извиваясь в моих руках, и это я извращенец? — насмешливо выгибаю бровь, стараюсь контролировать себя, чтобы не напугать Нику, хотя сам в бешенстве. Вот надо было ей очнуться от этого сладкого морока? — Тебе ведь самой нравилось, чего тормознула, глупая!

— Да с чего ты взял, что мне нравилось? — возмущается, пытаюсь зарядить мне пощечину. Перехватываю одной рукой оба ее запястья и жестко припечатываю к стене над ее головой. — Кому могут нравиться такие... такие... дикие и грубые поцелуи?!

— Тебе?

— Ах, ты... — краснеет вся до кончиков ушей. Такая милаха... Хоть и злюсь на нее сейчас, нахрен, за такой жесткий облом, но отрицать, что она прекрасна не только в своей страсти, но и смущении, бессмысленно. — Ничего мне не понравилось!

— А давай проверим, зеленоглазка, м? Как думаешь, если я прямо сейчас стяну с тебя сначала твои джинсы, — хриплю, покусывая ее ушко, — затем твои трусики...

— Нет... — испуганно шепчет Ника и мотает головой, — не надо...

— А потом дотронушь своими пальцами до твоей сладкой дырочки, — не обращая внимания на ее сопротивление, продолжаю, — проведу между твоими набухшими от желания складочками...

— Прекрати, пожалуйста.

— И тогда мы с тобой оба убедимся, что ты мокрая. Что у тебя там просто нереальный потоп. И, как думаешь, что это значит? — смотрю в ее хоть и испуганные глаза, но все еще с поволокой страсти, возбуждения и желания.

— Что? — спрашивает едва слышно. Скорее по движению губ догадываюсь, что именно она говорит.

— Что ты — маленькая лгунья! Вот что! Говоришь, что не понравилось, но сама течешь, как... — рычу от злости, но резко замолкаю, потому как понимаю, что разговор пошел не туда и я чуть было не ляпнул на эмоциях то, о чем бы пожалел сразу же. Уже жалею...

— Как кто? Ну же, Дамир, давай, договаривай! — кричит Ника, изо всех сил вырываясь из моей хватки. На глазах слезы. — Как шлюха, да? Это хотел сказать? Это ты имел ввиду?

— Я этого не говорил! — отпускаю ее, девочка тут же отскакивает от меня подальше, нервно поправляя на себе одежду.

— Убирайся!

— Блядь, Ника, угомонись!

— Пошел вон! — жестко и бескомпромиссно проговаривает зеленоглазка и указывает на дверь. — Своих шлюх безотказных тискай, а меня не смей такой считать! И не смей так называть! — кричит и начинает плакать, а мне каждая ее слеза, как пуля в сердце.

— Я. ТЕБЯ. ТАК. НЕ. НАЗЫВАЛ! — жестко высекаю каждое слово, чтобы до не дошло. Да, блядь, есть косяк, что неправильно подобрал слова, но назвать Нику шлюхой даже у меня — мудака со стажем — язык бы не повернулся. Бесит невероятно вся эта тупая ситуация. Как то охренительное, что происходило парой минут ранее у этой стены, могло закончиться вот этим трэшем, что происходит сейчас?!

— Просто уйди! Исчезни! Забудь все, что тут было и не подходи ко мне, понял! И прикасаться ко мне не смей!

— Ага, мечтай! — усмехаюсь, разворачиваюсь и выхожу из ее комнаты, громко хлопнув дверью. Потому что нехер бесить, маленькая ведьма!

За дверью задерживаюсь на пару мгновений и слышу, как из комнаты доносится плач. Морщусь, словно от зубной боли. Самому паршиво от всей этой ситуации. Точнее, не от всей, а конкретно от финала. Не хотел ведь обижать. Блядь, как так получилось?

Несусь по коридорам общаги, налетаю на девушку, Аврору, кажется, соседку Ники. Она смотрит на меня, как на явление Христа народу — столько неподдельного удивления в ее глазах. Не задерживаюсь. Киваю в знак приветствия и выхожу на улицу. Постояв пару минут на свежем воздухе, немного прихожу в себя. Задаюсь вопросом, как одна маленькая девочка может заставить такого, как я, человека с железобетонной выдержкой и контролем, испытывать такой невероятный по разнообразию и силе спектр эмоций? Да уж, есть над чем подумать. Но сначала зал, груша, ледяной душ, возможно, даже пару раз, потому что Ника завела нереально, яйца аж ноют от неудовлетворения. Зашибись, снова дрочить в душе! Как бы это не вошло в привычку...

Прыгаю в тачку и выруливаю со двора общежития.

Глава 6

В страхе оглядываюсь на вновь хлопнувшую дверь, переживаю, что Дамир вернулся. Но, увидев на пороге Аврору, нервно выдыхаю и резко скатываюсь в истерику.

— Боже! Боже, Ника, что случилось? — Ро подбегает и падает рядом со мной на колени, обнимает, гладит по голове, а я реву, не переставая. — Что между вами произошло? И вообще, что Дамир тут делал? Боже... Боже... — девушка немного отстраняется от меня, зажимает рот ладонью и в панике шепчет: — Он же... Ника, он же не...

— Нет! — перебиваю ее, пока она не напридумывала себе Бог знает что. — Нет, ничего такого.

— А что тогда? Почему ты плачешь? Да на тебе лица нет?

— Долгая история, — начинаю успокаиваться. Поток слез и рыдания прекращаются, уже даже могу нормально говорить.

— Так расскажи, я не тороплюсь, — немного подбадривает Ро и идет к кухонному уголку, — думаю, тебе лучше выпить чаю. Это поможет успокоиться и мы с тобой поговорим, хорошо? — уговаривает меня как ребенка.

— Да, давай. Я пока приму душ и переоденусь. На первую пару все равно не успеть, а следующее у меня по расписанию окно, можно и чаю попить.

Поднимаюсь с пола и иду в ванную. Под прохладными струями воды становится намного легче. Пока моюсь, есть время подумать над тем, что произошло тут несколькими минутами ранее. Что на меня нашло?! Почти отдалась незнакомому мужчине. Боже, что было бы, не приди я в себя от оскорблений...

Заканчиваю с душем, вытираюсь, привожу себя в порядок, поправляю макияж. А, если уж совсем честно, то полностью наношу заново, так как слезы напрочь испортили утренний. Выйдя из ванной, натыкаюсь на сосредоточенный взгляд соседки. Понимаю, что разговора не избежать, хоть и не хочется снова все это переживать. Я ведь и сама до конца не понимаю ни своей реакции на Дамира, ни его поведения...

— Я не буду тебе напоминать, что предупреждала о нем и просила держаться от него подальше. Как и не буду говорить тебе “Я же говорила!”...

— Спасибо, за понимание, — смущенно улыбаюсь и усаживаюсь за стол. Ро заварила мой любимый зеленый чай с цветами жасмина. — Точно нужно рассказывать? — спрашиваю, прячась за кружкой и нервно выглядывая из-за нее.

— А то! Жги!

И я “жгу”. Выкладываю все, как было, наблюдая за все больше и больше удивляющейся соседкой. Она и правда не комментирует мой рассказ и события, не кидает укоризненные взгляды. В глазах сочувствие, понимание и, наверное, страх, что со мной все это может повториться. Мне приятна ее забота. Если бы не она, я бы держала все в себе, переживала бы, что в итоге могло вылиться в очередную истерику.

После завершения моего рассказа на пару минут повисает абсолютная тишина. Каждая думает о своем.

— Что думаешь делать? — аккуратно начинает разговор Аврора.

— Однозначно то, что ты советовала. Буду держаться от него подальше. Ты ведь сама говорила, что девушки с удовольствием прыгают в его постель, вот и пусть Дамир пользуется ими, а не мной. Я там оказаться не хочу. Сама не понимаю, что на меня нашло. Будто морок

какой-то...

— Ага, по имени Дамир Громов, — беззлобно ухмыляется Ро, — ты пойми, Ник, не все так просто. Не получится у тебя избегать его. Теперь не получится...

— Это еще почему? У нас даже пары не всегда совпадают, в основном, по разным корпусам сидим. А через три месяца он вообще уезжает на несколько недель, — убеждаю ее в успехе своего плана, но, судя по выражению ее лица, не очень-то она верит в его успех. — Да он вообще обо мне и не вспомнит не то, что завтра. Уверена, что он уже с какой-нибудь своей... “общается” — заявляю, имитируя руками кавычки.

— Посмотрим... — задумчиво вздыхает Ро, — посмотрим...

Чтобы не опоздать на третью пару выхожу немного раньше, на случай всяких форс-мажоров... или Дамиров... С опаской выглядываю в окно в фойе общежития. Убедившись, что знакомой синей машины во дворе нет, уже спокойно выхожу на улицу и спешу в университет.

Ловлю себя на странной мысли, что мне почему-то вдруг становится обидно, что Дамир меня не ждал у общежития. И это после всех слов, что он говорил... Ну, не всех, конечно. Начало и конец нашей странной, я бы сказала, встречи были совсем неприятными. А вот то, что было в середине заставляет мое сердце безостановочно грохотать, словно оно вознамерилось пробить ребра и выскочить из грудной клетки.

А ведь это был мой первый поцелуй... До этого я никому не позволяла и тысячной доли того, что вытворял со мной, моим телом и даже разумом этот нахал. Надо бы выкинуть все это из головы. Я ведь решила держаться от него подальше. Буду действовать строго по плану. А план такой: никаких встреч, никаких разговоров, избегать мест, где появляется ОН. Если встреча все же состоится, то буду его игнорировать. Ибо иного отношения к себе он не заслужил после всех оскорблений в мой адрес.

Но мой, как я наивно полагала, тщательно продуманный план летит под откос прямо у крыльца главного корпуса университета, где у меня через двадцать минут начинается пара по архитектуре и искусству. Уже на подходе понимаю, что я конкретно так попала. Потому что Дамир стоит у самых нижних степеней и гневно смотрит на меня.

— Только бы не тормознул меня! — на нервах бурчу себе под нос, прямо как в поговорке: тихо, мирно сам с собою я веду беседу. Да уж, было бы смешно, если бы не было так грустно... И страшно... А страшно потому, что этот гад начинает медленно двигаться в мою сторону.

— Ника! — окликает меня, когда я ловко уворачиваюсь от его руки, которой он пытался ухватить меня за локоть. — Да постой же ты!

— Я спешу! — не оборачиваясь, кричу на ходу, мысленно считая шаги до здания. Там ведь он не станет выяснять отношения. И вообще, что ему надо? — Еще не все сказал?!

— Не все! — рычит.

— Ой! — осознаю, что последнюю фразу сказала вслух. Надо как-то выходить из ситуации, пока мой не самый удачный, пора это признать, план трещит по швам. Ну, конечно, этому самопровозглашенному самцу, вероятно, плевать на чьи-либо планы.

Пока веду беседу сама с собой, снова в кого-то впечатываюсь. И снова в этого амбала. Дамир преграждает мне путь, хватает за плечи.

— Кажется, это входит у тебя в привычку, — довольно протягивает, прижимая к себе теснее.

— Да что ты себе позволяешь! — шиплю и, словно разъяренная кошка, ногтями

царапаю его запястье в попытке оторвать от себя, оставляя на нем красные борозды. Спустя мгновение на ранках выступает кровь.

— Хм... Ты, конечно, можешь царапать меня, Ника, — невозмутимо продолжает Дамир, глядя то на меня, то на свое запястье. — Но все же давай, в следующий раз это будет моя спина и только в момент, когда ты будешь кончать подо мной. И желательно наедине. Знаешь ли, я не сторонник такого рода извращений, где парочка предается утехам на публике.

— Дамир, немедленно отпусти меня! — заливаюсь краской от сказанных им слов. Чувствую, что щеки печет от смущения и возмущения. — Да сколько можно! Мы же все друг другу сказали два часа назад. Стало быть, говорить нам больше не о чем. Поэтому отпусти меня, иначе я снова из-за тебя опоздаю на пару. Да меня отчислят за то, что в первый полноценный день учебы у меня уже прогулы!

— Слушай и запоминай! Никто тебя не отчислит. За один прогул ничего тебе не будет, тем более, что твоему преподавателю я уже объяснил, что отсутствовала ты из-за меня.

— Боже... ну за что мне все это?! Ты зачем это все натворил? Что теперь обо мне подумают?! Что значит из-за тебя пропустила пару?! Это же такой стыд...

— Бля... Что ж так все запущено-то... — парень сокрушенно качает головой. — Хватит себя накручивать. Я сказал, как было: столкновение, опрокинутый кофе, мокрая одежда, — и, вроде, говорит-то складно, но чую подвох. В следующее мгновение Дамир наклоняется к моему уху и шепчет: — О том, как ты стонала в моих объятиях от моих поцелуев я, разумеется, умолчал. Это, малышка, только между нами, — заявляет этот гад и слегка прикусывает мочку. И это, между прочим, у всех на виду. Друзья Дамира в компании его брата и нескольких девушек смотрят на нас удивленными взглядами. Судя по их реакции, такое поведение ему несвойственно. А мне хочется крикнуть им что-то типа: “Да-да, дамы и господа, я тоже в шоке тут стою и ни хрена не понимаю, что творит этот сумасшедший!”

— Так, стоп! Хватит! Отпусти меня, Дамир. Мы же у всех на виду. На нас все пялятся!

— Плевать, — и с места не двигается, хватка на моей талии не ослабевает.

— Это тебе плевать! Все и без того знают, что ты ненормальный. А вот мою репутацию ты сейчас знатно подпортишь.

— Ах, твою репутацию... — обманчиво мягким и ласковым голосом говорит Дамир. Он убирает от меня руки и отходит на шаг. Но почему-то все мое нутро вопит со страшной силой, что это какая-то ловушка. И улыбка у него странная... Как будто сейчас горло кому-то перегрызет. — А мне ведь ничего не стоит прямо сейчас закинуть тебя на плечо и утащить куда-нибудь в укромное местечко, еще и по заднице твоей аппетитной попутно шлепнуть. Тоже у всех на виду!

— Ты так не поступишь, — в панике отступаю назад.

— Уверена? И кто мне помешает?

— Ну, может, здравый смысл? Так, для разнообразия, воспользуйся им хоть разочек, полезный опыт получишь, знаешь ли! — да уж, не самое удачное время я выбрала для своего фирменного сарказма. Дамир резко меняется в лице.

— С огнем играешь, зеленоглазка! — так, похоже я его довела до точки кипения. Надо бы бежать и скорее.

— Так, давай-ка мы с тобой оба успокоимся и поговорим как взрослые люди. Ну что тебе от меня надо?

— Ты!

— В смысле? Ты меня не знаешь, мы знакомы несколько часов, девятносто девять процентов из которых провели в ругани. О чем ты вообще! Поэтому повторяю вопрос: ЧТО ТЕБЕ. ОТ. МЕНЯ. НУЖНО? — искренне недоумеваю.

— Я уже тебе ответил тебе, — Дамир спокоен, как удав.

— Ничего не понимаю.

— Разве так сложно понять? Ты спросила чего я хочу? Я хочу тебя.

— Но зачем?

— Нравишься ты мне.

Из горла вырывается нервный смешок. Если он так проявляет едва зародившуюся симпатию, то что же будет, когда он полюбит? Бедная его будущая девушка... Но рассуждать на эту тему у меня нет ни времени, ни желания. Слышу, что звенит первый звонок. Осталось всего пять минут до начала пары.

— Послушай, Дамир, мне это не нужно, да и неинтересно, если честно. Я пришла сюда учиться, а не с парнями встречаться. Поэтому предлагаю следующее — ты делаешь вид, что не знаешь меня, я делаю вид, что понятия не имею кто ты. И каждый идет своей дорогой. На этом разговор окончен. Я опаздываю.

Договорив, обхожу спокойно стоящего Дамира, который молчит и, слава Богу, не предпринимает попыток меня остановить. На душе как-то горько становится. Я снова ощущаю досаду от того, что пришлось отказаться даже от возможности общаться с парнем, который мне нравится. Себя обманывать не вижу смысла. Дамир зацепил меня с самого первого взгляда.

Я вспомнила его, когда мы были в нашей с Авророй комнате. Вспомнила, как летом забегала в университет проверить списки о зачислении — хотелось увидеть свое имя среди поступивших своими глазами. Я уже собиралась уходить, когда на крыльце случилась неприятная ситуация с моим участием. Двое парней зажали меня и настойчиво хотели познакомиться. Тогда Дамир помог мне. Мне он виделся таким сильным, brutальным, яростным, непобедимым. Настоящим лидером. Его невероятная аура словно окутала меня и появилось чувство безопасности. И, действительно, пара его слов, брошенных жестким тоном, и те двое меня отпустили.

Затем, позже, я пару раз думала, а что было бы, если бы он тогда догнал меня и захотел познакомиться...

Увидев Дамира вчера утром, я не узнала его. Но в комнате, когда он шел на меня, словно зверь... Или когда прижимал к стене... Я снова ее почувствовала. Его ауру. Властную, доминирующую. Она снова поглотила меня. Но в ней внезапно оказалось так уютно, что мне не хотелось выбираться из этого кокона силы и безопасности.

Сейчас, немного узнав его, понимаю, что ничего хорошего бы тогда, несколько недель назад, не вышло бы. Как и сейчас не выйдет. Слишком мы разные.

Добравшись до дверей здания, останавливаюсь и разворачиваюсь. Дамир неотрывно смотрит на меня.

— Спасибо, что помог летом.

На секунду в глазах Дамира мелькает удивление, но потом он снова цепляет маску хама и грубияна. Его губы растягиваются в нахальную улыбку. И пока он не ляпнул очередную гадость, я быстро забегаяю в корпус.

Все, Ника! Учиться, учиться и еще раз учиться!

Следующие две недели пролетели почти незаметно. Я втянулась в учебу и наконец начала нормально ориентироваться в студгородке и корпусах университета. Мы с Авророй сдружились еще ближе. Теперь я могу с полной уверенностью сказать, что мы действительно подруги. Она мне очень помогла после той сцены с Дамиром у главного корпуса, поддержала, но, что самое важное для меня, снова не осуждала и не давала никаких советов. Она просто сидела рядом со мной и молчала, пока я старалась выплакать все, что накопилось за тот странный день.

Дамир больше не предпринимал никаких попыток поговорить со мной. Не пытался тормознуть в коридорах университета, не преследовал по пути в общежитие. Вообще, вел себя отстраненно, так, как я его и просила... Словно мы с ним даже не знакомы...

Но почему-то в душе от этого было гадко, больно и горько. Если уж совсем начистоту, то я все же ждала, что он так просто не отступит. Надеялась даже. Ведь все его слова, поступки, все те эмоции, что мы с ним пережили вот в этой комнате, прямо у этой стены, на которую я плююсь битый час... Ведь не могло это быть мимолетным, хотя... “Резко вспыхнуло, быстро погасло”. Это про Дамира.

Сегодня пятница. Все собираются на вечеринку в каком-то местном пафосном клубе. Праздник в честь первокурсников, что-то типа посвящения в студенты. Ну и все хотят отпраздновать начало учебного года. Задумка такая. А по факту все просто хотят отдохнуть, расслабиться, пообщаться с друзьями.

Аврора крутится у зеркала, примеряя новое платье, которое купила по случаю сегодняшней тусовки. И сидит оно на ней просто шикарно! Сейчас, вспоминая известную фразу Коко Шанель про маленькое черное платье в гардеробе каждой девушки, понимаю, что это именно про такое платье она говорила. Потому что оно маленькое, черное, невероятное...

— Ну, как я выгляжу? — Аврора поворачивается ко мне, пару раз прокрутившись вокруг своей оси, и смотрит на меня вопросительно. И только я хочу ответить ей, как меня отвлекает вибрация телефона, который я держу в руке.

— Хм... Как удачно-то! Сейчас и узнаем как ты выглядишь! — с улыбкой принимаю видеозвонок. — Котик, привет-привет! Рада тебя видеть и слышать, но все разговоры потом. У нас тут с Ро дело первостепенной важности, — Костя внимательно слушает и ждет моих дальнейших пояснений, а Аврора краснеет, как переспелый помидор. Даже тон, профессионально наложенный на лицо, не скрывает ее яркого смущения. — Можно сказать “дело жизни и смерти”!

— Ты так не шути, малая. Я ж не молодой уже, тридцатка как-никак, — Костя смотрит с беспокойством, но потом видит, что я едва сдерживаюсь, чтобы не засмеяться и он расслабляется. — Ладно, что у вас там? Давай, жги. Я весь внимание.

— Глянь и дай ответ на вопрос “Как выгляжу?”, — заканчиваю и быстро разворачиваю телефон так, чтобы Аврора полностью была в кадре. — Ну, Кот, как?

— Ззз-здрасте... То есть добрый... ммм... день? Вечер? — Ро смущается еще больше, хотя казалось бы куда уж больше, но она бьет все рекорды. — Я Аврора, соседка Ники, приятно познакомиться.

Кот молчит и смотрит. Внимательно так смотрит, разглядывает, а Ро, бедняжка, уже не

знает куда себя деть. Потом мы слышим легкое покашливание, словно кто-то подавился слюной. Но вслух, разумеется, я не озвучиваю своих догадок.

— Я в курсе, кто Вы, Аврора. Константин, брат Ники, — ага, вежливость наше все... — Приятно познакомиться.

— Оу, и мне тоже. Очень.

— Ответ на Ваш вопрос, Аврора, будет такой: ошеломительно, великолепно, умопомрачительно, сногшибательно... преступно... — Кот включает “джентльмена” и осыпает Ро комплиментами. — Какое из этих определений Вам больше нравится?

— Эмм... ошеломительно? — Ро несмело улыбается.

— Согласен на все девяносто процентов, — отвечает ей Кот.

— А куда подевались еще десять? — да, да. Мне вот тоже, как и Авроре, интересно, что за математика такая у братца моего.

— Десять процентов я бы оставил на “преступно”, — с легкой хрипотцой в голосе поясняет Костя.

— Почему?

Я не вмешиваюсь в их разговор. Ощущение, что сейчас происходит что-то важное для них обоих. Так что, делаю вид, что я стойка для телефона. Стою. Молчу. Держу телефон.

— Потому что выглядишь так, что хочется бросить тут все дела, примчаться на то мероприятие, куда ты собралась в таком виде и посворачивать шеи всем тем, кто будет пялиться на тебя, — нагло заявляет Костя. Ого, как его накрыло-то...

— Шеи? — ошарашенно переспрашивает Аврора.

— Ага. И руки повырывать.

— А руки-то за что?

— За одно только их желание к тебе прикоснуться, — дальше тишина. Мы все молчим. Костя с Ро только смотрят друг на друга, не отрываясь.

— Спасибо, — искренне шепчет Ро.

— За что?

— За комплименты!

— Это не комплименты, Аврора. Банальная констатация факта. И еще предостережение. — Костя продолжает серьезным тоном. — Я так понимаю, что у вас там какая-то студенческая вечеринка намечается. А, значит, там будет много народу, алкоголь и куча проблем, которые вы можете найти на свои зад...

— Котик, не кипятись! — решаю все же подключиться к беседе и поворачиваю камеру так, чтобы меня тоже было видно. — Там все будет весьма цивилизованно. К тому же это клуб и там есть охрана. Так что все будет хорошо и никаких проблем на свои “з” мы не найдем.

— Ну-ну... — скептически хмыкает брат, — ты идешь?

— Пока не знаю, — пожимаю плечами, — настроения нет совсем.

— Конечно, она идет! — пылко заявляет Аврора.

— Я еще не решила.

— Малая, у тебя все хорошо? — Костя впивается в меня обеспокоенным взглядом. — Что-то случилось? Нужна помощь?

— Нет, Котик, все хорошо. Правда. Просто не ожидала, что буду так сильно уставать. Нагрузка учебная очень большая. Но я, вроде, справляюсь.

— Ты же знаешь, что я всегда помогу, если вдруг что-то случится? — В этом весь мой

Костя. Моя защита и опора. Самый лучший. — Малая?

— Да, Кот. Я знаю. Но все хорошо. Ты не волнуйся. А у тебя как дела? Как там бабуля? — перевожу тему, чтобы мне не устроили допрос с пристрастием.

Дальше разговор идет значительно легче. Костя рассказывает, как они с бабулей устроились в Праге, как на второй день пребывания в новом доме бабуля прогнала нанятую Костей домработницу с криками, что она не немощная старуха и может делать все сама. А потом четыре дня с ним не разговаривала. Кот решил все сложные вопросы с партнером по бизнесу, из-за которых ему и пришлось сорваться и поехать раньше на два дня. В общем, все у них там идет своим чередом.

— Я скучаю, — тихо говорю уже в конце разговора. — Очень тебя не хватает, Кот.

— Я знаю, мне тоже сложно тут без тебя. Дико тоскую по тебе. Да и бабуля тоже, — брат смотрит на меня своим теплым взглядом, а я представляю, как он еще и обнимает меня в этот момент, и на душе становится чуточку легче. — Может, приедешь?

— Может, на Новый год и приеду, если сессию удастся закрыть пораньше. Но я буду очень стараться.

— Это, безусловно, отличная новость, и я запомнил. Но я имел ввиду немного другое. Приехать сюда, оставив университет. Пожить тут год с нами. Если хочешь, помогу оформить тебе академ. Потом вернешься. — Кот предпринимает очередную попытку заманить меня в Прагу, но я не ведусь.

— Нет-нет, дорогой мой старший братец! У меня тут все отлично, я учусь, мне тут нравится, здесь у меня есть Аврора, которая меня отлично поддерживает. Так что только на Новый год и на недельку. Причем, билет с обратной датой ты мне лично в руки вручишь. А то знаю я тебя, — от души смеемся, потому как Костя заявляет, что я разгадала его коварный план.

— Если Ника не вернется с каникул к началу нового семестра, мне придется ехать в Прагу и вызволять ее из домашнего плена, — Ро тоже смеется, но, кажется, что настроена она решительно.

— Ну, я буду только рад, если Вы, Аврора, тоже приедете. Может, на Новый год составите Нике компанию? Разумеется, за мой счет. Я приглашаю. — Вот это да... Не ожидала, что Кот так резко возьмет Ро в оборот.

— Я... Вряд ли это возможно, — Аврора снова смущается.

— Ваш отказ меня очень расстроит. А если мы рассмотрим эту поездку как мой подарок вам обоим на праздник? Так станет “возможно”?

— Я не знаю, — едва слышно шепчет Ро, а я понимаю, что подругу надо спасать.

— Кот, мы обещаем подумать. Все же до праздников и сессии еще далековато. Но я тебе сообщу о нашем решении, как только мы его примем. А теперь нам пора собираться. Люблю тебя, Котик, — быстро сворачиваю беседу, чтобы не смущать Ро еще сильнее. — Постараюсь ее уговорить, — шепотом, чтобы подруга не услышала, обещаю брату, посылая ему воздушный поцелуй. Он подмигивает и отключается. — Хорошо поболтали, — разворачиваюсь к подруге лицом, — ну ты как? Жива?

— Ох, я даже не знаю! — Аврора прижимает ладони к все еще красным щекам и мечтательно добавляет: — Он сказал, что я преступно ошеломительна!

— Да, я точно это слышала, — радуюсь за них. Никогда не была сводницей, но тут прям ручки чешутся поучаствовать в налаживании контакта между ними. — Поможешь мне подобрать наряд на вечер? — спрашиваю, чтобы немного отвлечь Ро, а то ее щеки,

наверняка, уже печет.

— А, да, конечно! Ты все же решила пойти? — радуется подруга, направляясь к нашему шкафу.

— Да. Пора немного развеяться.

— Вот это правильно. Нечего сидеть в четырех стенах. Будет весело. Иииии... — Ро вытаскивает из шкафа то, в чем мне предстоит пойти на вечеринку. — Та-дааам! Вот это подойдет в самый раз!

— Это? Ты уверена?

— Абсолютно. И отказы не принимаются. В этом прикиде ты произведешь невероятный фурор. А уж вместе мы точно покорим там всех! Теперь бегом в душ, потом я сделаю тебе прическу и макияж. На все про все у нас с тобой всего полтора часа. Надо поспешить, — командует подруга.

Я нехотя плетусь в душ, раздумывая над тем, что явно поторопилась с решением пойти на вечеринку и уж точно зря попросила помощи в подборе наряда. Нет, у Ро безусловно есть вкус, она “в теме” моды и стиля, хотя уж точно не ведет себя как современные пустоголовые инстамоделки, разговоры которых сводятся лишь к тому, кто сколько грамм ботокса вкачал в свое лицо. Или в какую-то другую часть тела. Есть у нас в группе парочка таких... Боже, как подумаю об этом, так мурашки по всему телу бегут. Брррр... Не понимаю, как можно добровольно все это творить с собой и своим телом. И ведь большинство из них изначально то красавицами были. Но повелись на фальшивые “модные тенденции” и теперь живут от дозы к дозе, словно зависимые. Ужас. А вот Аврора сочетает в себе и ум, и натуральную, ничем не испорченную красоту, и чувство стиля. И сегодняшней ее образ полностью подтверждает мои мысли. Даже у Кости дар речи пропал ненадолго, а это с ним, для справки, случается крайне, крайне редко. Он все же бизнесмен и часто ведет самые важные переговоры лично, не подключая своих подчиненных. Но тут в первые секунды разговора не мог из себя и звука выдать. Ну что сказать, Аврора произвела на него неизгладимое впечатление. Впрочем, как и на меня. Ведь я ее знаю немного дольше и больше, чем Кот, и у нас с ней оказалось много общего. Наверное, именно поэтому мы с ней и подружились. Она реально классная девчонка.

Но вот то, что она выбрала для меня... Кажется, это немного перебор... Или много. Чтс ж, посмотрим...

Шумно. Очень шумно. Даже на парковке у клуба слышна музыка, что гремит внутри. Не люблю ночные клубы, была в них всего дважды и дважды мне не понравилось. Особо не надеюсь на то, что в третий раз будет по-другому.

Мы с Авророй приходим в клуб “Vertigo” уже после начала вечеринки. Все же собраться за полтора часа нам не удалось. Но даже если мы что-то и пропустили, то точно ничего важного. В клубе много народу, кто-то танцует, кто-то сидит за столиками, кто-то у барной стойки. Самые “важные” студенты, они же мажоры, заняли все четыре ВИП-ложи. Не смотрю туда, неинтересно.

Ро тянет меня за руку к одному из столиков, где разместились большая компания.

— Народ, знакомьтесь, моя подруга и соседка Ника, — Аврора представляет меня своим друзьям. — Ценить, уважать и не обижать. Особенно это касается тебя, Дан! — строго заявляет подруга, а я смотрю на того, кому адресованы ее слова.

— Я? Да когда я кого обидел? — наигранно и со смехом возмущается тот самый Дан, симпатичный парень, с милой улыбкой. Дан смотрит на меня и я замечаю, как в его глазах загорается интерес. Совершенно не нужный мне интерес. Он поднимается со своего места и приближается ко мне, наклоняется и говорит мне прямо на ухо: — Привет, я Даниил. Можно просто Дан, — отстраняется и протягивает руку.

— Привет. Ника, — коротко повторяю свое имя. Хочу из вежливости добавить, что мне приятно познакомиться, но слова застревают в горле, потому что парень подносит мою ладонь к своим губам и оставляет на внутренней стороне, прямо в центре, влажный поцелуй. В процессе он не отводит взгляд, держит цепко. Слишком интимный жест, на мой взгляд. Стою растерянная, пытаюсь вытянуть свою руку из его сильной хватки.

— Ты великолепно выглядишь. Просто сногшибательно! Вау! — Дан оценивающе проходит по мне взглядом, застывая то на области груди, то возвращаясь к кожаным ремешкам на шортах, которые опоясывают мои бедра.

А вот я же говорила! Говорила Ро, что не стоит мне идти в клуб в этом комбинезоне! Это же не одежда, а так... Имитация. Но нет, подруга твердо стояла на своем. Даже история о том, что этот наряд я приобрела в секс-шопе, ее не остановил. Она только громко смеялась над тем, как я умудрилась проспорить Коту.

Да, именно старший брат заставил меня купить этот костюм. Точнее, не костюм, а хоть что-то в одном весьма “специфическом” магазине. Он просто взял меня на “слабо”, типа я ни за что не смогу зайти в подобный магазин и посмотреть там товары. Мне было обидно, что он считает меня трусихой и, конечно же, я попыталась доказать ему обратное. Но он, как всегда, усложнил задачу, заставив не просто посмотреть товары, но и приобрести что-нибудь на свой выбор. Так вот среди всего изобилия разнокалиберных секс-игрушек на любой вкус и даже цвет, к покупке которых я оказалась абсолютно не готовой, не смотря на то, что была уже совершеннолетней, я и нашла “его”. К слову, именно в мой восемнадцатый день рождения Костя все это и придумал. Но проиграть я не могла, на кону стояло разрешение остаться здесь и пойти учиться в университет, а не ехать с ним в Прагу. Так я должна была доказать, что я взрослая. Мне повезло, что Кот не уточнил, что я должна купить там. Этот комбинезон оказался там самым приличным товаром и его я купила. Кот, конечно, повозмушался, что я его перехитрила и требовал вернуться в магазин и выполнить условия

спора, но мне все же удалось его убедить, что я выиграла, потому как он не уточнял категорию товара, который я должна была приобрести.

И вот в этом костюме я стою сейчас перед парнем, посреди ночного клуба, который насчитывает несколько сотен посетителей... Кошмар! Чувство, что на меня все пялятся. И эти липкие взгляды я ощущаю физически. Но есть еще какое-то странное ощущение. Чувствую еще один тяжелый взгляд, что прожигает мне спину. И, мне кажется, я даже знаю, кому он принадлежит. Я аккуратно вытягиваю свою ладонь из руки Даниила и, поблагодарив за комплимент, отхожу от него на пару шагов, практически прижимаясь к Авроре.

— Все в порядке? — беспокоится подруга.

— Да, все отлично. Просто чувствую себя немного неуютно в этом наряде.

— Ника, ты просто бомба в этом комбезе! Я же говорила, что ты уложишь на лопатки всех парней тут одним лишь своим появлением. Так что расслабься и наслаждайся вечером. Тебя никто тут не обидит! — безапелляционно заявляет Ро и мне не остается ничего другого, кроме как последовать ее совету. Не бежать же домой, в самом деле, чтобы переодеться...

Мы присаживаемся за столик, заказываем напитки. Я беру безалкогольный, потому что не хочу терять бдительность. Снова “школа” брата, но мне так спокойнее. Мы болтаем с друзьями Авроры, половина из которых — это ее одноклассники, а вторая половина — просто друзья с потока. Даже грохот музыки не мешает нам слушать смешные истории, которые происходили с ребятами в тот или иной период их обучения. В целом, мне весело. И я даже готова сказать, что этот поход в клуб явно удался.

Спустя час нашей веселой болтовни ко мне подсаживается Дан. Он сдвигает наши стулья почти вплотную и, усевшись, кладет руку на спинку моего. Со стороны похоже, что он меня обнимает. Ро подмигивает мне и показывает “класс”, мол круто смотрите вместе, а тем временем, мою спину печет еще сильнее.

Я набираюсь смелости и осматриваюсь вокруг. Огромный танцпол, приятный интерьер в стиле “техно”, установленные столики по периметру танцпола, огромная барная стойка, за которой молодые ребята-бармены устраивают невероятное шоу, демонстрируя свои навыки. Зрелище завораживает. Но я продолжаю рассматривать помещение дальше. ВИП-зоны. За тяжелыми шторами стального цвета, собранными на данный момент подхватами, стоят такого же цвета небольшие диваны с кучей подушек на них и стеклянными столами рядом. В одной из компаний, занимающих ВИП-зону, замечаю знакомую блондинистую макушку. Сергей, брат Дамира. Он видит меня и резко меняется в лице. Смотрит на меня несколько секунд, а потом внезапно отворачивается, словно что-то привлекло его внимание. Я следую за его взглядом и натываюсь на Дамира. Конечно, куда ж без него!? Дамир смотрит прямо на меня, а меня словно арктическим льдом обдаёт. Он медленно переводит взгляд на руку Дана, что уже совсем обнаглел и поглаживает большим пальцем мое голое плечо, не прерывая беседу с друзьями.

Дамир все это видит и... Злится. Он реально дико зол. Только вот на что? На то, что красивый парень сейчас прикасается ко мне? Так чья б корова мычала, как говорится! Ведь на нем самом висит какая-то девушка. Да она практически на него залезла уже, а ее рука вообще находится на минимальном расстоянии от его ширинки. И при всех этих обстоятельствах он злится на меня?!

Ну уж нет, так не пойдет! Плевать, что ревность затапливает меня с ног до головы! Плевать, что больно видеть, как какая-то телка висит на том, кто по каким-то неведомым

мне причинам настолько сильно запал мне в душу! Плевать, что я едва могу сдержать слезы! Плевать! Плевать! Плевать! И на злость его тоже плевать!

Решаю не грузиться и немного расслабиться. Изменив своим правилам и принципам, заказываю себе коктейль с добавлением алкоголя. Выбор падает на “Голубую лагуну”, так как я обожаю вкус сиропа “Блю кюрасао”. Официант приносит коктейль достаточно быстро. Мне жарко, а потому я выпиваю коктейль почти залпом.

— Малышка, полегче, — тормозит меня Дан, подмигивает и якобы эротично ведет кончиком языка по своим губам. — Ты мне сегодня нужна трезвая.

— Зачем это? — скептически выгибаю бровь. Нет, парень реально красивый, но на что он надеется? Неужели думает, что взял меня в оборот, погладив пальчиком по плечу и я, вся такая разомлевшая и покоренная его обаянием и харизмой, прыгну к нему в постель? Ох, как же он ошибается. Придется спустить человека с небес на землю.

— Хотел тебя пригласить на свидание сегодня. Думал, посидим еще часик и поедем ко мне... Посмотрим фильм...

— Ох, Даниил, это ж какие девушки тебе попадались, что ты в каждой следующей видишь ту, что поведется на такой подкат? Ты серьезно? — видимо, алкоголь бьет в голову, потому как я начинаю смеяться. Громко так, от души. Все за столом на меня смотрят, потому что это уже смахивает на истерику. Понимаю, то нужно взять себя в руки. Резко выдыхаю и затихаю. — Хм, извини. Просто ты меня спутал с теми, кто готов вот так уехать из клуба к первому встречному домой. Со мной такое не прокатит. Так что мой тебе совет: не трать на меня свое время. Обрати внимание на кого-то другого и, может, тебе повезет и сегодня тебе все же удастся “посмотреть фильм”.

Встаю из-за стола и ухожу. Слышу в спину злобное “Сука!”, но мне плевать. Я не понимаю, что со мной происходит, но мне нужно отсюда срочно уйти. Воздуха не хватает. Не алкоголь это, нет. Не так уж и много его в напитке было. Это что-то другое. Кто-то другой...

Проталкиваюсь сквозь толпу, хочу выйти на улицу и продышаться, но останавливаюсь. Звучит один из моих любимых треков и тело само начинает двигаться в такт. Я люблю танцевать, мне нравится чувствовать ритм и подчиняться ему. Я полностью погружаюсь в танец и сквозь туман эйфории едва замечаю, как по моей талии нагло гуляют чужие руки. Открываю глаза, пытаюсь выбраться из крепкой хватки какого-то мужчины. Не вижу кто это, он стоит сзади и не позволяет обернуться. Меня начинает потряхивать от страха и напряжения. Ситуация выходит из-под контроля, когда очередную мою попытку вырваться из этих “навязанных” объятий жестко пресекают, сильно ухватив меня за волосы на затылке и потянув назад до острой боли. Я вскрикиваю и мне тут же зажимают рот ладонью, пропахшей никотином. Меня начинает мутить. То ли от нервов, то ли от страха. Я не знаю, как себя вести в подобных ситуациях. В теории-то мы с Котом обсуждали подобное, но вот на практике я оказалась абсолютно не готова действовать и хоть как-то защитить себя. У меня, видимо, шок, потому что тело наотрез отказывается двигаться. Мой пленитель шепчет мне какие-то пошлые гадости на ухо, пытаясь его укусить. Мне противно. Я в панике осматриваю танцпол в попытке найти хоть кого-то, кто поймет, что все происходит ту не по моей воле и поможет. Но все бесполезно. Народ двигается хаотично, не замечая происходящего. Но я не сдаюсь, продолжаю выцеплять взглядом из толпы знакомые лица и, наконец, нахожу.

Вижу Дамира у барной стойки, он разговаривает с кем-то, а я мысленно кричу во все

горло, зову его, чтобы он помог мне. Господи, Боже, да посмотри ты на меня, пожалуйста! И, о чудо, он поворачивается, лениво оглядывает зал и замечает меня. То, что он видит, ему явно не нравится. Его лицо вмиг становится серьезным, а затем я вижу ярость. Ничем неприкрытую ярость. Ощущение, что он готов убивать! Но почему мне кажется, что эти эмоции направлены не на того, кто зажимает меня, а на меня саму. Пытаюсь удержать его взгляд. Он действует на меня словно катализатор, я начинаю ощущать свое тело, дергаюсь в руках незнакомца. По венам бежит горячая лава, сердце дико стучит, в ушах слышу только свой собственный пульс. В какой-то момент, мне удается собрать все свои силы и укунить его ладонь, от чего он шипит и пытается перехватить меня. Но этой секундной заминки хватает, чтобы я смогла прокричать всего два слова:

— Дамир, помоги!

Едва мне удается крикнуть, как этот псих резко разворачивает меня к себе лицом. Мужчина мне незнаком. По его выражению лица и шевелящимся губам понимаю, что он зол и кричит на меня, но я его не слышу. Меня охватывает чувство безысходности. Когда визуальный контакт с Дамиром был потерян, я словно упустила надежду на то, что мне помогут. И от этого стало еще страшнее. Вокруг сотни людей, но всем плевать на то, что происходит у них буквально под носом. По щекам текут слезы, мужчина замахивается и бьет наотмашь меня по лицу. Резкая вспышка боли, темнота, звон в ушах, потеря равновесия, вкус крови во рту.

Открыв глаза, понимаю, что я сижу на полу, меня кто-то обнимает и в попытке успокоить гладит по спине. Дергаюсь, но меня держат крепко. Поднимаю голову и вижу перед собой Сергея, брата Дамира.

— Ника, Ник, ты меня слышишь? Ну же, девочка, не пугай меня, ответь! — Сергей в панике осматривает мое лицо, морщится, когда смотрит на губы. Машинально провожу по ним языком и вкус крови становится еще сильнее. — Ника?

— Я тут, да, — хриплю и пытаюсь встать, но ноги не слушаются и кружится голова. — Помоги, пожалуйста, подняться.

— Давай, только аккуратнее, пожалуйста, а то мне брат голову снесет к херам! — вот это новости. С чего бы это?

— С чего бы это? — спрашиваю.

— А сама-то как думаешь? — Сергей смотрит на меня и терпеливо ждет, когда же до меня дойдет.

— Где он? Где Дамир? Это вы помогли мне?

— Он уже в комнате охраны, разбирается с тем утырком, что лапал тебя. Бля, я думал он его в пол утрамбует, еле оторвали его. — Сергей помогает мне встать, аккуратно поддерживая за талию. — Ну как, стоишь?

— Да... Вроде...

— В больничку бы тебе. У тебя может быть сотряс. Удар был серьезный. Блять! — в сердцах говорит Сергей, нервно растирая свободной рукой свое лицо, второй поддерживает меня. — Сука, я думал он его убьет. Я таким его не видел никогда.

— Сереж, что произошло? Я немного выпала из реальности, когда случился этот удар, — парень ведет меня в сторону дивана в VIP-зоне. Там пусто и достаточно тихо, можно поговорить. Он усаживает меня на диван, сам садится на столик напротив меня. Молча смотрит на меня какое-то время, а потом начинает рассказывать.

— Мы сидели в VIPе своей компашкой, Дамиру позвонил наш знакомый, он забыл в

зале какие-то документы важные, попросил забрать их оттуда после тренировки и захватить в клуб, он живет тут недалеко. Так вот подходим мы к бару, стоим, общаемся, а потом Дамир замечает тебя в компании какого-то мутного типа. В очередной раз за сегодняшний вечер... — замолкает и многозначительно смотрит на меня. Я понимаю, что речь идет о том самом моменте за столиком с участием Дана. — Дамир начинает психовать и уже собирается уходить из клуба, как резко тормозит и... Бля, столько гневных матов я от него еще не слышал. Он срывается с места и, как танк, прет в вашу сторону. Мы ни черта не можем сначала понять, но потом я вижу твой испуганный взгляд, слышу крик. Даже не столько слышу, сколько понимаю что именно ты в ужасе кричишь.

— Дамир, помоги, — шепчу.

— Да, Ник. Это стало спусковым крючком. Дамир опоздал буквально на секунду. Потом был тот удар и ему окончательно сорвало планку. Он крикнул мне, чтобы я тебя забрал, а сам кинулся на того урода, что тебя ударил. Ты знаешь его? Это твой знакомый?

— Нет, нет! — резко вскидываю взгляд на Сергея, — я его никогда не видела. Я захотела уйти домой после того, как... После того... — не могу признаться в том, что приревновала и сорвалась из-за той сцены с участием Дамира и какой-то телки на его коленях. — Не важно... В общем, я захотела домой и уже шла на выход, но заиграла моя любимая мелодия и я... Боже, меня чуть не изнасиловали на танцполе из-за того, что мне захотелось потанцевать под любимый трек! — истеричный смешок вырывается из горла и в следующее мгновение я захожусь в рыданиях. Не могу остановиться, воздуха не хватает.

— Тише, тише, не плачь, Ника. Все ведь обошлось. Тшш, — Сережа прижимает меня к себе, обнимает, пытается успокоить, но все бесполезно. Истерика все набирает обороты. — Это просто адреналиновый откат. Все хорошо, Ника, слышишь? Все закончилось.

Но и эта попытка успокоить меня не приносит парню успеха. Тогда он садится на диван, перетягивает меня к себе на колени и начинает укачивать, словно ребенка, шепча на ухо утешительные слова. И от этого мне немного становится легче. Рыдания затихают. Остаются лишь редкие всхлипы. И вот именно сквозь них я слышу, как парень со смешком, но как-то обреченно говорит:

— Ну все, мне пиздец...

Спустя мгновение зал сотрясает дикий рев.

— Серый, блядь, я сказал тебе позаботиться о ней! Сука, какого хера ты лапаешь мою зеленоглазку и почему она у тебя на коленях сидит? Тебе тоже руки сломать или совсем оторвать к херам?!

А вот и Дамир пришел...

Дамир

— Серый, блядь, я сказал тебе позаботиться о ней! Сука, какого хера ты лапаешь мою зеленоглазку и почему она у тебя на коленях сидит? — Подлетаю к дивану в ВИПке, куда брат увел Нику, вижу картину, как моя! моя, блядь, девочка сидит на коленях моего брата и тот ее нежно так, трепетно, сука, обнимает! Чеку срывает окончательно! — Тебе тоже руки сломать или совсем оторвать к херам?!

Злость затмевает глаза, ярость перекрывает все остальные эмоции. Вот сейчас, в таком состоянии, я готов убивать. Но надо тормознуть. А то ведь реально покалечу Серого. Вспоминаю советы тренера, прикрываю глаза, дышу глубже, пытаюсь взять эмоции под контроль. Дышу... Вдох, выдох... Снова вдох. Вроде, успокаиваюсь, но потом снова словно разрядом тока прошибает. А все потому, что чувствую ее запах. Она рядом. Моя Зеленоглазка. Не слышал, как подошла. Почувствовал. Как зверь, на уровне инстинктов ее ощущаю. Ее маленькая ладошка ложится на мою щеку. Вроде, совсем невинная ласка, а меня будто дефибрилятором с максимальным зарядом шарахнули. Открываю глаза. Ника стоит совсем близко, смотрит на меня, так и не убирает ладонь с моей щеки. Смотрю на нее, руки сами хватаются за ее талию, притягивая к себе максимально близко, чтобы не оторвать... Чтобы не потерять...

— Дамир, — шепчет так тихо, что едва слышно, — Дамир, не сердись, пожалуйста. Сергей... Он помогал мне. И только. Ничего такого, что ты себе мог представить. Честно. Я бы без него не справилась. Не ругайся с братом, из-за меня, пожалуйста, — говорит и смотрит в глаза так проникновенно, что я только и успеваю заметить, как злость и ярость сходят на “нет”.

А Ника еще так доверчиво прижимается ко мне всем своим, едва прикрытым, кстати, телом, что меня просто уносит. За наряд свой “уникальный” она еще отхватит по полной. Но это позже. Сейчас же нужно ее отсюда забирать.

— Блядь... Блядь, Ника... — надрывно хриплю, утыкаюсь носом ей в макушку и прижимаю к себе сильнее. Не сопротивляется. Правильно, девочка, привыкай. — Никогда в жизни не было так страшно, как в момент, когда увидел, как ты оседаешь на пол после удара. Думал, сдохну. — Сам не понимаю, как все эти слова рвутся из меня. Никогда не умел красиво говорить и тем более признавать свои чувства. Да и не было их никогда, чувств этих. А тут словно прорвало плотину... — Убить его хотел.

— Спасибо, что спас, — говорит Ника куда-то мне в грудь, а я ощущаю ее горячее дыхание и меня уносит окончательно. Так правильно она сейчас ощущается в моих руках.

Хочу эту девочку. Хочу себе. Навсегда. Похер на спор. Не ради победы в нем кинулся ей на помощь, а ради того, чтобы защитить “свое”. Потому что моя она, просто сама еще этого не понимает. Но мы это исправим. Все эти недели, что держался от нее на расстоянии, сходил с ума от бешеной тяги к ней. Но держался. Потому что Нике нужно было время, чтобы самой понять, что она тоже скучает. Да, я видел это в ее взгляде, в том, как она осматривалась по сторонам каждый раз, когда шла куда-то. Думала, что меня нет рядом, что я отступил, прислушавшись к ее гневной речи тогда, возле универа. Глупенькая какая. Я наблюдал за ней, ходил тенью, как гребаный сталкер, но не мог остановиться. Она для меня словно наркотик, без нее подыхаю. Серый ржал надо мной, говорил, что у меня просто

спермотоксикоз. Но даже он позже понял, что все не просто. Не просто спор, не просто игра, не просто тоска по ней.

А насчет спора — придумаю что-нибудь. Все равно эту Олю надо убирать отсюда подальше. Совсем берегов не видит и творит такую дичь, что даже у меня от ее фантазий мураши по коже. Совсем без башки девка. Приперлась сегодня в клуб, вешалась весь вечер на меня, зная, что я здесь исключительно ради Ники. Задолбался стаскивать ее с себя. Жаль только, что Ника все это видела и, наверняка, все поняла по-своему. Ведь именно после этого она позволила какому-то ушлепку обнимать и наглаживать себя. Сука, как только не прибил его. С ним я еще поговорю, разъясню что да как.

Чувствую, что снова завожусь. Ника, видимо, тоже это ощущает, напрягается в моих руках, пытается выпутаться из моих объятий.

— Поехали, — позволяю ей немного отстраниться, но не отпускаю.

— Куда? — спрашивает немного растерянно.

— Отвезу тебя домой.

— Не стоит беспокоиться, я на такси... наверное... — говорит с паузами, так как замечает мой взгляд сразу после слова “такси”. Старается отойти дальше, не пускаю.

— Зеленоглазка, совсем умом тронулась? — завожусь с пол оборота, — ты в этих “ремешках” еще и на такси собираешься рассекать? Мало проблем сегодня у тебя было из-за этой недоодежды. Еще и перед таксистом собралась сверкать своей задницей и сиськами? Что это вообще за блядский наряд? — уже ору и даже сдерживаться не пытаюсь.

— Не смей на меня орать! — кричит в ответ Зеленоглазка, в глазах снова слезы. Блядь. Опять все не так! — Я благодарна тебе за помощь, но не надо на меня орать! И отпусти уже меня! — пытается вырваться из моих рук.

— Ага, прям вот так я тебя и отпустил! Сказал отвезу, значит, отвезу! Это понятно?

— Никуда я с тобой не поеду! Ты ненормальный! И пил алкоголь, к тому же, — с вызовом заявляет Ника. О, в гневе она еще красивее. Глаза так и полыхают!

— Наблюдала за мной?

— Ха, больно надо! Просто случайно заметила намечающееся порно-представление, когда та девка уже практически залезла на тебя. Решила, что мне противно и отвернулась!

— Ника, да ты же ревнуешь, — говорю ей на ушко и замечаю, как по ее нежной коже разбегаются мурашки.

— Говорю же, ты пьян! Причем, очень пьян, раз позволяешь себе мечтать о подобном! Не ревную я тебя, ясно? — кричит мне в лицо, тычет своим пальчиком мне в грудь, а в глазах обида. Да, девочка, мне все ясно.

— Все! — резко пресекаю этот бессмысленный спор. Надо валить отсюда, а то нервы на пределе, похоть шкалит. Если сейчас не уйдем отсюда, то точно разложу свою зеленоглазку прямо тут на этом диване. На котором, кстати, сидит Серый и ухмыляется, гад, наблюдая за нашей перепалкой! — Чего скалишься, засранец? — со смехом бросаю ему. — Тебе повезло, что меня тормознули.

— Да кто бы спорил! Ты вообще неадекват сегодня! — уже откровенно ржет брат.

— Вот видишь, не одна я считаю тебя ненормальным! — поддакивает Ника.

— Все сказала?

— Да!

— Тогда, айда ко мне на ручки! — говорю и хватаю Нику под колени. Она, разумеется, даже понять ничего не успевает, как уже оказывается у меня на плече. — Серый, мы ушли.

— Удачи, брат! Она тебе сегодня пригодится! — кидает вслед Серега.

Со своей драгоценной ношей начинаю двигаться к выходу из клуба. Но это ведь была бы не Ника, если бы просто спокойно приняла ситуацию. А потому все, кто встречается нам на пути, слышат ее вопли.

— Гад! Неандерталец! Варвар! Да ты ж ненормальный! А ну отпусти меня! Отпусти Дамиррррр! — ох, как красиво она рычит. Так и впился бы в эти губки, которые так сладко произносят мое имя. Ника брыкается, но я держу ее крепко.

— Утомонись! — смачно шлепаю ее по заднице, обтянутой кожаными шортиками. Наряд, конечно, блядский и точно не для клуба, но вот дома, в спальне, он очень даже был бы уместен. Заводит нереально. Так обтягивает ее упругую жопку, делая еще более привлекательной. Дико хочется впиться зубами. Обязательно так и сделаю, но сейчас могу только шлепнуть еще раз. Не могу отказать себе в удовольствии!

— Ах, ты! Да как ты смеешь! Ой! — шлепаю еще раз и резко торможу, не меняя ее положения.

— Еще хоть один звук и я трахну тебя прямо здесь, Ника!

— Но... — пытается возразить, но резко замолкает, видимо, понимая, что я ни разу не шучу. А я и не шучу. Еле сдерживаюсь. Скорей бы добраться до дома.

— Умница! — одобрительно поглаживаю ее “булочку”. Она напрягается, но молчит. Значит, урок усвоен.

Спустя пару минут вдыхаю свежий ночной воздух. На парковке отпускаю Нику возле машины, открываю дверь. Стоит, смотрит на меня, обиженно дует губки. Наклоняюсь к ней, аккуратно провожу пальцами по нежной щеке, приподнимаю за подбородок, чтобы смотрела мне в глаза.

— Ну дуйся. Пожалуйста, — говорю ей и легонько касаюсь ее губ своими. Это даже не поцелуй, а в паху от этого легкого касания простреливает резким возбуждением. Член и так все время, что девчонка прижималась ко мне в клубе, находился в состоянии полной готовности. Сейчас же стояк просто нереальный, вот-вот ширинка треснет.

— Ты меня обидел! — заявляет, даже не возмущаясь насчет поцелуя. Хороший знак.

— Хм, и чем же, позволь узнать?

— Ты тащил меня как мешок с картошкой какой-то! Это неправильно! Это унижительно! Ты — дикарь и варвар!

— Что ж, мой косяк, извини, — стараюсь не заржать. Конечно, этот спор лучше, чем если бы девчонка плакала, все еще вспоминая то, что с ней произошло. Меня тоже постепенно отпускает. Уже нет во мне той всепоглощающей ярости и желания убивать. — Обещаю, что впредь буду носить тебя на руках исключительно “правильно”!

Не даю ей ничего ответить, знаю, что опять ляпнет какую-нибудь фигню и опять доведет меня до белого каления. Поэтому быстро притягиваю ее к себе и целую. Уже настоящему. Провожу языком по ее сладким, припухшим от слез губам, немного надавливаю на подбородок большим пальцем, вынуждая впустить меня. Девчонка подчиняется, разжимает зубы, неожиданно тихо, но так нежно стонет и проводит своим горячим язычком по моему языку. Все! Конец моему терпению и самообладанию. Врываюсь в ее рот, словно территорию захватываю, помечаю своей слюной. Поцелуй становится пошлым, диким, развязным. Я не целую, я ее пожираю.

Это уже никакая не прелюдия к сексу. Это и есть сам секс.

Не прерывая поцелуй, подхватываю Нику под попку, усаживаю на капот своей тачки,

сразу запуская ладони под ее шорты. В этой ситуации очень кстати, что они оказываются совершенно короткими, а потому добираюсь сразу же до желанного горячего местечка. Провожу пальцами вдоль перешейки ее трусиков, немного сдвигаю и, наконец, дотрагиваюсь до ее нежных, гладких губок. Ника гортанно стонет. Это взрывает мне мозг практически также, как и то, что она мокрая. Моя девочка течет от моих ласк, да так сильно, что вся моя ладонь уже покрыта ее вязким секретом.

— Мммм, какая же ты... — хриплю, отрываясь от губ, прикусывая ее шейку.

— Какая? — тихо спрашивает Ника.

— Мокрая и... — немного отстраняюсь от нее, вынимаю руку, покрытую ее соками, облизываю палец, прикрывая глаза от терпкого, ни с чем не сравнимого вкуса — вкуса моей девочки. — И сладкая! — смотрю ей в глаза. Ника теряет себя, смущается, краснеет вся, до кончиков ушей. — Самая вкусная! — облизываю другой палец, не разрывая зрительного контакта с ней. Нравится наблюдать за ее эмоциями. Сейчас Ника крайне сильно возбуждена. Сидит, не двигается, тяжело дышит, зрачки расширены, рот приоткрыт.

— Дамир, — шепчет, а я провожу мокрыми пальцами по ее губам и снова целую ее, слизывая с губ вкус ее желаний. Желания меня!

Громкий хлопок и звук автомобильной сигнализации развеивают наш сладкий морок. Ника дергается в моих руках, резко приходит в себя, пытается оттолкнуться. Держу ее, не позволяя вырваться из своих объятий.

— Ну и чего ты так напряглась?

— Боже, Дамир, мы же на парковке. А если кто-то увидит? — ошарашенно и испуганно хрипит Ника, утыкается мне в шею. — Или уже видели? Боже, какой стыд!

Ника сжимает в пальцах мою футболку, ее немного потряхивает. Не то от возбуждения, не от смущения. Скорее, оба этих состояния сейчас одолевают мою девочку. Я стою между ее разведенных ножек, которыми она все еще обхватывает мою поясницу, и млею от того, что теперь она не дергается, не сопротивляется, не пытается вырваться из моих рук. Поглаживаю ее по спине, целую в висок.

— Не переживай, никто нас не видел, — успокаиваю ее.

— Откуда тебе знать? Ты же был... хм... немного занят... — забавная формулировка, однако.

— Ага, был. И скоро буду снова “занят”, — Ника немного напрягается от моего заявления на тему “занятости”, но потом чувствую, что ее тело расслабляется, словно она понимает и принимает то, что занят я буду именно ей. — А уверен в том, что нас не видели, потому что всегда паркуюсь на этом месте. Сюда не достают камеры, свет от фонарей приглушен, а обзор от входа перекрывает угол здания.

— Даже думать не буду о том, откуда ты все это знаешь, а главное — для чего тебе все это знать и парковать свою машину именно здесь. Боюсь представить сколько девушек ты тут... — Ника резко замолкает и пытается выбраться из моих рук.

— Бля, ну что ты там опять себе напридумывала?! — торможу Нику, беру в ладони ее лицо, аккуратно поглаживаю большими пальцами, смотрю ей в глаза, чтобы поняла, что не обманываю. — Не для того, о чем ты сказала, я все эти знания использую. Не зажимал я тут девушек. Больше скажу, кроме тебя и моей матери в моей машине особой женского пола никогда не было. Ты единственная девушка, которая сейчас сидит вот на этом месте, — указываю на капот тачки, — и обнимает меня своими красивыми ножками.

— Ой! — тушует Ника и сбрасывает свои ноги с меня. — Извини.

— Зеленоглазка, — рычу, — ну-ка быстро ножки на место вернула! — строго смотрю на нее, а она улыбается и спустя мгновение вновь притягивает меня своими ногами к себе.

— Тогда зачем тебе знать все эти нюансы?

— Какая любопытная Зеленоглазка, — притягиваю девочку к себе, провожу языком от ключицы по ее нежной шее до самого ушка. Прикусываю мочку, Ника сладко постанывает, крепче цепляясь за мою футболку. — Поехали. По дороге расскажу. А то ты замерзла, ледяная все уже.

— Отвезешь меня домой?

— Конечно, я отвезу тебя домой! — соглашаюсь, а внутри ликую, ведь мы, наконец, сможем побыть наедине, чтобы никто нам не помешал.

Помогаю Нике встать, но не отпускаю. Обнимаю ее, вдыхаю ее сладкий, ни с чем не сравнимый аромат и кайфую от того, что она в моих руках. Только сейчас понимаю, насколько сильно скучал по ней. Провожу по обнаженным плечам. Холодная кожа немного отрезвляет. Надо ехать. Запечатлеваю на губах своей малышки нежный, короткий поцелуй, открываю дверь с пассажирской стороны и усаживаю в машину, не забыв пристегнуть ремень безопасности. Сам прыгаю за руль. С заднего сидения достаю плед и укутываю Нику.

— Спасибо, — снова улыбается мне. Ее улыбка действует покруче любого алкоголя, тело достигает состояния эйфории буквально за мгновение. Не могу удержаться, целую Нику, забираюсь руками под плед и поглаживаю обнаженную кожу. Зеленоглазка начинает смеяться, — Дамир, прекрати... Щекотно!

— Ладно, уговорила, — соглашаюсь и завожу двигатель. Плавно выкруливаю с парковки и еду в сторону дома.

Моего дома.

Дамир

В машине тихо играет музыка, едем молча. Я смотрю исключительно на дорогу, дабы не сорваться. Понимаю, что стоит мне только посмотреть на Нику и все, не доедем мы до дома. Свернем в ближайший темный переулок, где я буду ее сладко целовать. А потом и не только целовать...

Так, надо собраться. А то член уже дымится в штанах. Заезжаю во двор дома, паркуюсь у своего подъезда. Тишина. Поворачиваю голову в сторону пассажирского сидения, где так уютно расположилась Ника. Смотрю и умиляюсь. Девчонка закуталась в плед так, что видно только ее носик, скинула босоножки, поджала под себя свои нереальные просто, шикарные ноги. Спит. Я же, впервые в своей жизни, захлебываюсь собственными эмоциями: нежностью, трепетом, желанием оберегать и никому не отдавать. Термоядерный коктейль. Но, что странно, не пугают меня эти ощущения, а даже наоборот, чувство, что так и надо, так и должно быть. Рядом с Никой эти ощущения становятся чем-то постоянным.

— Где мы? — из моих раздумий меня вырывает тихий, немного хриплый ото сна, голос Ники. Смотрю на нее, такую сонную, уютную, и глаз оторвать не могу. — Дамир, — зовет и легко дотрагивается до моей руки, что все еще сжимает крепко руль, — Дамир, все в порядке? Ты слышишь меня?

— Да, — прочищаю горло, — все нормально. Просто задумался немного.

— О чем?

— О тебе, конечно... — хмыкаю, а Ника удивленно хлопает ресницами.

— И что именно ты думаешь? Ну... обо мне... — снова смущается и опускает взгляд, а мне так не нравится. Хочу, чтобы смотрела на меня. Потому, протягиваю руку, приподнимаю ее лицо, ловлю ее взгляд. Сам же нежно поглаживаю большим пальцем по нежной щеке, постепенно спускаясь к шее, ключицам. Пальцы застывают у ложбинки между ее упругими холмиками. Уже в процессе понимаю, насколько фатальной является эта ошибка — дотронуться до нее. Смотрю Нике прямо в глаза, не отвожу взгляд и ее не отпускаю. Оттолкнет? Нет? Нет!

— О том, что не хочу отпускать тебя... О том, что хочу тебя... О том, что ты хочешь меня. И не отрицай.

— Не отрицаю, — шепчет Ника в ответ и сама тянется ко мне за поцелуем, а я...

А я сам своему счастью не верю. Надо же, сама! Целую, конечно! Еще как целую. Мгновенно перехватываю инициативу, чтобы, не дай Бог, не тормознула и не отмотала все назад. Я ж взорвусь тогда! Возбуждение уже достигло таких нереальных высот, а в штанах просто пожарище, что впору прыгать в ледяную воду. С разбега и сразу с головой, чтобы и ее тоже остудить, а то там такие мысли...

Просовываю руку под плед, обхватываю Нику за талию и нагло тяну к себе. Девушка не сопротивляется, что меня очень радует. Значит, можно шагнуть дальше. Перетягиваю ее к себе на колени, откинув спинку кресла немного назад. Помогаю перекинуть вторую ногу через свое бедро, что Ника удобнее устроилась на мне. Ага, кого я обманываю. Удобство девушки далеко не на первом месте. На первом месте моя похоть и дикая жажда ощутить тепло ее сокровенного местечка своим членом. Пусть пока так, через одежду.

Усадив девушку, продолжаю целовать ее. Руки блуждают по желанному телу, кусаю ее

губы, шею, зализываю места укусов и снова кусаю. Словно сожрать ее хочу. А еще хочу, чтобы она была голой. Вот прямо сейчас, передо мной. Ведь тогда я смогу осуществить одну из тех своих пошлых фантазий, что помогали мне кончить в душе. Не отказываю себе в удовольствии и действую смелее. Нащупываю застежку от верхней части ее наряда, отрываюсь от сладких губ, ловлю ее слегка поплывший от возбуждения взгляд. Не разрывая зрительного контакта, медленно тяну застежку вниз, слежу за реакцией. Ника закусывает губу, смущенно улыбается, глазки блестят. Но, что удивительно, не останавливает меня. Только взгляд ее мечется от моих глаз к моим рукам и обратно. Не останавливаюсь и я. И чем больше я расстегиваю молнию, тем шире расходятся в стороны части ее комбинезона, постепенно освобождая ее шикарную грудь. В том, что она шикарная я уже могу убедиться, потому что терпения моего надолго не хватает и с середины замка я резко дергаю язычок вниз, выпуская грудь полностью на свободу. А эта засранка еще и белье не надела.

— Блядь... — протяжно хриплю, — вот это вид, малыш! Я сейчас прямо в штаны спущу от одних только твоих сисек шикарных.

Едва договорив, задыхаясь от нестерпимой жажды, набрасываюсь на эту охренительную грудь. Сука, это просто что-то нереальное, никогда таких не видел и не трогал. Идеальные, круглые, упругие холмики, стоят торчком и украшают их яркие плотные соски, размером с небольшую вишенку. Провожу языком по одному соску, втягивая его в рот, засасываю и смачно, с пошлым звуком выпускаю его. Вкус просто сводит с ума. Это уже не я, а зверь, голодный до своей самки. Повторяю эти действия с другим соском, вторую грудь сжимаю рукой, массирую. Бля, она даже в ладони моей идеально лежит, словно под меня и сделана.

— Идеальная...

Сам не понимаю как, но именно это слово срывается с моих губ, в то время как с губ Ники начинают срываться тихие стоны. С невероятным трудом отрываюсь от сладкой груди, выпуская изо рта сосок, напоследок прохожусь по нему зубами и языком. Ника сладко ахает. Прижимаюсь лбом между ее холмиков, вдыхаю ее сладкий, ни с чем не сравнимый аромат, руками поглаживаю упругую попку. Пытаюсь прийти в себя, выравниваю дыхание.

— С ума меня сводишь, Зеленоглазка.

— Как и ты меня, — тихо отвечает Ника, обнимая меня и водя своими ноготками по моей шее и затылку. Приятно до мурашек.

— Надо идти, — нехотя признаю, — потому что если не остановлюсь сейчас, потом уже не смогу, малыш.

Мы с Никой снова замолкаем. Тишину в салоне автомобиля нарушает только наше хриплое, прерывистое дыхание. Мы оба возбуждены. Оба готовы сорваться в любую секунду. Но есть у меня подозрения, что Ника моя еще девственница, и, как ни крути, я не хочу, чтобы ее первый раз произошел “по-быстрому” в салоне автомобиля на парковке у жилого комплекса. Никогда не имел дел с девственницами. Столько мороки с ними, еще и зареветь в процессе могут. Хотя, я понимаю, больно и все такое. Но меня подобное не торкает. С Никой же мои мысли мечутся от “Совсем неважно, если у нее кто-то был до меня и она уже не девственница...” до “Хоть бы, хоть бы она была девственницей! Хочу быть ее первым во всем!”.

— Идем? — отрываюсь от ее груди, застегиваю ее комбинезон.

— Куда? — Ника оглядывается по сторонам и начинает хмуриться. — Ты так и не ответил мне. Где мы? Куда ты меня привез?

— А ты не догадываешься?

— Дамир, я не просто догадываюсь. Мне кажется, я точно знаю. Но я просила отвезти меня домой! — девчонка начинает нервничать и ерзать на моих коленях в попытке переползти на пассажирское сидение. Кто б ее туда отпустил...

— Смирно сиди! — рявкаю строго. Ника затихает. — Пожалуйста, не шевелись, — добавляю уже мягче, чтобы она не обиделась, а то вон, уже надулась, как мышь на крупу. Даже губки дрожат. Тяну ее к себе и нежно целую. — Не дуйся, я уже тебе говорил, что тебе не идет. Попросил сидеть смирно, потому что едва сдерживаюсь, чтобы прямо сейчас не насадить тебя на свой член. Я уже на грани, Зеленоглазка. А ты своими телодвижениями только усугубляешь ситуацию. Хочешь, чтобы я трахнул тебя прямо здесь? — вопросительно смотрю на нее и едва сдерживаюсь от смеха, когда замечаю как ее глаза увеличиваются от шока и возмущения.

— Не надо здесь! — выпаливает спустя мгновение, не задумываясь о смысле сказанного. Это к лучшему, мне же проще.

— Рад, что тебя не устраивает только место, а с тем, что это буду я, ты уже смирилась, — смачно и звонко целую Нику в губки, не давая высказаться. За что, собственно, и получаю укус. Девчонка слегка прикусывает мою нижнюю губу. Не больно, но до крови. Сама же пугается того, что сделала, когда видит выступающие красные капли на моих и чувствует вкус крови на своих губах.

— Прости, прости, прости... — зацеловывает место укуса, — я не хотела, не знаю, что на меня нашло.

— Какая ты кровожадная, Зеленоглазка, — откровенно угараю над ней, слизывая капли крови языком. — Хотя, это даже хорошо. Так будет справедливее.

— Почему? При чем тут справедливость?

— Ну, как при чем? Ты пустила кровь мне, я пушу немного крови тебе... — хриплю, прижимаясь губами к ее нежному ушку, слегка прикусываю его, Ника вздрагивает. — Только совсем другим способом...

— Каким это? — также, как и я, Ника шепотом задает вопрос, продолжая прижиматься ко мне всем своим телом. Правильно, девочка, слушай свое тело, оно точно знает чего хочет. А хочет твое тело меня!

— Сегодня же заберу себе твою девственность! — твердо и в полный голос заявляю я и немного отстраняюсь, чтобы видеть лицо Ники. Да, иду ва-банк, но это, своего рода, момент истины. Сейчас я и узнаю ответ на вопрос, который меня мучает.

— Ах, ты, гад самонадеянный! Девственность мою он захотел! Не собираюсь я отдавать тебе свою девственность! Ни сегодня, ни завтра! Ни через неделю! — злобно шипит Ника. Выглядит это, конечно, забавно, с учетом того, что она продолжает сидеть на мне в весьма провокационной позе. — Лучше укуси меня!

— Так, значит, все-таки девственница? — улыбаюсь. Я знал! Знал, что буду ее первым. — Я правильно услышал?

— А то, что ты гад, ты не услышал? Только то, что я еще ни с кем не спала?!

— У меня, Зеленоглазка, весьма избирательный слух. Я, знаешь ли, слышу только то, что действительно важно.

— Как удобно! Выпусти меня! Немедленно. Я поеду домой.

— Никуда ты не поедешь. Мы сейчас выходим из машины и идем ко мне. Без скандалов и истерик, желательно.

— Я никуда с тобой не пойду. Ты время видел? У меня общежитие закроется через

двадцать минут. Хочешь, чтобы я на улице ночевала? — завелась Ника не на шутку. Надо успокаивать. Благо, способ уже знаю. Впиваюсь в ее сочные губы.

— Мммм... Вкусняшка моя! — отрываюсь от уже немного успокоившейся девушки, смотрю строго ей в глаза, чтобы точно услышала и поняла. — Слушай меня внимательно, Зеленоглазка. Мы сейчас с тобой выходим из машины и поднимаемся ко мне.

— Но... — не даю договорить, закрываю ее ротик ладонью.

— Тихо, дай договорить. Сегодня ты ночуешь у меня, — Ника отрицательно качает головой, — да-да, малыш, сегодня и завтра точно. В воскресенье днем отвезу тебя в общежитие, чтобы ты могла взять все необходимое для учебы. Потом мы вернемся ко мне. Хочу побыть с тобой, — дальше голос немного проседает, прижимаясь своим лбом к ее, говорю то, в чем не хотел признаваться даже себе поначалу, — я соскучился по тебе за эти долгие дни, что мы не виделись.

Ника смотрит на меня, не отрываясь. Затем медленно и аккуратно убирает мою ладонь со своего рта. Я поддаюсь. Она обхватывает своими ладонями мое лицо и начинает быстро, словно в панике, шептать:

— Я боюсь тебя, Дамир, понимаешь? Очень боюсь. И не только тебя, но и себя рядом с тобой я боюсь еще больше! Потому что, по непонятным мне причинам, не могу себя сдерживать, когда ты рядом. Все внутри меня рвется к тебе ближе с одним единственным желанием поддаться тебе, подчиниться! А я так не могу. Не могу, понимаешь. Мне страшно очень. — Ника зажмуривается, словно сейчас сознается в чем-то сокровенном. — Если я пойду сейчас с тобой, если ты настоишь на близости, я же не смогу отказать, понимаешь? Не смогу сказать тебе “нет”. Только не тебе... Между нами все случится и ты, как и хотел, забереешь мою девственность. А я... не готова сейчас, сегодня... Страшно...

Нежность. Да, именно нежность сейчас вытесняет всю похоть и полностью завладевает мной. Признание Ники перевернуло все в моей душе. За грудиной жжет от переполняющих меня эмоций, руки трясет от нестерпимого желания обнять, успокоить и приласкать девочку. Маленькую, нежную, мою девочку.

— Малыш, — говорю едва слышно, поглаживая Нику по спине. Когда она озвучила свое признание, то уткнулась носиком мне в шею и теперь не хочет выбираться из своего “укрытия”, — Ника, посмотри на меня, пожалуйста.

— Нет, — упрямится.

— Ладно, тогда просто слушай. — Ника замирает в моих руках, прислушивается. — Я не стану говорить, что все твои страхи это ерунда. Нет, они имеют место быть и для меня важно, что ты смогла мне все это сказать. Ты — умница. При всем этом, ты слегка сгущаешь краски. Я привез тебя к себе, чтобы побыть с тобой, потому что реально соскучился по тебе и мне нестерпимо хочется, чтобы все твое внимание было направлено исключительно на меня. Хочу видеть и ощущать тебя рядом двадцать четыре часа в сутки именно на моей территории, чтобы никто и ничто извне тебя не отвлекало от меня. Да, вот такой я эгоист. Но еще я хочу, чтобы ты понимала, что я тебя не обижу и не сделаю того, на что ты не будешь согласна. Я вижу, как ты отрываешься на мои прикосновения, поцелуи и ласки... — в этот момент Ника издает какой-то смешной звук, который явно должен показать ее несогласие с моим мнением в этом вопросе. Эффект не достигнут. Я смеюсь. — Не спорь, малыш, я проверял. Тебе нравятся мои прикосновения и все остальное тоже.

— Ладно, ты прав, — сдается она, но в глаза так и не смотрит, остается в том же положении, только немного расслабляется.

— Так вот, секс между нами случится только тогда, когда ты сама будешь к этому готова. И да, то, что он между нами будет — это совершенно очевидный факт, просто вопрос времени. Не мечтай, что тебе удастся соскочить. Ты моя! Прими это также, как и факт нашего секса. А чтобы ты перестала бояться, тебе просто нужно научиться доверять мне. Давай начнем сегодня? Проведешь со мной выходные? Ника?

Я жду, что ответит Ника, но она молчит. Дышит мне в шею и молчит. Я уже прокручиваю в голове варианты, какие еще аргументы могу привести, чтобы убедить ее, вспоминаю все уроки по психологии. Но Ника снова меня удивляет. В который раз за сегодня. Она медленно выпрямляется, смотрит серьезным взглядом на меня, словно принимает важное решение в жизни. Хотя, так оно и есть. Этот момент — решающий для нас. Нет, в случае ее отказа я не отступлюсь. Просто это будет означать, что мне придется приложить больше усилий, чтобы она стала полностью моей. Только лишь тела мне мало. Хочу ее мысли, хочу ее душу, хочу ее любовь. Всю ее хочу себе.

— Хорошо, Дамир. Ты меня убедил.

Ника

Путь от машины Дамира до входной двери в его квартиру для меня проходит как в тумане. Ничего не понимаю и не замечаю. В ушах дико долбит пульс, а предательское тело ноет от неудовлетворенного желания. Уже в лифте Дамир отдает мне мой телефон, доставая его из своего кармана. Мне бы разозлиться на него, что не сказал о том, что мой телефон у него. Я-то наивная думала, что он остался в клубе. Могла сама вызвать такси... Но даже все это проходит мимо меня. Мои мысли сейчас идут совсем в другом направлении.

Стыдно! Боже, как же мне стыдно за то, что позволяла Дамиру делать со мной и за то, что делала сама. Я ведь отвечала на его ласки и хотела еще и еще. Если бы он не остановился, то я бы точно не смогла сдержаться. Но, наравне со стыдом, я все же испытываю невероятное удовольствие. Как же было приятно... Никто никогда не прикасался ко мне так, как Дамир. Да, разумеется, его напор меня пугает. И эти его собственнические замашки... И многократные заявления о том, что я его... Если в первые пару раз я могла списать это на оговорки, то сейчас уже не получается. Он реально хочет, чтобы я стала его. Во всех смыслах. Это заметно в его взглядах, его прикосновениях, его словах. У меня хоть и мало опыта общения с противоположным полом. А если быть точнее, то вообще никакого. Ну, кроме Кота, но он мой брат и это не считается. Но даже мне понятно, что с его стороны все не просто так. Так что Дамир у меня первый во всем. Чувствую, что безвозвратно влюбляюсь в него. И так хочется поддаться этим чувствам, отпустить ситуацию и просто наслаждаться тем, что есть сейчас между нами. Но червячок сомнения грызет изнутри, напоминая о том, что говорила Аврора, да и телка эта, висящая у него на шее еще пару часов назад...

— О чем ты сейчас подумала? — врывается в мои мысли голос Дамира. Мы уже стоим у дверей в его квартиру, он держит ключи в руках.

— Да так... — размыто отвечаю, пожимая плечами.

— Нет-нет, Зеленоглазка, так не пойдет. У тебя глаза сверкнули кровожадно. Признавайся давай! — смеется, подходит ко мне и поглаживает руками мою талию. По телу бегут мурашки, так приятно. Хоть бы он не заметил, что я поплыла... — Ну, и кто у нас жертва?

— Жертва? — от его тихого голоса и горячего дыхания прямо за ухом меня пробирает дрожь. Не нервная, а скорее от предвкушения. — А... вспомнила твою девушку, что сидела на тебе в клубе. Ты бы ей позвонил, сообщил, что уехал. А то некрасиво вышло. Она ведь будет волноваться за своего парня! — чем дальше говорю, тем больше пропитываются ядом ревности мои слова. Не получается это контролировать. Я злюсь.

— Значит, жертва все же я... — этот гад еще и смеется! — Ладно, уговорила. Позвоню своей девушке.

Вот тут я замираю от шока. Я ведь просто хотела съязвить, выплеснуть хоть как-то свою ревность, била наугад, но попала в цель. Девушка. У Дамира есть девушка. А я тогда кто? Зачем он позволял себе все это делать со мной?

Резкий и громкий звук моего телефона выводит меня из ступора. Я вырываюсь из объятий Дамира, выхватываю телефон из кармана и, не глядя на экран, жму кнопку “ответить”.

— Да, слушаю, — говорю достаточно резко, потому как нервы на пределе. У него есть девушка...

— Ну, здравствуй, МОЯ девушка! — говорит трубка голосом Дамира. Я поднимаю на него непонимающий взгляд. — Мне тут настоятельно рекомендовали позвонить МОЕЙ девушке и сообщить, что я уехал из клуба, чтобы МОЯ девушка не волновалась. Так вот, не волнуйся, МОЯ девушка! Я почти дома со СВОЕЙ девушкой.

— Не смешно! — не дожидаясь дальнейшего развития этого фарса, сбрасываю звонок и двигаюсь в сторону лифта. По пути кричу: — Ты номером ошибся, знаешь ли. Так что, перезвони ей.

— А ну стоять! — снова командует, как собачке какой-то! Бесит! Упрямо игнорирую его. — Я кому сказал остановиться?! — Дамир подлетает ко мне, резко разворачивает и обхватывает ладонями мое лицо.

— Пусти! — рычу.

— Слушай меня внимательно, Зеленоглазка! Я ни хрена номером не ошибся! Это, блядь, понятно? Ты! Ты — моя девушка, понимаешь?! Ты! — Дамир зол. Очень. Вот это довела я мужика... Бабуля всегда говорила, что у меня есть талант доводить людей до белого каления. Особенно особой мужского пола. Ох, сколько раз Костя страдал от моих “талантливых” выступлений... — Неужели не понимаешь, что я не позволил бы себе так многого с тобой, если бы был в отношениях с кем-то другим? Я, конечно, понимаю, что в твоих глазах я еще тот мудака, но не до такой же степени, — продолжает кричать Дамир. — С кем угодно, но только не с тобой, — добавляет тише и впивается в губы поцелуем. — Моя ты, уяснила?

— Ничего подобного! — возмущаюсь и сопротивляюсь скорее на автомате, чем на самом деле. — Я не давала своего согласия на подобный статус. Уяснил? — повторяю в его же манере. Ох, и нарвалась я, похоже. Потому что глаза Дамира наливаются такой яростью, что, мне кажется, меня сейчас просто сметет этим ураганом. — Ой! — пишу от страха.

— А я и не спрашиваю тебя. Ставлю перед фактом! И никакие твои “ой!”, — передразнивает, — тебе не помогут. Бесишь, Ника!

— Ты меня тоже бесишь, Дамир!

— Вот и отлично! — улыбается, — видишь, у нас уже есть что-то общее. А теперь бегом в квартиру! — шлепает меня по попке, придавая ускорения. И, вроде, злиться на него должна за такое поведение, но почему-то хочется урчать от удовольствия. Может, это вирус какой-то? Нельзя же испытывать настолько противоречивые эмоции!

Дамир открывает двери, пропускает меня внутрь первой. Я прохожу чуть дальше по большому коридору. Темно. Слышу хлопок двери, звук закрывающегося замка. Эти звуки отдаются во мне странным ощущением, словно ловушка захлопнулась. Стою, не двигаюсь, кажется, даже не дышу. Смотрю в темноту. Вздрагиваю от пошлого, мокрого прикосновения к шее. Дамир подкрадывается бесшумно и ведет языком дорожку от плеча к уху. Тело вмиг покрывается мурашками.

— Ты обещал, — хриплю.

— Я помню. Не бойся. Меня не бойся, — шепчет, нежно прикусывая кожу на шее и тут же зализывая укус. Затем внезапно все прекращается и я слышу тихое: — Проходи. Чувствуй себя... — не заканчивает фразу. Молчит и задумчиво смотрит на меня. Глаза уже привыкли к темноте и я могу достаточно хорошо видеть. К тому же, из одной комнаты чуть дальше по коридору льется мягкий сиреневый свет. Видимо, подсветка какая-то. Но мне этого хватает, чтобы видеть сейчас Дамира вполне отчетливо и даже ловить его эмоции.

— Как дома? — договариваю за него.

— Нет. Чувствуй себя дома! — твердо заявляет и берет меня за руку. Даже среагировать не успеваю, Дамир тащит меня вглубь квартиры, по пути включая свет и рассказывая что где. — Это ванная, рядом санузел. Вот здесь кухня, но туда мы пойдем минут через пятнадцать-двадцать, поужинаем.

— А что будем делать эти пятнадцать-двадцать минут?

— К сожалению, не то, чего бы мне очень хотелось, — сокрушенно говорит Дамир и ведет меня... в спальню.

— Дамир, — я упираюсь пятками на пороге, не желая проходить дальше. — Ты же...

— Да помню я, Ника! Чего ж ты трусиха такая?! — тянет меня за руку, чтобы я зашла в комнату. — Это спальня. Мы здесь будем спать. А потом и трахаться! Да, да, Ника, не смотри на меня так удивленно. Я же говорил, что секс между нами — это лишь вопрос времени и твоего согласия, — мне даже добавить нечего. Стою, слушаю этого самоуверенного нахала и молчу, словно язык проглотила. У меня шок, не иначе. — Сейчас я привел тебя сюда, чтобы дать полотенце и футболку, чтобы ты могла принять душ и снять уже с себя это блядское подобие одежды! — последние слова парень прорычал. Уж не знаю, злость ли кроется за этим рычанием, или желание...

— Да, ты прав. Хочется смыть с себя запах клуба и...

Тут я замираю, вспомнив все, что произошло на танцполе. Странно так... Вроде, произошло все это меньше двух часов назад, а я смогла полностью отвлечься от этих переживаний. Точнее, Дамир меня отвлек. Грамотно так отвлек... Приятно... Но теперь все те эмоции возвращаются ко мне, обрушиваются словно лавина, накрывают с головой: страх, беспомощность, неотвратимость, неизбежность... Меня трясет, по щекам текут слезы. Дамир, что копается сейчас в шкафу в поисках одежды для меня, слышит мой всхлип, разворачивается и буквально в два шага преодолевает расстояние до меня. Хватает за плечи, притягивает к себе и крепко обнимает, одной рукой поглаживая спину, другую запуская мне в волосы и массируя затылок. Его аура снова обволакивает меня, даря чувство безопасности. Его запах дурманит покруче любого алкоголя, а тихий шепот успокаивает.

— Ну что ты, малыш, не надо, не плачь. Все же хорошо. Ты со мной, тебя никто не обидит больше. Тише, девочка моя, — говорит и покрывает все мое лицо мелкими, нежными поцелуями, словно собирая мои слезы. — Не рви мне душу, Зеленоглазка, не плачь.

— Спасибо, Дамир. Если бы не ты...

— Стоп! Не надо дальше, ладно? Такого с тобой больше не произойдет. Я не допущу этого, клянусь. Веришь мне? — киваю. — Вот и хорошо. А теперь дуй в душ и будем ужинать.

Дамир сладко целует меня и я, еле оторвавшись от него, направляюсь в ванную.

Ванная просто огромная. Все в темных серых тонах: плитка, раковина, ванна, рамка зеркала, различные полки. Даже стекло в душевой кабине — и то матовое серое. Стильно и красиво. По-мужски. Мое женское любопытство ведет меня к шкафам, где хранятся разные гигиенические принадлежности. Осмотрев каждую полку, не замечаю ни одного женского средства. На душе разливается тепло. Скидываю с себя одежду и белье. Трусики совершенно мокрые. Решаю их сполоснуть в надежде, что они высохнут достаточно быстро и Дамир не заметит их отсутствия под футболкой. Она наверняка длинная, ведь Дамир значительно выше меня.

Забравшись в кабину, подставляю лицо под теплые струи воды. Наслаждаюсь напором,

словно под тропическим дождем стою. Прикрыв глаза, мурлыкаю любимую песню себе под нос. Простояв так несколько минут, решаю, что пора бы и начать мыться, чтобы не заставлять Дамира ждать. Волосы сильно пропахли табаком. Поэтому беру с полки шампунь, открываю крышку. Шампунь имеет приятный аромат свежести, мяты и древесной коры. Терпкий мужской запах. Промываю волосы на два раза, затем беру гель для душа и наношу на кожу. Начинаю вдыхать глубже и глубже, запах геля возбуждает, потому что так пахнет Дамир. Не в силах себя контролировать, прикрываю глаза и начинаю нежно водить руками по своей груди и животу, вспоминая, как меня ласкал Дамир.

Увлекаюсь настолько, что не замечаю, как по ногам проносится легкий холодок и к моим собственным рукам на теле присоединяются мужские. Дергаюсь от неожиданности и в тот же миг слышу хриплое на ушко:

— Шшшш, малыш, это я, — шепчет нежно Дамир и крепче прижимает меня спиной к своей груди. Понимаю, что он обнажен, чувствую его всем своим телом. А его напряженный член упирается мне в поясницу. — Какая ты красивая, Зеленоглазка. Глаз не оторвать. С ума меня сводишь, — продолжает шептать, словно змей-искуситель, не прекращая водить руками по моей коже. — Хочу тебя, пиздец как, сил нет! — со стоном утыкается лицом мне в изгиб шеи.

— Ты обещал... — замираю, почти не дышу. Чувствую себя очень уязвимой сейчас.

— Я сдержу слово, не бойся. Расслабься, Ника. Твоя девственность останется с тобой... сегодня. Но это ведь не значит, что мы не можем сделать друг другу приятно, да? — Боже, я словно под гипнозом нахожусь. Понимаю это, когда уже совсем неосознанно киваю. Чувствую улыбку Дамира своей кожей. — Умница моя. А теперь разведи ножки чуть шире, — покорно выполняю, — да, вот так, малыш. Иди ко мне.

Эта фраза становится, своего рода, точкой невозврата.

Дамир сильнее прижимает меня к себе, отчего я ощущаю, как его член весьма внушительных размеров подергивается и немного пульсирует, словно перекачивает колоссальное количество крови. Теряю контроль над своим же телом и совершенно неожиданно для себя самой начинаю тереться об обнаженное, такое сильное и накаченное тело парня, стоящего за моей спиной. Хотя, Дамира все же сложно назвать парнем. Скорее, он мужчина. Да, так будет правильнее. Ведь он разительно отличается от всех парней с его курса. Он словно гораздо старше и мудрее их всех, серьезнее, основательнее. Наверное, поэтому он и является их негласным лидером и объектом желания большей части девушек, начиная с первого и заканчивая последним курсом, и даже аспирантурой.

И вот этот мужчина сейчас обнимает меня и ласкает в самых сокровенных местах. Руки Дамира везде. Я не успеваю даже уловить их путь. Но все, что он делает со мной и моим телом, все это до неприличия приятно. Его пальцы поглаживают меня между мокрых, и совсем не от воды, складочек, один из них задерживается на клиторе и начинает легкие круговые движения. Я же бесстыдно стону, уже даже не пытаюсь сдерживаться. Это просто нереально. Начинаю двигать бедрами навстречу движениям пальцев Дамира. И, кажется, что-то большое и горячее собирается внутри моего живота. Концентрируется это ощущение где-то внизу, сразу под пальцами этого коварного соблазнителя. Но тут резко все прерывается. Я обиженно хнычу, потому что без рук Дамира становится неудобно.

— Давай, девочка, протяни мне свою ладонь, — без сопротивления протягиваю. Готова сейчас сделать все, что он скажет, лишь бы он продолжил то, что вытворял с моим телом. — Молодец. А теперь дотронься до него, возьми его в руку... — я ощущаю в своей ладони его

твердый и такой горячий член, что он словно обжигает. Но мне нравится его касаться. Он нежный и бархатистый на ощупь и, мне кажется, он реагирует на каждое мое движение и ласку. — Да, вот так, малыш. Сожми сильнее... А, дааа... Мммм...

Дамир, не стесняясь, наслаждается моими ласками, а меня это словно подталкивает идти дальше. Я разворачиваюсь в кольце сильных рук, мне хочется увидеть и сам член Дамира, и его реакцию на мои действия. Картина, которую я вижу просто завораживает. На лице Дамира застыла гримаса наслаждения, между бровями глубокая морщинка, словно он о чем-то сосредоточенно думает, хотя на самом деле он получает невероятное удовольствие. Ведь все стоны и другие звуки, а также грязные ругательства, что в процессе срываются с его безумно красивых губ, лишь подтверждают то, что я действую верно. Сжимаю член чуть сильнее. Он нереально красиво смотрится в моей маленькой ладони. Дамир громко стонет и начинает двигаться сам навстречу моей руке, имитируя движения в сексе. На крупной темно-бордовой головке выступает прозрачная капля и я едва сдерживаюсь от дикого желания слизать ее. Растираю каплю большим пальцем, проводя по кругу и лаская уздечку. В этот момент Дамир распахивает глаза и смотрит на меня неменяемым просто взглядом. На секунду мне становится страшно. Но потом... Потом я обо всем забываю, ведь Дамир снова разворачивает меня к себе спиной, но встает при этом так, чтобы мне было удобно продолжать ласкать его. Сам же возобновляет свои ласки, пощипывая соски, поглаживая живот, спускается к клитору и вновь начинает мучительно-сладкие движения своими пальцами.

— Мммм, Дамиииир..., — начинаю бесстыдно стонать, подаваясь ему навстречу, не забывая двигать рукой по его члену.

— Да, малыш, да... Давай, милая, кончи для меня. Не сдерживайся. Ника, если бы ты только знала, сколько раз я представлял, как имею тебя прямо здесь, в этой кабине... Как ты стоишь на коленях и сосешь мой член... Как я с безумной скоростью вдалбливаю в твое податливое тело... Как ты выкрикиваешь мое имя, кончая на моем члене...

— Дамиииир, ааааа... — моя вселенная взрывается резко и неожиданно, рассыпается на мелкие осколки и собирается вновь. Каждая частичка меня сначала улетает в космос, а потом, словно на маяк, реагируя на голос Дамира, возвращается обратно. Это ни с чем не сравнимое ощущение. Я никогда такого не испытывала. Волна удовольствия по мне проходит с такой силой, что я едва могу устоять на ногах. Я бы наверняка упала бы, если бы не крепкие объятия Дамира. — Боже...

— Дааааа... Ммммм... — слышу за спиной не менее страстный стон Дамира и мокрую руку заливает густое, теплое семя. Я позволяю Дамиру довести свое удовольствие до конца, не убирая ладонь с его члена и продолжая его стимулировать. — Малыш, это было охренительно приятно!

Голос Дамира, нежный и ласковый, пробивается сквозь туман удовольствия в моей голове. Я поворачиваю голову к нему и тут же получаю сладкий крышесносный поцелуй. Оторвавшись от своего мужчины, смотрю на руку, по которой растекается вязкая сперма. Хочу ее попробовать на вкус, но дико стесняюсь. Хотя, чего уж стесняться после того, что между нами только что произошло. Не дав себе возможности передумать, тяну пальцы к губам и погружаю их в рот, слизывая с них сперму. Будучи увлеченной своим столь откровенным экспериментом, не замечаю на себе тяжелого взгляда. Но спустя мгновение слышу тихое:

— Блядь, Ника! Блядь! Я ж с тобой схожну! Просто схожну!

— Что? — поднимаю на него взгляд. — Почему ты опять ругаешься на меня? — становится так обидно, что слезы вот-вот брызнут из глаз. Но не успевают, потому что Дамир резко притягивает меня к себе и зажимает в своих объятиях, словно в тисках.

— Я не ругаюсь, глупышка. Не ругаюсь. Просто сложно не сдохнуть, когда ты прямо у меня на глазах слизываешь мою сперму со своих пальцев. Бляяя...

— Тебе что, это неприятно видеть? — не понимаю его. Хотя у меня опыта в этом деле ноль-повдоль. Вдруг у мужчин на этот счет какие-то свои заморочки...

— Приятно. Очень. И неожиданно. А еще... — Дамир прерывается по полуслове и как то странно смотрит на меня.

— А еще? — подталкиваю его продолжить говорить.

— А еще я хочу, чтобы вместо своих пальцев ты облизывала мой член и глотала мою сперму, когда я кончаю тебе в рот! — низким голосом, словно простужен, говорит Дамир и замирает в ожидании моей реакции.

— Ого... — это первое, что я могу выдать из себя. Но потом, немного поразмыслив, добавляю: — Думаю, что мне понравится.

— Ох, бляяя... — Дамир прикрывает глаза и запрокидывает голову вверх. — Вот поэтому и сдохнуть с тобой можно, Ника! — сказав, начинает покрывать мое лицо и шею быстрыми, короткими поцелуями. — Потому что ты нереальная просто, моя девочка! А теперь, если все же хочешь остаться сегодня невинной девой, хотя уже далеко не невинной после всего, — подмигивает, гад, и ухмыляется, — в общем, если не хочешь расстаться с девственностью прямо сейчас, то ополаскивайся по-быстрому и сваливай из ванной, потому что скоро тут будет очень-очень холодно.

Дважды мне повторять не надо. Я быстро смываю с себя остатки пены от геля, снова промываю волосы и, завернувшись в полотенце, пулей вылетаю из ванной под громкий хохот Дамира и его крик: “Трусиха”!

Боже... Боже, Боже, Боже! Меня накрывает осознанием того, что произошло между нами. Сердце колотится как обезумевшее, словно марафон пробежала. Как теперь смотреть ему в глаза после всего? Как? А мне же с ним тут все выходные... Боже!

Ника

Выбежав из ванной, иду в спальню Дамира, натягиваю на себя футболку, которую он оставил для меня на кровати. Странно, но мне казалось, она была серой, а сейчас на мне белая футболка, которая слегка обтягивает грудь и едва достает до середины бедра. Но, выбирать не из чего, ведь залезть в шкаф парня и искать там другую одежду мне как-то неудобно. Слегка подсушиваю волосы. Есть хочется безумно, а потому решаю пойти на кухню и поискать там что-нибудь из еды. Думаю, что и Дамир тоже голоден. Вряд ли в клубе он что-то ел.

Кухня нашлась без проблем, как и холодильник. А вот еды нормальной там не обнаружилось. На полках вода, пиво, овощи, немного сыра и других полуфабрикатов. Время, конечно, не самое подходящее для сытного ужина, но желудок протестует против такой вынужденной диеты. Решаю по-быстрому приготовить хотя бы омлет, благо все ингредиенты нашлись в холодильнике. Выкладываю на стол яйца, сыр, молоко, зелень, ветчину и принимаюсь за готовку. Нарезаю мелкими кубиками сыр, чтобы он расплавился, но не до конца и добавлял вкуса омлету. Тонкими полосками режу ветчину, крошу зелень. Не хватает помидоров. Но тут вспоминаю, что, вроде, видела за бутылками воды контейнер с чем-то красным. Заглядываю в холодильник и “Бинго”, томаты черри тоже отправятся в мой кулинарный шедевр.

Когда очередь доходит до яиц, осматриваю все нижние шкафы и никак не могу найти глубокую чашку, чтобы взбить смесь для омлета. Поднимаю голову выше, к самым верхним полкам и, естественно, там и обнаруживаю то, что мне нужно. Встаю на цыпочки и даже в таком положении едва дотягиваюсь пальцами до чашки. Гневно сдувая пряди волос, что облепливают мое лицо, пока я пыжусь и пытаюсь достать тару, продолжаю упорно тянуться.

— Ты решила меня добить, малыш? — хрипло произносит Дамир. Я от неожиданности вскрикиваю и резко разворачиваюсь. Вижу, как парень стоит, облокотившись на стену плечом, и наблюдает за моими трепыханиями. Интересно, давно он тут стоит?

— И давно ты тут? — спрашиваю взволнованно.

— Достаточно, чтобы убедиться в том, насколько ты отлично вписываешься в мою жизнь. Даже тут, на кухне, смотришься идеально. А уж твоя милая попка, которую мне удалось разглядеть под футболкой, пока ты тянулась за чашкой, просто полный отвал башки, малыш!

— Боже, ты что, подглядывал? — щеки начинают гореть от стыда, прижимаю к ним ладони и в панике смотрю на Дамира.

— Нет, ну что ты! Почему сразу подглядывал? — улыбается, — назовем это “наблюдал”, — подмигивает и медленно шагает ко мне, словно опасный хищник загоняет свою добычу в ловушку. Я же инстинктивнодвигаюсь назад. Так происходит до тех пор, пока я не упираюсь “предметом обсуждения” в кухонный стол. Руки Дамира опускаются на столешню по обе стороны от моих бедер. Ловушка захлопывается. — Попалась! — шепчет на ухо, нежно прикусывая шею.

Именно в этот момент я понимаю, что мне нравится. Все, что происходит между мной и Дамиром, мне очень нравится, и я не хочу этому сопротивляться и, тем более, прекращать. Плевать на все! Плевать на всех! Я признаю то, что окончательно влюбилась в этого

невыносимого, грубого, властного молодого мужчину. Принимаю это и не хочу отказываться от него. Сколько бы мы не пробыли вместе, я буду наслаждаться каждым мгновением. Да, рано говорить о любви “до гроба”, да и сам Дамир, конечно, тот еще бабник и ничего такого мне не говорил, только то, что я принадлежу ему. Но даже в это я верю. Каждому его слову верю. Наверное, это и есть те самые “розовые очки”, но мне плевать. Дамир немного отстраняется от меня и напряженно наблюдает за мной. Чувство, что мысли читает и дает мне возможность определиться.

Окончательно для себя все решив и приняв ситуацию, я сама тянусь к Дамиру, сама прихватываю его нижнюю губу и, не отрывая от него взгляда, начинаю медленно ее посасывать, наблюдая, как темнеет его взгляд. Секунда, две... три... Я уже переживаю, что он передумал, потому что он даже не отвечает на поцелуй. Он и не дышит вовсе. Но потом... Потом я слышу громкий, грубый, звериный рык, который вырывается из груди Дамира. Он подхватывает меня под попку, усаживает на стол, вклинивается между моих разведенных ног и просто сносит своим бешеным напором. Этот его собственнический поцелуй не похож ни на один их тех, что он дарил мне ранее. Сейчас каждым своим прикосновением сильных рук, движением языка внутри моего рта, каждым укусом он заявляет свои права на меня, стремится оставить отметины везде, где только можно. Боже, если он сейчас такой, то что же будет, когда мы займемся сексом... От этой мысли резко бросает в жар и я чувствую, как влага приливает к самым интимным местам. Это одновременно и безумно приятно, и невероятно стыдно, ведь я без трусиков и сижу голой попой на кухонном столе.

— Ох, Дамир... Дамир, стой, подожди, пожалуйста... — из последних сил сопротивляюсь, но не потому что не хочу, а потому что кухня, все же, не самое подходящее место для подобного. Дамир меня не слышит. Он увлеченно зацеловывает мою грудь прямо сквозь ткань его футболки, прикусывает сосок, а его руки уже всю поглаживают внутреннюю сторону бедер, пробираясь все ближе к тому месту, что сейчас полыхает огнем желания.

Громкое шипение и брызги масла на сковороде помогают нам обоим прийти в чувство и вернуться в реальность, где мы на кухне, а на плите горит масло...

— Боже, Дамир, ты меня с ума сведешь, — говорю едва слышно, прижавшись губами к его шее.

— Кто бы говорил... — хмыкает парень и отходит от меня, помогая спрыгнуть со стола и поправляя на мне футболку. Сквозь смоченную его же слюной ткань проглядывают напряженные соски, что не остается без внимания. — Блядь, Ника, ты — ходячее порно!

— Ну, допустим, это, — указываю на свою грудь, — сделал именно ты. Так что, сам виноват! — подмигиваю, разворачиваюсь и закидываю на сковороду нарезанные помидоры и ветчину. Дамир же внезапно запускает руку под мою футболку и проводит пальцами по мокрым складочкам, при этом довольно урча. — Дамир, что ты...

— И это тоже сделал именно я, — довольно заявляет он, растирая мою влагу между пальцами.

— Ах, ты! — пытаюсь возмутиться.

— Ах, я! — картинно выдыхает Дамир, окончательно отходит от меня и усаживается за кухонный стол с невероятно довольным видом. — Ну, что, Зеленоглазка, накормишь своего мужчину? — спрашивает, внимательно смотрит на меня и ждет моей реакции.

— С удовольствием накормлю, — отвечаю спустя пару мгновений. Дамир выдыхает, заметно расслабляется, словно был напряжен все это время в ожидании моего ответа. Теперь

же на его лице блуждает ленивая ухмылка.

— Умница, малыш.

Дальше готовка проходит в относительном спокойствии, без резких эмоциональных встрясок. Я суечусь у плиты, накрываю на стол, Дамир помогает расставить тарелки и кружки, разливает чай. Я раскладываю омлет по тарелкам, сажусь напротив своего парня. Боже, как же приятно это звучит. Но Дамира такое мое положение не устраивает. Поэтому он молча и с задумчивым видом переставляет мою тарелку ближе к своей и перетягивает меня к себе на колени. Целует оголившееся плечо и все также молча начинает уплетать омлет.

— Ммм, спасибо, было очень вкусно, — протягивает словно сытый кот, — никогда еще не ел такой вкуснятины.

— Я рада, что тебе понравилось, — я тоже уже закончила свой поздний ужин... Или правильнее сказать ранний завтрак, ведь часы показывают половину пятого утра.

Поднимаюсь, начинаю прибираться со стола, и тут у меня случается ступор. Дамир моет посуду. Нет, я совсем не против, но я собиралась это сделать сама и уж никак не ожидала, что это будет делать он. Зависаю посреди кухни с открытым ртом.

— Что? — удивляется Дамир.

— Да так, ничего, просто... не ожидала, что ты примешься мыть тарелки и кружки.

— Ну, ты готовила, накрывала на стол. Помыть посуду — меньшее, чем я могу тебе помочь, — как ни в чем не бывало, отвечает и возвращается к своему занятию. — Давай сюда кружку.

— А, да, вот, держи...

Закончив с уборкой на кухне, Дамир берет меня за руку и ведет в спальню. Странно, но теперь, после того, как я окончательно приняла решение не сопротивляться своим чувствам к Дамиру, меня совсем не страшит перспектива оказаться с ним не просто в одной спальне, но и в одной кровати.

Дамир стягивает темно-бордовое покрывало с кровати, отбрасывает угол одеяла и взглядом предлагает мне прилечь. Следит за каждым моим действием. Переминаясь с ноги на ногу, я все же делаю шаг вперед, затем еще один и еще... Проходя мимо Дамира, замечаю его улыбку. Наверняка, думал, что струшу. А вот и нет! Так и хочется показать ему язык. Да, по-детски, но хочется. Присаживаюсь на предложенное мне место, откидываюсь на подушку, вытягивая ноги, закрываю глаза. Боже, как же приятно. Аромат чистого белья вперемешку с запахом любимого мужчины будоражит каждый рецептор во мне. По телу вновь бегут волны желания, но я упорно держу себя в руках. Распахиваю глаза и натываюсь на плотоядный взгляд. Дамир стоит рядом со мной и не двигается. Такой молчаливый обмен взглядами длится, кажется, целую вечность. Но потом Дамир словно стряхивает с себя наваждение, заботливо укрывает меня одеялом. Подходит к выключателю, раздаётся щелчок и комната погружается в полумрак, освещаемая только слабой подсветкой, что установлена по периметру потолка. Становится очень волнительно, чувствую, как дрожат руки и колени. Поэтому решаю закрыть глаза и вцепляюсь руками в край одеяла, чтобы хоть как-то унять дрожь. Стараюсь выровнять дыхание.

Матрас рядом со мной прогибается и уже через мгновение сильные руки припечатывают меня к крепкому, мускулистому телу. В нос ударяет тот самый аромат любимого мужчины, который, словно афродизиак, дурманит разум.

— Чего трясешься, Зеленоглазка?

— Я... я не трясусь, — чуть ли не заикаясь, отвечаю. — Просто непривычно и необычно.

— Что именно?

— Я раньше никогда не оставалась ночевать у парня и уж, тем более, не спала с парнем в одной постели, где нас разделяет лишь тонкая ткань моей... то есть, твоей футболки, — мои руки сами по себе блуждают по обнаженной груди Дамира, вырисовывая на ней замысловатые узоры. И тут до меня доходит очевидное. — Кстати, а почему ты разделся-то?

— У меня к тебе противоположный вопрос: почему не разделась ты?

— Потому что это неприлично!

— Издеваешься?

— С чего бы? Может, ты и привык спать со всеми подряд почти голым, а я нет. Боже, скажи, что ты хотя бы трусы на себе оставил? — прикрываю лицо ладонями, щеки горят от смущения. Будь в комнате включен свет, Дамир наверняка увидел бы, что я красная, как помидор. — Оставил?

— А какой ответ ты хочешь услышать? — вкрадчиво спрашивает Дамир. Подвисяю на мгновение. А, действительно, какой? Да, оставил? Нет, не оставил? Да? Нет?... — Нет! Сня с себя абсолютно все! — руки мужчины скользят по моим бедрам, захватывая край футболки, и медленно поднимают ткань вверх, оголяя сантиметр за сантиметром мое тело. Миг и моя последняя преграда летит на пол, Дамир оставляет меня совершенно обнаженной.

— Боже!

— Нет, Зеленоглазка, всего лишь я... — голос Дамира низкий и бархатный, ласкает слух. Он явно возбужден. Это понятно не столько по интонациям, сколько по упирающемуся в мой живот его твердому члену. — Если бы ты знала...

— Что? — шепчу, едва дыша.

— Как сильно я тебя хочу, малыш. Я бы сейчас зацеловал каждый миллиметр твоего прекрасного тела. Посмотри на меня, Ника, — поднимаю глаза, встречаюсь с адской бурей в его взгляде, — но я дал тебе слово. Поэтому прекращай трястись и дрожать. Я же обещал, что не обижу, малыш.

— Хорошо, я постараюсь. Просто стесняюсь немного...

— Ты прекрасна, Ника. Если не веришь мне, то поверь ему! — указывает взглядом под одеяло, намекая на свой твердый ствол, что упирается в меня. — Ему-то веришь?

— Верю обоим, — смеюсь, шлепаю его ладошкой по плечу. — Но можно все же повернуть? Так мне будет привычнее заснуть. Не могу засыпать на левом боку.

— Давай, поворачивайся, но я все равно буду обнимать тебя. Надо, чтобы ты ко мне привыкала.

— Ладно, как скажешь. Да и, к тому же, мне это самой очень нравится, — однозначно признаваться в подобных вещах значительно легче, когда лежу к нему спиной.

— Прямо очень? — хитро переспрашивает. Вот, вроде, и не вижу его лица, но точно знаю, что улыбается.

— Очень-очень, — тихо отвечаю.

— Тогда иди ко мне, малыш, — прижимает меня спиной к своей груди максимально близко. Так, что я ощущаю каждый удар его сердца, словно оно бьется в моей груди. — Приятных снов, моя Зеленоглазка.

— И тебе приятных, Дамир, — шепчу, улыбаясь и почти засыпая. Затем через пару мгновений все же добавляю: — Мой Дамир.

Дамир проводит губами по моей шее, покрывая ее нежными поцелуями и улыбается, обнимая меня и поглаживая живот. Слушая его размеренное дыхание, я достаточно быстро уплываю в сон.

Будит меня звонок в дверь, периодически сменяющийся громким стуком по ней же...

Ника

— Да, бля, иду я! — сквозь дрему слышу гневный рык Дамира, — сука, убью! — продолжает ругаться, натягивая штаны на голое тело. Ох, вот это зрелище. Так и хочется пройтись ноготками по его крепкой спине, чтобы оставить на смуглой коже полосы, а потом пройтись по ним языком... — Вот чтобы когда я вернусь, смотрела на меня также, поняла? — я настолько погрузилась в свои фантазии, что не заметила, как Дамир развернулся и уже наблюдает за мной. Боже, он ведь заметил, как я на него плююсь! — Ника?

— Боже... В кого ты меня превратил? — со стоном прячусь под одеяло, — я стала маньячкой!

— Мне по кайфу, Зеленоглазка. Но! — голос становится строже. Понимаю, что сейчас скажет что-то важное, а потому выныриваю из-под одеяла. — Так ты смотришь только на меня, исключительно на меня. Это понятно? — киваю, глядя в глаза. — Умница! — стук становится еще громче, это отвлекает и прерывает наш молчаливый диалог.

— Там... — кивком указываю в сторону двери, — может, что-то случилось? Кто там?

— Не знаю точно, но догадываюсь. Только один наглый, блондинистый засранец может позволить себе такое и не бояться при этом отойти в мир иной.

— Там что, твой брат? — в панике голос срывается на писк, — не впускай его сюда. Я же... Я же...

— Так, я не понял, ты его боишься что ли? Он тебя обидел? — Дамир хмурится и, кажется, злится.

— Нет-нет, что ты! Просто, он ведь увидит меня здесь.

— И? — не понимает.

— Я в твоей постели...

— Да. И дальше-то что?

— Блин, Дамир, ну как ты не понимаешь?! Он ведь подумает, что мы... Что ты и я, ну, — перехожу на шепот, — вместе.

— Открою тебе, Ника, страшную тайну. Только в обморок не грохнись. Он уже в курсе, что мы вместе и что ты моя, — заявляет Дамир и нервно кричит в сторону двери: — Да иду я, блять! — выходит из спальни и идет к двери. Кажется, кому-то сейчас сильно влетит. — Сколько можно долбиться! Серый, грохну к хренам тебя, обломщик! — долетает до меня из коридора вместе со звуком открывающейся двери и глухим болезненным “Ох!” в исполнении Сергея. — Достал, какого хера приперся в такую рань? Заходи давай, рассказывай побыстрому и выметайся.

Дальше разговор я уже не слышу, потому как начинаю в панике искать футболку, которая ночью была отброшена Дамиром в неизвестном направлении. И вот засада, нигде не могу ее отыскать. Голоса тем временем приближаются. Я понимаю, что они идут в сторону спальни. Точнее, один голос и он не Дамира. Боже, еще минута и Сергей зайдет в спальню, а я тут голая. Хватаю с пола покрывало и заматываюсь в него, как в огромное полотенце. Едва успеваю затянуть узел, как дверь в спальню распахивается и на пороге стоит Сергей.

— Алилуйя! — всплеснув руками, говорит Сергей. — Ну наконец-то! Я уж думал, брат от спермотоксикоза загнется или кого-нибудь сломает. Озверел в конец.

— Я сейчас тебя сломаю! — Дамир врывается в комнату, отводит меня к себе за спину. Фух, аж дышать легче становится. Упираюсь лбом ему между лопатками, меня немного потряхивает и я дико стесняюсь. Не хотела я, чтобы кто-то узнал, что я ночую у Дамира. — Морду свою отвернул и нехер пялиться на нее. Какого черта ты вообще врываешься в мою спальню? Давно по роже не получал? — злится.

— Да ты сам свою рожу видел? Лимон пожуй, а то счастливый такой, аж скулы сводит, — парирует Сергей.

— Я тебе сейчас твои скулы-то поправлю.

— А вот этого не стоит, мама родила меня красивым, — откровенно издевается над нами этот самопровозглашенный красавчик.

— Придурок! — Дамир начинает смеяться, ловит мою ладонь и поглаживает ее. Его спина заметно расслабляется. Я тоже вместе с ним понемногу успокаиваюсь. Что ж, конфликт, видимо, исчерпан. Да и был ли он. Вся эта ситуация больше походила на какой-то дружеско-братский стеб. — Чего завалился в такую рань?

Стою и не знаю что делать. Встревать в их перепалку совсем не хочется. Мне сейчас лишнее внимание ни к чему. Но, с другой стороны, на мне лишь покрывало и то оно скоро спадет с меня, потому что со всеми этими резкими перемещениями, узел совсем ослаб и покрывало вот-вот рухнет к ногам.

— Дамир, — шепчу едва слышно, не отрываясь от его спины и касаясь кожи губами. Замечаю, как тело мужчины начинает немного подрагивать, а от места внезапного поцелуя разбегаются мурашки. Улыбаюсь.

— Малыш... — хрипло отзывается, — что ж ты творишь-то...

— Я не специально, просто покрывало сейчас упадет... — не успеваю договорить, как слышу грозное:

— Так, Серый, ну-ка свалил из спальни, Нике одеться надо, — и буквально выталкивает брата из комнаты под свой грозный рык и его дикий хохот.

Как только за Сережей закрывается дверь, Дамир резко разворачивается ко мне.

— Ну все, ты доигралась! — медленно двигается ко мне.

— А? Что? Так, стоп! Чего это я доигралась? Это не я притащила своего брата в нашу спальню! — я возмущена! Смотрите-ка, еще и я виновата, что тут не комната, а проходной двор какой-то! — Это не я тут с ним стояла и выясняла отношения свои братские, пока твоя девушка почти голая пряталась за твоей спиной! Так что нечего на меня рычать, Дамир! И вообще, ты чего лыбишься? — искренне недоумеваю, потому что я тут кричу на него, а он расплывается в улыбке.

— Наша...

— Что “наша”?

— Ты сказала “наша спальня”, — подкрадывается тихо ко мне и прижимает к себе, срывая с меня покрывало окончательно.

— Не... не говорила...

— Говорила, не отрицай. Значит, считаешь эту спальню, — обводит взглядом комнату, — нашей? Умница моя.

— Это просто оговорка...

— Угу, по Фрейду. Но мне нравится, малыш. Иди ко мне, сладкая. Хочу тебя целовать!

Дамир набрасывается на мои губы с невероятной силой и желанием. Сметает любое мое сопротивление. А у меня ноги подкашиваются от того, как же мне приятно все это. Дамир

подталкивает меня к кровати, я упираюсь ногами в спинку и не успеваю даже пикнуть или возразить, как оказываюсь опрокинутой на кровать и прижатой мощным, горячим телом своего мужчины. Что за невероятное ощущение... Тело словно горит. Желание моментально захватывает каждую клеточку, по венам будто жидкий огонь несется. Я интуитивно развожу ноги шире, Дамир удобно устраивается между ними, не прерывая свой крышесносный, подавляющий волю поцелуй. Начинаю стонать, не могу контролировать ни себя, ни свои стоны, ни свое тело... Двигаюсь бедрами навстречу Дамиру. Его твердый член упирается в самый вход во влагалище, он подрагивает, я же истекаю соками. Я чувствую его пульсацию даже через ткань спортивных штанов, которые Дамир наспех натянул, когда пришел Сергей.

Сергей...

Точно! Боже! Мы же не одни! Там же Сергей сидит в гостиной, буквально за дверью и все слышит. Сквозь дурман желания и страсти прорывается голос разума и я нахожу в себе силы, упираюсь ладонями в грудь Дамира. Его сердце сейчас выдает просто бешенный ритм. Он очень заведен, но я почему-то точно знаю, что если я попрошу, он точно остановится. Поэтому легонько отталкиваю его от себя. Ну как отталкиваю? Скорее уж пытаюсь это сделать, ведь он очень большой и сильный. Как же самой сложно от него оторваться. Хочется поддаться. Чувствую, что меня снова затягивает в эту сладкую ловушку, когда Дамир целует, покусывает, посасывает мои соски, совершая совершенно бесстыдные движения своими бедрами, выводя меня на абсолютно нереальный виток удовольствия. Кажется, еще секунда и меня накроет.

— Дамир, а есть у тебя что пожрать? Голодный как волк, не жрал со вчерашнего вечера, — кричит из гостиной Сергей.

Это окончательно приводит меня в чувство и я все же успеваю простонать “Дамир, остановись!” прежде, чем мои губы снова оказываются в его плену, а на меня обрушивается просто невероятно сильный оргазм. Меня трясет и выгибает дугой, под попой влажно. Чувствую пальцы Дамира у себя между ног и меня снова выкидывает за грань удовольствия. Кончаю второй раз также сильно. Сил почти не остается ни на что. Дамир же упирается лбом в мою переносицу и тихо хрипит:

— Ты такая невероятная, моя девочка. Сейчас взорвусь, если не окажусь в тебе. Впусти меня, малыш, — начинает водить пальцами по моим припухшим от возбуждения складочкам, растирая влагу с пошлыми звуками. — Впусти,пусти...

— Дамир, — также тихо отвечаю ему. Понимаю, как ему тяжело сдерживаться. Тем более, что мне-то он доставил удовольствие, а сам остался ни с чем. И я тоже очень хочу его. Очень хочу, чтобы между нами все произошло. Прямо сейчас. Но на задворках сознания крутится мысль, что мы не одни в квартире. А значит, нам нужно притормозить. Но как сделать это, чтобы не обидеть Дамира? — Дамир, милый, подожди, пожалуйста...

— Не могу, не могу остановиться, малыш. Сорвало все планки и предохранители. Сдохну, если не трахну тебя сейчас, — морщусь от грубости. Дамир замечает это и быстро исправляет ситуацию. — Прости, прости, Ника, не хотел грубить. Просто уже не могу сдерживаться. Прости. Дай. Дай мне сейчас, — покрывает мои щеки, губы, шею мелкими поцелуями.

Осознаю, как парня накрыло. Кажется, что его мозг вообще отключился и им правят инстинкты. Предпринимаю отчаянную попытку успокоить его, отрезая себе все пути назад.

— Дамир, — хватаю его лицо ладонями, — посмотри на меня, Дамир, — смотрит. Взгляд пустой и дикий, зрачки расширены, дышит прерывисто. — Я тоже очень тебя хочу.

Очень, — все, призналась, — и все будет. Сегодня, милый, сегодня. Сразу, как только мы останемся с тобой вдвоем. Там ведь Сергей, — киваю в сторону двери, — я не хочу при нем... Не смогу.

— Мммм..., — мучительный стон, — ты права, малыш, права, конечно, — Дамир прикрывает глаза на мгновение. Но когда снова открывает их, во взгляде уже не похоть и желание, а ярость. — Я его точно грохну, блядь! Но я, наверное, должен быть ему благодарен, ведь ты сдалась мне, — шепчет уже мягче. — Сейчас выпровожу этого гада. Обломщик хренов. Еще брат называется.

Все это Дамир ворчит себе под нос, уже встав с кровати. Без него становится холодно и неуютно. Натягиваю на себя одеяло. С трудом верится, что он сможет выгнать брата. Да и, судя по внезапному и шумному появлению Сергея, у него явно что-то случилось. А это значит, что разговору быть. Подумав об этом, решаюсь попросить Дамира:

— А ты не мог бы одолжить мне одежду? Не могу найти футболку, что ты мне давал ночью. Да и, может, штаны или шорты какие-нибудь у тебя есть?

— Конечно, не вопрос. Глянь в шкафу. Тебе, наверное, все огромное будет, но там спортивки есть, они на шнурке. Подзатянешь и нормально будет, — отвечает, а потом на его губах появляется порочная ухмылка и он добавляет: — Все равно скоро одежда тебе уже не понадобится.

— Вот ты пошляк! — возмущаюсь, краснею, но все же смеюсь. — Иди уже к брату, а то он весь уже извелся. Мне кажется, у него что-то произошло.

— Разберемся. Не волнуйся. Одевайся и выходи к нам, позавтракаем, — разворачивается и выходит из комнаты.

Встаю с кровати, подхожу к шкафу и начинаю искать для себя одежду. Натягиваю футболку подлиннее и посвободнее, нахожу простые спортивные штаны. Надев их понимаю, что они мне просто огромные. Но делать нечего. Затягиваю шнурок потуже. Вроде, не спадают. Не глядя, собираю волосы в пучок, на рабочем столе беру карандаш и им закрепляю волосы. Всегда так делаю, привычка с детства. Заглянув в зеркало на дверце шкафа, удивляюсь, что выгляжу в общем-то неплохо. Даже стильно как-то. Эдакий “Хоум-стайл”. Это по одежде. А вот выражение лица меня впечатляет: глаза горят, щеки покраснелись. Вид слегка потрепанный, но счастливый. Улыбаюсь своему отражению, подмигиваю и направляюсь в кухню, так как именно оттуда доносятся голоса парней.

Ника

— О, привет. Ты уже оделась? Жаль... Жаль... — захожу в кухню, Сережа встречает меня радостными криками и жалобным взглядом. — Ника, солнышко, — слышу рык Дамира. Он тут же хватается за руку, тянет на себя и устраивает на своих коленях. Сергей поднимает руки в жесте а-ля “сдаюсь” и продолжает свою речь. — Ладно, просто Ника. А то этот неандерталец меня взглядом испепелит...

— Я тебя и в зале отметелю, — скалится Дамир.

— Не, я против тебя в спарринг не встану. Я пожить еще хочу. Столько телок нетраханых ходит... — Сергей мечтательно прикрывает глаза, за что тут же получает удар под дых, проморгав сей маневр. — Ау! Ты в своем уме, терминатор? Ника, почему он такой злой? Брат, ты чего злой такой? — блондин мечется взглядом от меня к Дамиру и обратно, а в глазах черти пляшут. — Ты ж ночь с девушкой провел, чего бесишься?

— Ты слова-то фильтруй, тут моя девочка все же.

— О, блин, соррян, Ник, не хотел обидеть. Скажу по-другому: столько девушек, — делает акцент на этом слове, подмигивает, — нетраханых ходит.

И вот тут я заливаюсь смехом. Ну такой он непосредственный. Дамир на него снова рычит, что-то объясняет, а мне почему-то в этот момент так хорошо становится. Я улыбаюсь, смотрю на своего красавца, у которого торжественно восседаю на коленях, слушаю его беззлобную перепалку с братом и понимаю, что вот сейчас, именно в этот момент я счастлива. Не успеваю осознать свои действия, но уже в следующую секунду я аккуратно и нежно веду ладонью по щеке Дамира, слегка поглаживая пальчиками по щетине. Он поворачивается ко мне и я тянусь к его губам своими. Захватываю зубками нижнюю и нежно посасываю. Дамир издает какой-то животный звук, его руки еще сильнее сжимаются на моих булочках и он проталкивает свой язык мне в рот, лаская им мой собственный. Взрыв вкуса, все рецепторы работают на пределе. У меня явно случается какой-то невероятный гормональный всплеск, иначе как еще объяснить мое поведение и то, что я быстро перекидываю свою ногу через колени Дамиру и сижу на нем уже не боком, а лицом к лицу, а Дамир продолжает целовать меня так сладко и порочно, что я не могу сдержать хриплого стога. В голове пульсирует лишь одна мысль: только бы это не заканчивалось...

— Алё, народ! Я тут вообще-то! Эм... Я вам не мешаю? — на периферии сознания слышу Сережины насмешливые комментарии. — Может, вам в комнату удалиться?

— Мы и были в спальне, придурок, пока ты своим внезапным визитом не обломал нас по полной программе! — рычит Дамир, оторвавшись от моих губ.

Смотрю на них затуманенным похотью, желанием и страстью взглядом. Перевожу взгляд на свою позу и меня словно холодной водой окатывают.

— Боже! — дергаюсь, заливаясь краской стыда, порываюсь встать, но крепкие руки не позволяют даже с места сдвинуться.

— Даже не вздумай сбежать, Зеленоглазка, — хриплый шепот в ухо. — Или ты хочешь, чтобы младший брат спалил мой стояк? — едва заметное движение бедрами, легкий укус в шею и смешок. Тут до меня доходит, что сижу я не только в весьма провокационной позе, но и прямо на хм... члене Дамира, который гордо упирается мне в промежность. От слияния нас отделяет лишь пара слоев ткани.

— Так вот почему мне было так хорошо? — немного ерзаю на его бедрах, усиливая давление на его пах, поддерживая его игривое настроение. За что, собственно, и получаю по заднице. — Ай!

— Вот тебе и “ай!”. Сиди смиренно, а то получишь не только ПО своей очаровательной попке, — заявляет ухмыляющийся Дамир, делая акцент на предлоге “ПО” и радуясь моему замешательству.

— Ну и пожар между вами! Костры испанской инквизиции отдыхают! — присвистывает Сергей.

— Бля, ты тут еще?

— Да, брат, тут и никуда не собираюсь. Сегодня я буду вашим Анти-Купидоном, а то спалите тут все к чертовой бабушке. И я хочу жрать. Очень. Ник, умоляю, сваргань что-нибудь сытное, а то придется меня откачивать от голодного обморока, — смотрит на меня жалобным взглядом и складывает руки в молитвенном жесте.

— Можно? — спрашиваю у Дамира. Все же я в гостях и не привыкла себя вести слишком свободно, находясь не на своей территории.

— Конечно, малыш. Тебе можно все. Можешь даже не спрашивать.

Дамир оставляет на моих губах легкий поцелуй, помогает подняться. Краем глаза замечаю, как он морщится, поправляя свой все еще твердый член в штанах. Бедняга мой. Как же ему, наверное, сложно.

— Малыш? — слышу за спиной тихое и удивленное.

— Завали, а! — рычит в ответ Дамир. — Ника, ты в морозильную камеру загляни тоже. Может, там что найдешь. Кажется, там несколько стейков из форели было.

— Отлично! — воодушевляюсь я.

Готовить рыбу мне нравится. Ну и помимо рыбки, может, там еще что-то полезное отыщется. Заглядываю в морозилку и в самом деле нахожу упаковку рыбных стейков. Там же обнаруживаю замороженную овощную смесь. Супер. Значит будет тушеная рыба с овощами в сырно-сливочном соусе. Бабуля готовит это блюдо так, что пальчики оближешь. Вот и меня научила. Теперь оно мое коронное. Кот говорит, что я его готовлю даже вкуснее, чем бабуленька. Она, конечно, показательно дует на подобного рода замечания, но быстро отходит и потом сама же меня и нахваливает.

Блин, так соскучилась по ним. Вот бы с ними поболтать.

И, как по волшебству, а точнее, по закону подлости, мой телефон начинает громко орать из комнаты. А у меня руки уже все в рыбе и специях, которыми я ее натираю. Дамир встает и идет в спальню, чтобы принести телефон.

— Ника, я не понял, какой еще нахер Котик тебе звонит, а? Это кто такой? — Дамир залетает в кухню спустя всего несколько секунд и сходу начинает ругаться. Он что, ревнует? — Чего глазками хлопаешь? Кто этот смертник я спрашиваю?

Ах, так? Глазками, значит, хлопаю? Ну, получай, грубиян! Выхватываю из его рук трубку и отвечаю на звонок.

— Котик, привет, родной! Как дела? — знаю, что бешу и провоцирую парня. Но надо же как-то сдерживаться, в конце концов! А то разорался тут, да еще и при Сергее! — Да, у меня все хорошо. Да. Ага. А вы как там с бабулей? — смотрю в глаза Дамира, в которых кипит гнев, злость и... обида? Ладно, надо заканчивать эту игру. — Братик мой родной, любимый и ненаглядный, давай в понедельник еще созвонимся, а то у меня тут... — Дамир выдыхает, вроде, понимая, кто мой собеседник, но теперь в его глазах не гнев, нет. Там похоть и жажда

возмездия. Упс, кажется, я снова попала. — У меня тут булочки горят. А? Какие булочки? Да я пеку тут. Ну все, ага, люблю-целую. Бабуле привет. До понедельника, Кость. Я наберу.

Сбрасываю вызов. Сейчас начнется...

— Ну, я это... Пожалуй, пойду, — тихо пробормотав, Сережа выходит сначала из кухни, а затем и из квартиры. С тоской смотрю ему вслед.

Мне тоже так хочется сейчас убежать, потому что мне даже голову поднимать не нужно, я и так понимаю, что Дамир зол и уже подошел ко мне. Ниндзя, блин.

— Брат, значит? — рычит.

— Угу, — киваю, так и не подняв взгляд, — старший.

— Почему “Котик”?

— Его Костя зовут. С детства его Котом называю.

— Ясно. Ну, давай сюда их.

— Кого “их”? — поднимаю, наконец, голову и вопросительно смотрю на Дамира.

— Булочки, — невозмутимо.

— Какие еще булочки? — блин, это я туплю или у Дамира проблема?

— Те, которые у тебя горят. А точнее, будут гореть буквально через пару секунд, — заявляет уже не так ласково, как говорил до этого. И снова эта похоть во взгляде полыхает. Понимаю, что он злится на меня за то, что заставила его понервничать. И, кажется, мне сейчас достанется. Мне даже немножко стыдно. А еще страшно. Делаю шаг назад, он отрицательно качает головой и усмехается. — Ты же не думаешь, что отделаешься так просто? Это косяк, Зеленоглазка. Так меня еще никто не доводил... Поэтому, иди-ка сюда, — и манит пальчиком к себе.

— Ты сам виноват! — взрываюсь. — Да у тебя разгон от милого парня до злющего амбала за полсекунды! Чего начал на меня так кричать?

— А ты нахер этот цирк устроила? Понимаешь же, что едва сдерживался! — кричит в ответ.

— Ах, так это ты еще сдерживался?

— Представь себе, да! А теперь, когда мы все выяснили, живо ко мне иди, Ни-ка!

По слогам проговаривает мое имя и это звучит так завораживающе, что я даже делаю малюсенький шагочек к нему. Потом резко торможу, словно придя в себя, и уже собираюсь сделать шаг назад, как Дамир резко выбрасывает свою ручищу вперед в попытке схватить меня за руку. Я взвизгиваю не то от страха, не то от возбуждения. В кровь впрыскивается ударная доза адреналина и я со всей своей скоростью, на которую способна, мчусь в сторону спальни. Точно, там ведь был замок.

— Черт! — носки скользят по гладкому полу и я практически влетаю в стену, выбегая из коридора в гостиную.

Так, еще буквально пара метров, несколько шагов и я буду в спальне. Бегу, даже тяну руку к дверной ручке, вот-вот ее ухватчу.

Так, стоп! Почему я не могу дотянуться до нее?

Осознаю, что меня держат крепкие руки. Дамир перехватывает меня поперек обеими руками и прижимает спиной к своему мощному телу. Слышу его дыхание и сердцебиение. А еще запах... Он пахнет так возбуждающе, по-мужски, что у меня колени подкашиваются. Так пахнет мой мужчина. И этот запах сводит меня с ума. Завожу руки за голову, обхватываю его шею, чуть царапнув ноготками по затылку, прижимаюсь попкой к уже твердому члену. В ответ слышу довольный рык и стон.

— Ну все, добегалась! Блять, сожру тебя сегодня, точно! — хрипит Дамир и смачно так кусает мою шею. Одной рукой удерживает меня, другой развязывает шнурок на поясе своих спортивных штанов, что сейчас на мне одеты.

Не разрывая объятий, так и шагаем с ним вместе в спальню. Да, очень хочу, чтобы все произошло именно сейчас. Да, я готова. Не хочу больше ждать. Ну не могу я больше терпеть, тело все словно огнем пылает. Хочу чувствовать руки и пальцы Дамира везде. И не только их. Хочу! Хочу!

— Хочу! — хнычу в голос.

— Чего же ты хочешь, малышка? — словно змей-искуситель спрашивает Дамир.

— Тебя, Дамир. Я очень хочу тебя.

— Сейчас все будет, малыш. Потерпи чуток. Блять, да нахер ты тут столько узлов навязала? — нервничает, а я хихикаю.

Наконец, шнурок на штанах развязан и они с тихим шорохом соскальзывают по моим бедрам вниз. Дамир хватается за края моей футболки, я поднимаю руки и он стягивает ее с меня, отбрасывает в сторону. Он обходит меня по кругу, жадно рассматривает каждый сантиметр моего тела, затем встает прямо передо мной, так близко, что я ощущаю жар его крепкого тела. Протягиваю руки и поглаживаю ладонями его мощную грудь и плечи. Дамир прикрывает глаза от удовольствия, а я веду ладонями все ниже и ниже. Когда дохожу до резинки его штанов, провожу пальчиком по самому ее краю, затрагивая дорожку темных волос, что уходят глубже под нее.

Дамир стягивает с себя штаны, хватая меня на руки и аккуратно, даже с каким-то немислимим трепетом, укладывает на кровать. Нависает сверху, расположившись между моих широко разведенных ног, и долго пристально смотрит мне в глаза. Что пытается там найти — непонятно. Может, страх? Но его там нет, только желание.

Нежный, сладкий, томительно-долгий поцелуй, который напрочь отключает мой разум. Я вся как оголенный нерв, по которому пропускают ток. Каждое прикосновение, каждый поцелуй заставляет тело дрожать и требовать еще больше ласки. Дамир захватывает в рот один сосок, покусывает его, а я чувствую, как лоно внутри пульсирует и выбрасывает немислимое количество теплой влаги, а тело выгибает дугой. Это еще не оргазм, нет, но что-то явно очень похожее, ведь просто невозможно сдерживаться, а потому с моих губ все чаще и чаще срываются стоны.

— Какая музыка для моих ушей... Твои стоны шикарны, малышка, — говорит Дамир, оторвавшись от одного соска, чтобы тут же захватить в плен другой.

Мои руки тоже приходят в движение. Я глажу Дамира, трогаю его красивое, такое горячее тело. Мне вспоминается, как приятно было держать его член в руках, ласкать его. Хочу снова почувствовать эту пульсацию, что он выдает, когда Дамиру приятно. Опускаю руку чуть ниже и обхватываю его твердый член ладонью. Какой же он все-таки большой, даже пальцы сомкнуть не получается. Начинаю двигать рукой, как показывал Дамир в душе. Его ласки тут же прекращаются, слышу приглушенный стон.

— Мммм... — стонет Дамир, — скажи это, скажи еще раз.

— Что сказать?

— Что хочешь меня... Что ты — моя... — глаза прикрыты, наслаждается моментом моей полной капитуляции.

— Хочу тебя, Дамир, — подчиняюсь. Чувствую, что ему это нужно. — Хочу только тебя. Сделай меня своей.

Миг...

Оглушающая тишина...

Резко распахнутые глаза Дамира...

Мои запрокинутые над головой руки, прижатые мощной мужской рукой...

Огненно-горячий член, прижатый ко входу в мое лоно...

— Ты уже моя! Навсегда. Запомни это, Зеленоглазка!

А дальше резкая вспышка боли и ощущение невероятной наполненности.

Дамир

Блять, я в раю. В тугом, горячем, влажном раю.

Тело звенит от возбуждения и удовольствия, чувствую, как капля пота стекает по виску, щекоча кожу. Член горит огнем, сладким, невероятным огнем, удерживаемый тугими стенками влагалища Ники. В ушах гул собственного пульса. Так, надо приходить в себя уже.

В момент, когда разорвал последнюю преграду между нами, услышал жалобный писк и всхлип Ники, потому и замер, позволив привыкнуть к новым ощущениям и ей, и себе в частности. Потому что это, блять, что-то! Просто за гранью. Даже не знаю, кому больше нужна была эта передышка.

Столько разных телок побывало подо мной, молодых и постарше, брюнетки, блондинки, рыжие... Опытные и девственницы, но такие, что фору любой шлюхе дадут. Из тех, кто девственность свою берегут только в одном месте, чтобы потом продать подороже. А вот развести их на анал или на минет — дело нескольких минут. Поэтому для меня не должно было стать чем-то таким нереальным то, что я буквально минуту назад лишил Нику невинности, но стало... И да, именно невинности, потому что моя девочка совсем не похожа на всех тех шлюх продажных. Она у меня реально чистая и невинная. Была... А теперь я забрал ее себе. Полностью. Моя!

Опускаю взгляд, смотрю на Нику. Зажмурилась, вцепилась своими нежными пальчиками в мои плечи, лежит, молчит. И только из уголков ее глаз бегут мокрые дорожки. Слезы. Блять, ей больно. Удерживаю вес на одной руке, второй аккуратно веду по ее румяной щечке, стирая слезы. Она инстинктивно тянется за моей ладонью, немного расслабляется. Смотрю на нее, до боли красивая и почему-то такая родная. Наклоняюсь, веду языком по соленым губам. Поддается, раскрывает свои губки и впускает мой язык, легонько посасывает его. А у меня просто все предохранители слетают. Больше не могу терпеть. Это выше моих сил. Медленно подаюсь назад, немного вынимая член. Хочется, конечно, вбиваться в нее со всей дури и обязательно пометить ее всю своей спермой, размазать белесую жидкость по всему ее прекрасному телу, но сначала залить всю ударную дозу прямо внутрь нее... А-а-а! Блять! Блять! Блять! Фантазия моя, остановись! Все будет, но позже! Сейчас нельзя забывать, что это первый раз у Ники и ей сейчас больно.

Аккуратно отвожу бедра назад, почти полностью вынимая член из сладкого плена.

— Нет, нет! — Ника распахивает свои глаза-изумруды, обхватывает меня своими ногами и не дает двигаться. — Не уходи, пожалуйста! Не уходи! — шепчет с надрывом.

— Малыш, тише. Я не уйду. Просто тебе больно и я хотел...

— Нет, мне уже не больно, — перебивает. Говорит, что не больно, а сама дрожит, как лист осиновый. И смотрит на меня своими нереальными глазами.

— Ведьма моя зеленоглазая! — говорю вслух то, что мелькнуло в голове. — Если не больно, то чего дрожишь тогда? — стараюсь вложить всю свою нежность, на которую в принципе способен, в свой голос сейчас. — Точно не больно? Может, прекратим?

Что? Нет, не так! ЧТО??? Это я сейчас сказал? Какой “прекратим”??? Смотрю на Нику и мысленно умоляю ее не соглашаться с этим абсурдом, что я только что выдал.

— Нет, Дамир. Я хочу дальше, до конца, — начинает немного двигать бедрами мне навстречу. — Мне уже... ну... не то, чтобы больно. Какое-то непонятное немного ощущение.

Смешанное, — пытается объяснить.

— Это как? — туплю, конечно. Но оно и понятно, весь мозг стек в член.

— Вроде, не больно. Немного жжется внутри, но... — замолкает и отводит стыдливо взгляд.

— Но? — ловлю ее за подбородок и возвращаю в исходное положение.

— Просто, когда ты хотел выйти из меня...

— Боже, выбирай слова, Ника, иначе я сейчас либо оттрахаю тебя, либо взорвусь! — член начинает дико пульсировать. Ну реально ведь едва сдерживаюсь.

— А ты не взрываешься... — говорит и слегка подмахивает бедрами, при этом сжимая свои внутренние мышцы.

— Мммм... — стону в голос.

— Когда ты хотел выйти из меня, — интонациями выделяет именно эту фразу. Маленькая ведьма. — Мне вдруг стало так сладко и горячо. Сразу захотелось, чтобы ты, наоборот, продвинулся глубже...

— Ну все, Ника, — хриплю и резко толкаюсь вперед, срывая с ее губ страстный стон, — сама напросилась.

— Да-а-а...

И вот тут начинается безумие. Наше общее на двоих безумие.

Толчок...

Хрип...

Толчок...

Стон...

Мой? Ее? Не понимаю. Да и не важно это. Важно лишь то всепоглощающее удовольствие, что течет огненной лавой по венам. Я стараюсь! Стараюсь двигаться аккуратнее, чтобы не делать больно Нике, но это маленькая чертовка не помогает мне, а, наоборот, делает все, чтобы я окончательно слетел с катушек. Она подается мне навстречу, словно сама насаживается на мой член, затягивая меня еще глубже в себя. Блять, это что-то запредельное.

Замираю на секунду, потому что сперма уже подкатывает. Кажется, что еще одно едва различимое движение и я солью прямо в Нику. Прикрыв глаза, наслаждаюсь тесным пленом и легкими, нежными поглаживаниями. Зеленоглазка водит своими маленькими ладошками по моей груди, плечам, спине до куда дотягивается, размазывая капли пота по моему телу. Наклоняюсь, смотрю в ее зеленые глаза. Капля пота с моего лба срывается и падает на нижнюю губу Ники. Она, не отрывая взгляда от меня, вытаскивает свой розовый язычок и слизывает каплю. Затем закрывает глаза и сладко стонет, словно попробовала самый изысканный десерт.

Сжимаю кулаки, набрасываюсь на ее губы и возобновляю толчки. Каждый сильнее предыдущего. Глубже, глубже, глубже... Хочу ее безумно, мою девочку. Я уже в ней, но эта дикая жажда не прекращается, а только усиливается.

Ника течет. Так сильно, что я своими яйцами ощущаю, как ее соки стекают по ним. Мы оба слышим эти пошлые, хлюпающие звуки от каждого моего движения. Такая страстная и чувственная малышка. Хватаю изящную ножку Ники и закидываю себе на бедро, углубляя тем самым проникновение. Ника стонет. И совокупность всех этих звуков сводит меня с ума. Сам не замечаю, как издаю какой-то животный рык, когда стенки влагалища Зеленоглазки начинают судорожно сокращаться, а саму ее охватывает дрожь. Ника кончает, утягивая меня

за собой в эту бездну невероятного удовольствия. Не прекращая жестких толчков, вцепившись своими пальцами в бедра Ники так, что однозначно у нее останутся синяки, отпускаю себя и моя сперма упругой струей выплескивается глубоко в мою желанную девочку. Все, пометил.

Руки Ники обессилено спадают с меня и она, прикрыв глаза, пытается перевести дыхание.

— Рано расслабилась, малышка, — она испуганно распахивает глаза и пытается что-то сказать, но я не даю. Тут же набрасываюсь на ее губы. — Мне чертовски мало! — хриплю, покусывая ее губку, и возобновляю движения.

Трахать, нет, любить свою девочку по своей же сперме — это отдельный вид изошренного удовольствия. У нее внутри мокро, скользко и горячо от моей спермы, смешанной с ее же вязким секретом и девственной кровью. Ника начинает тихо постанывать, снова подаваясь навстречу моим толчкам. Ну вот, и к чему тогда были эти испуганные глазки, если она сама хочет? А в том, что она хочет, я не сомневаюсь.

— Дамииир, — тихо стонет мне в губы.

— Что, малыш? — только не останавливай меня, умоляю. Я ведь не смогу. Не сейчас точно.

— Еще... Еще, пожалуйста, — да ты ж моя прелесть! Внутренне ликую.

— Не останавлиюсь, девочка моя, — обещаю, — не останавлиюсь.

Наклоняюсь, целую и облизываю шею Ники. Наверное, даже кусаю, потому что она тихо попискивает, впиваясь мне в плечи своими коготками. Еще ниже... Захватываю ее сосок и аккуратно посасываю, держа свой вес на одной руке, чтобы не придавить свое сокровище. Другой рукой поглаживаю вторую упругую грудь, пощипывая и второй сосок. Я еще в душе просек, что это одна из самых эрогенных зон Ники. Грудь, шея и левое плечико сзади. Если их ласкать и нежно кусать, то она начинает дрожать и сладко постанывать. Вот и сейчас тихие стоны бесконечной очередью срываются с ее губ. Ускоряюсь, жестко вбиваюсь в податливое тело, расположившись между гостеприимно распахнутых шикарных ножек. Опускаю руку к точке соединения наших тел, нахожу набухший от возбуждения клитор и начинаю мягкие, круговые движения. Хочу, чтобы Ника снова кончила на моем члене.

Не знаю почему, но для меня это важно, чтобы Ника испытывала оргазм каждый раз, когда я нахожусь в ней. Никогда не задумывался об удовольствии своих партнерш. Кончила — хорошо, нет — не моя проблема. А тут это прям пунктик! Особенно сейчас, ведь это ее первый раз (хотя, технически, уже второй) и она будет помнить его всю жизнь. Хочу, чтобы помнила, как ей было хорошо.

Нежно ласкаю клитор, слегка надавливая на него большим пальцем, продолжаю совершать сильные, глубокие с оттяжкой толчки и уже через несколько мгновений Нику подо мной выгибает дугой и она, царапая своими твердыми сосками мою грудь, протяжно стонет, закрыв глаза и переживая свой оргазм. Блять, как же красиво она кончает. Это круче любого порнофильма. Продолжаю двигаться внутри нее, продлевая ее удовольствие и подстегивая свое. И как только Ника открывает глаза и впивается в меня своим замутненным полученным удовольствием взглядом и меня накрывает. Встаю на колени, хватаю Нику за бедра, приподнимаю и жестко натягиваю на себя. Несколько рывков, грубых толчков и я, замерев в самой глубокой точке, кончаю. Снова в Нику. Снова внутрь.

Падаю на свою девочку, едва удерживая себя, чтобы не раздавить хрупкое тело.

Пытаюсь заново научиться дышать. Столько лет спорта за плечами, армия, марш-броски на двадцать километров в полной боевой экипировке, а тут дыхание сбилось и сердце выдает бешеный ритм.

Приподнимаюсь, целую Нику и выхожу из нее. Ложусь рядом, затягиваю молчаливую малышку полностью на себя, так как под ней мокро, а сил на то, чтобы менять сейчас постельное белье, у меня точно нет. Да и приятно это, вот так лежать с ней — тело к телу, кожа к коже, максимальный контакт. Накрываю нас обоих одеялом.

Блять, как же это охеренно круто!

Кажется, я счастлив...

Ника

Медленно прихожу в себя. Стараюсь дышать также тихо и ровно, чтобы не выдать своего пробуждения. Мне отчего-то страшно открывать глаза. Страшно увидеть Дамира после всего, что между нами было несколько часов назад.

После первого в моей жизни секс-марафона, а иначе как марафон я это назвать не могу, потому что мужчина мой оказался ну очень голодным до моего тела. Так вот после этого марафона я погрузилась в сладкую дрему. Несмотря на весьма ощутимое жжение в стратегически важном месте, чувствовала себя прекрасно. Словно в меня вкачали ударную дозу гормона счастья. Дамир уложил меня на своей груди, нежно поглаживал и что-то шептал. Спустя некоторое время я проснулась, потому как между ног было очень мокро. Сперма Дамира стекала по бедрам и щекотала кожу. Постаралась аккуратно сползти с мощного тела, чтобы по-тихому сбежать в душ, но меня тут же прижали крепче. Проямлив что-то про “душ” и “помыться”, попыталась объяснить сонному парню причины почему мне, цитирую “не лежитя спокойно”. После приведения мной всех, весомых на мой взгляд, аргументов, со словами: “В душ — так в душ!”, меня подхватили на руки и утащили в ванную.

Там меня нежно помыли, прикасаясь крайне трепетно, словно я хрустальная, довели своими шаловливыми руками и поцелуями до еще одного крышесносного оргазма, снова помыли и вернули в кровать.

Дамир лег со мной рядом, прижал к себе, смачно поцеловав в шею, и я вырубилась в крепких объятиях своего мужчины. Просто отключилась и все.

И вот он момент моего пробуждения. Воспоминания, конечно, сладкие и приятные, но реальность немного пугает.

Что сказать Дамиру?

Как себя вести теперь, после всего?

А вдруг ему не понравилось?

А что если он сейчас попросит меня уйти?

Черт! От этих вопросов голова гудит. Надо просто открыть глаза. Вдруг он еще спит и мне удастся улизнуть в ванную и хоть немного привести себя и свои мысли в порядок.

Вдох-выдох, вдох-выдох... Открываю глаза и осматриваюсь. В спальне я одна. Это даже лучше. Наверное... И все же легкое разочарование поселяется в душе. Наверное, как и любая девушка, только что лишившаяся девственности, я мечтала проснуться в объятиях своего мужчины и хоть немного понежится с ним в постели, поболтать, обсудить то, что произошло... И мне тоже всего этого хочется. А главное, услышать от Дамира, что ему понравился секс со мной, что он хочет еще... Но его нет ни в постели, ни в комнате... Где он? Не мог же он сбежать из собственной квартиры. Неужели все было настолько плохо, что он ушел?

Откинув грустные мысли и решив себя не накручивать, выбираюсь из кровати и иду в ванную. Вода — вот, что мне сейчас поможет.

Стоя под теплыми струями, словно под тропическим дождем, прикрываю глаза и в памяти проносятся картинки того, что со мной тут вытворял Дамир. Порочные, очень порочные картинки. Торможу себя, стараясь не углубляться в воспоминания, так как пока не

имею никакого представления о том, что будет дальше. Заканчиваю мыться, выбираюсь из душевой кабины, вытираюсь, чищу зубы и возвращаюсь в спальню. Одежда, что была на мне, но в порыве похоти и желания была разбросана по всей спальне, теперь аккуратно висит на компьютерном кресле. Одеваюсь, закручиваю мокрые волосы узлом. Возле двери делаю еще пару глубоких вдохов и, наконец, выхожу из спальни.

В гостиной пусто, но по квартире разносится запах еды и я понимаю, что Дамир дома, никуда не ушел.

Тихо, едва дыша, иду на кухню и останавливаюсь в дверном проеме. Дамир стоит спиной ко мне, что-то ищет в холодильнике. Стою, молча люблюсь. На нем сейчас только свободные спортивные штаны, которые спущены чуть ниже поясицы, и все! Ни майки, ни футболки на нем нет. Вся его спина — это сплошные мышцы. Восхищаюсь его силой и мощью. Восхищаюсь красотой. Его смуглая кожа сводит с ума. Кончики пальцев аж зудят от того, как хочется к нему прикоснуться...

— И долго ты там будешь стоять? — из моих мыслей меня выдергивает чуть хриплый голос парня.

— Я... Эмм... — поворачивается и смотрит на меня, сложив руки под грудью. Его губы трогает едва заметная улыбка. Может, не все так плохо, как я себя накрутила?

— Ну так и? Может, подойдешь уже?

— А надо?

— А разве нет? — приподнимает бровь, одаривая меня скептическим взглядом.

— За... зачем? — Боже, я не только мямлю, но еще и заикаюсь. Опускаю глаза и старательно рассматриваю рисунок на напольном покрытии. Красивый такой...

— Ник, ты серьезно? — кажется, начинает злиться. — На меня посмотри, — строго. Смотрю на него, но стараюсь избегать его глаз. Боюсь того, что могу в них увидеть. Хотя чего уж там, я ведь понимаю в кого влюбилась. Понимаю, что скорее всего я “одна из...”, а не единственная. И при всем при этом я сознательно пошла на этот шаг. — В глаза, Ника! — подчиняюсь. — А теперь подойди ко мне.

И я иду. Снова словно под гипнозом каким-то шагаю вперед. Может, Дамир владеет какими-то техниками нейролингвистического программирования или что-то в этом роде? Потому что уже не в первый раз замечаю, что подчиняюсь ему. Безусловно. Интуитивно. На уровне рефлексов.

— Ближе, Зеленоглазка, — голос Дамира становится более низким, бархатным, с приятной хрипотцой, что отзывается во мне томным желанием. — Еще ближе...

Как только подхожу вплотную, крепкие руки хватают меня и прижимают к сильному телу. Не сопротивляюсь. Сама наслаждаюсь близостью. Позволяю себе обнять Дамира, глажу его, вдыхаю его запах, пока сам Дамир прижимается губами к моей шее и оставляет на ней несколько влажных поцелуев, от которых мои ноги подкашиваются.

— Ну, привет, Зеленоглазка! — поцелуй в шею.

— Привет, — шепчу в ответ.

— Как себя чувствуешь? Все нормально? — в голосе слышна забота. И снова поцелуй между вопросами.

— Да.

— Точно? — поцелуй в ключицу.

— Да.

— А чего тогда мялась на пороге? — отрывается от своего занятия, смотрит на меня с

легким упреком.

— Ничего... просто... я...

— Ника, говори как есть. Что беспокоит? Выкладывай, — давит своей аурой и я сдаюсь. Прячу лицо за своими ладонями, упираюсь в его грудь и признание само собой срывается с губ:

— Страшно... — шепчу едва слышно. Кажется, что и не дышу вовсе. Вот сейчас он посмеется надо мной, наивной и глупой девчонкой, что вообразила себя лучшей из всех его бывших партнеров, и я вообще со стыда сгорю. Но, вопреки моим опасениям, Дамир напрягается, его тело становится каменным, хватка жестче.

— Почему страшно? Чего боишься? — также тихо интересуется и после небольшой паузы добавляет: — Или кого?

Молчу. Не знаю, хватит ли смелости сказать.

— Меня? Ты боишься меня? — спрашивает Дамир и отпускает меня. Отходит на шаг и мне сразу не по себе становится.

— Нет-нет! Что ты! — спешу заверить его. — Не тебя, а...

— А чего тогда, Ник? — снова приближается, берет мои холодные ладони в свои руки, тем самым давая поддержку. Смотрит в глаза и ждет моего ответа. И я решаюсь. Как говорит Кот: “с места в карьер”.

— Твоей реакции. Я боюсь твоей реакции. Просто проснулась, а тебя нет, — тараторю. Стараюсь успеть сказать все, пока неожиданный приступ смелости не закончился. — Страшно было, что я не понравилась, что не понравилось тебе со мной. Что сейчас выйду, а ты будешь чужим и холодным. — С каждым произнесенным мной словом взгляд Дамира становился все более опарашенным. — Боялась, что прогонишь, получив свое... Что стану не нужна... — последнее почти беззвучно проговариваю.

Но Дамир будто по губам читает, понимает каждое слово. Тишина... Глаза в глаза. Оба молчим. Слышно только наше дыхание. Сколько так проходит времени — минута, две, час... Неважно. Потому что потом Дамир срывается. Он хватает меня за талию и буквально закидывает на кухонный стол. Вклинивается между моими разведенными ногами и набрасывается на мой рот. Целует так жестко, порочно, агрессивно. Словно злится и за что-то наказывает меня. Его руки хаотично блуждают по моему телу, то поглаживая, то пощипывая. Затем и вовсе проникают под футболку, под которой у меня нет лифчика, и начинают мять грудь. Дамир урчит как огромной котяра, покрывая все мое лицо поцелуями, а затем внезапно прикусывает подбородок, привлекая мое внимание.

— Ты серьезно думала, что я выставлю тебя за дверь после всего, а, Ник? — рычит, едва сдерживается. — Ты, блядь, серьезно? После всего, что я тебе говорил? После того, как трахал и кончал в тебя? — распахиваю опарашенно глаза от его столь грубых слов. Но вот незадача, почему-то именно эти откровенные пошлые, грубые слова отдают сладкими импульсами мне между ног. Боже, я испорченная... А Дамир тем временем продолжает на меня рычать, периодически срываясь на крик. — Да, Ника! Да! Я! Кончал! В ТЕБЯ Намеренно! Специально! И нехер сейчас хлопать ресничками. Я тебя пометил! Ты МОЯ! Это ясно? Или мне в тысячный раз повторить придется?

У меня явно отсутствует базовый инстинкт самосохранения, потому что объяснить то, что я делаю в следующее мгновение, никак иначе нельзя. Ведь, по сути, я не то, что в клетку к тигру вхожу. Я в эту клетку врываюсь, вынося дверь с пинка.

Резко наклоняюсь и, глядя в глаза Дамиру, кусаю его за нижнюю губу. В ответ получаю

предупреждение в виде гортанного рыка.

— Ты что творишь? Ты же сейчас напрочишься.

— Ну, я же твоя. Имею право напрашиваться, — с вызовом заявляю я и снова кусаю.

Только теперь дополнительно провожу по месту укуса языком, слизывая капельку крови.

— Ведьма кровожадная! — ухмыляется, облизывая свою губу.

— Ты же сам говорил недавно, что я пролила твою кровь, ты прольешь мою. Мою ты... хм... уже пролил... — смущаюсь, заливаясь краской. Смелость покидает меня также внезапно, как и появилась.

— Ага, — тянет довольно, — было дело! Было... Я бы повторил... — запускает свою руку мне в штаны. Точнее пытается... — Блядь, снова тут узлов навязала! Все, нахер одежду! Будешь ходить голой по дому!

— Вот еще! — возмущаюсь.

— Не беси меня! — отходит от меня к столу напротив и выхватывает из выдвижного ящика огромный нож. Я не успеваю испугаться, как Дамир шустро перерезает ножом шнурок на штанах, они тут же сползают мне на попу и место штанов занимают горячие мужские ладони. — Так-то лучше, — довольно заключает этот нахал, сдвигает меня ближе к краю стола, прижимая к себе так, что его твердый член упирается мне между ног, и набрасывается на мои губы с очередным захватническим поцелуем.

Ника

Выходные в обществе Дамира пролетели совершенно незаметно. Мы общались, смотрели фильмы, дурачились, смеялись и много, очень много целовались. Все наши взаимные ласки ограничивались лишь объятиями и поцелуями, потому что как только дело принимало опасный поворот и все могло перерасти в нечто более откровенное, Дамир все тут же прекращал. Пару раз даже сбегал от меня в ванную. А мне-то хотелось большего, хотелось снова ощутить его в себе. Я уже начала волноваться и снова накручивала себя, что ему со мной не понравилось и он больше меня не хочет. Но мне в очень конкретной форме объяснили, что в ближайшую неделю мне ничего не светит, так как у меня там все должно зажить. Если сказать проще, то Дамир на меня просто наорал и пристыдил, обвинив в том, что я над ним издеваюсь. Каким образом? А потому что, с его слов, я слишком соблазнительная и испытываю его выдержку и самообладание. Для достоверности своих слов, он, не стесняясь, продемонстрировал мне все свое внушительное твердое достоинство. Что ж, весомый аргумент. И вот тут меня отпустили все сомнения.

Сегодня уже воскресенье, завтра с утра на учебу. А до меня вдруг доходит, что у меня ни одежды, ни белья, ни учебников с собой нет. Вся моя одежда — это тот самый кожаный мини-комбез, в котором Дамир забрал меня из клуба и который спрятал где-то в своем шкафу “до лучших времен”.

— Дамир?

— М? — поворачивается ко мне, отрываясь от просмотра фильма на большом экране. Это уже второй фильм из трех, что мы собирались сегодня посмотреть, устроив своего рода нон-стоп, не выходя из дома. — Ник?

— А? — шустро перевожу взгляд в глаза, так как засмотрелась на губы Дамира.

Он сидит на диване, облокотившись на спинку и вытянув ноги на пуф. Я сижу у него на коленях, прижимаюсь к его сильной груди. А сейчас, когда он смотрит на меня, его губы так близко и мне хочется не разговаривать, а целоваться. Вновь и вновь ощущать вкус его губ и языка. Боже, о чем я только думаю?! Я же хотела у него спросить... Кстати, а что я хотела спросить?

— Поцелуешь меня? — выдаю неожиданно не только для себя, но и для Дамира.

— Еще спрашиваешь! — резко разворачивает меня и вынуждает оседлать его бедра. Схватив одной рукой меня за затылок, собрав при этом волосы в кулак, притягивает к своему лицу максимально близко. Так, что я чувствую его горячее, влажное дыхание на своих губах. — Хочу твой рот! — наконец-то целует, а я голову теряю, тону в этом сладком мареве и не желаю выбираться. Обнимаю Дамира и с не меньшей страстью отвечаю на его поцелуй.

— Я вспомнила, что хотела сказать, — говорю, едва прекращается поцелуй.

— И что же? — лукаво спрашивает Дамир, параллельно сжимая и разжимая мою попку, словно игрушку антистресс. Аж глаза от удовольствия прикрывает. — Что? Это массаж вообще-то! Причем, очень полезный, — поспешно объясняет свои действия, когда я пытаюсь скинуть его руки, чтобы не отвлекался от разговора.

— И чем же полезен такой массаж?

— Мальщ, твоя пока безусловно огонь! — подстраховывается этот соблазнитель, обладая просто бешеной чуйкой. Потому что я уже собираюсь устроить ему вынос мозга,

если он только заговорит про злосчастный целлюлит, которого у меня, слава Богу и всем Святым, нет. — Но! — делает многозначительную паузу, — разогнать кровь всегда полезно. Это я тебе как профессиональный спортсмен говорю.

— Ты — хитрый лис, а не спортсмен! — смеюсь.

— Ну, одно другому не мешает! — подмигивает. — Так о чем ты хотела спросить?

— А, да. Просто сегодня воскресенье и уже вечер...

— И? — напрягается.

— И завтра надо на пары в университет. Я учусь завтра с самого утра.

— По-прежнему не вижу проблемы.

— Мне нужно домой.

— Ты дома! — ого! А я и не знала. Это что за новости такие? Нет, конечно, Дамир еще в пятницу вечером после того неудачного, и это еще очень мягко говоря, похода в клуб говорил, чтобы я чувствовала здесь себя “дома”. Но я полагала, что это просто оборот речи такой, в немного странном исполнении.

— Что-то не припомню, когда согласилась на переезд к тебе! — хмыкаю.

— Это лишь вопрос времени. И его мы решим также быстро, как и вопрос с твоей девственностью, — чувствую, что заливаюсь краской от кончиков пальцев на ногах до самой макушки. А этот гад лыбится во все свои идеальные тридцать два!

— Сейчас я у ТЕБЯ дома. А мне нужно ко МНЕ домой. Сейчас мой дом, пусть и временный, — общежитие. Там все мои вещи. Мне нужно собраться на учебу. Дамир, ну, пожалуйста, отвези меня домой.

— Не хочу, чтобы ты уезжала, — с лица Дамира в один миг слетает вся веселость, голос меняется, утрачивая игривость. Он становится серьезным, словно готовится решить самую сложную задачу. — Я не хочу, понимаешь? Зеленоглазка, не уезжай, а? Ну круто же сидим... Вдвоем... Зачем тебе уезжать?... — каждая фраза чередуется с нежными поцелуями.

— Милый, я дома не была почти три дня, — глажу его, говорю нежно, стараясь немного смягчить ситуацию. Понимаю, что он не хочет меня отпускать, сама не особо хочу от него отрываться. Вернее, совсем не хочу. Но у меня вот-вот должны начаться месячные, а у меня с собой нет никаких средств женской гигиены. Оконфузится из-за этого перед парнем, с которым только начинаются отношения, мне совсем не хочется. — Мне очень нужно домой. Да и как я Коту объясню, где пропадаю столько времени и почему не звоню?

— Ника, ты дома! А с братом твоим я сам поговорю. И, вообще, я не понимаю, почему ты не можешь позвонить ему, находясь здесь?

— Мы разговариваем с ним по видеосвязи, в основном, потому что скучаем друг по другу очень. Мы никогда так надолго не расставались, — тоска по брату сжимает сердце. — И как я, по-твоему, объясню ему где я?

— У своего парня. Что в этом сложного? — прищуривается, — Или ты меня стесняешься и собираешься скрывать от брата наши отношения?

— О, Боже, Дамир, нет, конечно! — сокрушаюсь от того, что не получается ему объяснить, — понимаешь, мы с Костей очень близки. Он реально заменил мне обоих родителей. Он очень меня любит и дико переживает, что ему пришлось уехать, оставить меня здесь. Он и так пошел на уступки, позволив мне остаться и учиться в университете. А тут я сначала пропадаю на три дня, потом звоню из незнакомого места и говорю, что я у парня. Будет скандал! И тебе, мой дорогой, — щелкаю его по носу, — достанется больше меня! Поэтому, ему надо все сообщить аккуратно, чтобы его не бомбануло и он не забрал

меня в Прагу.

— Пусть попробует только! — говорит немного агрессивно. — Ты моя и ему придется с этим смириться.

— Дамир...

— Ладно, я тебя понял. Ты знаешь его лучше и тебе виднее. Сама решишь, когда ему сказать. Уговорила. Я отвезу тебя в общагу.

— Спасибо, — выдыхаю с облегчением.

— Но с одним условием.

— И каким же?

— Мы едем, вместе поднимаемся к тебе в комнату...

— Еще чего! — перебиваю. Он зажимает своей ладонью мой рот, не позволив закончить свою мысль.

— Вместе поднимаемся к тебе в комнату, ты собираешь все самое необходимое, что тебе пригодится в ближайшие пару-тройку дней, звонишь оттуда брату и мы возвращаемся домой. Вместе, Ника! Только так.

Сижу, смотрю на этого серьезного молодого мужчину и понять не могу: это он так сильно хочет, чтобы я переехала к нему, всегда была рядом, потому что испытывает ко мне сильные чувства? Или же ему просто хочется, чтобы объект его сексуального желания был в ближайšie дни под рукой? И то, и то, в принципе, неплохо. Но первый вариант мне все же нравится больше. Он вызывает нереальный трепет в душе и все тело затапливает нежным теплом.

Губы, все еще прикрытые ладонью Дамира, растягиваются в улыбке, щекоча его кожу на внутренней стороне. Киваю. Дамир убирает руку от моего рта.

— Уговорил, — с улыбкой соглашаюсь, наблюдая за тем, как глубокая складка между бровей Дамира разглаживается, придавая его лицу некую мягкость. — Соберу вещей на пару дней...

— Недель.

— Что?

— На пару недель, — повторяет Дамир, кивает в подтверждение того, что я не ослышалась. Берет мое лицо в ладони, нежно поглаживая большими пальцами мои щеки и губы. — Смотри, малыш, через две недели будут предварительные сборы перед началом Университетского чемпионата. Там будут проходить квалификационные отборы.

— И ты должен быть там...

— И я должен быть там, верно. Вот, что я предлагаю. Ты собираешь вещи, которые тебе понадобятся, перебираешься сюда. Если что-то нужно будет, то докупим или заедем в общагу. Я понимаю, ты волнуешься и переживаешь. И это нормально. Ты с парнем-то впервые ночевать осталась пару дней назад, а тут сразу переезд. Я понимаю, — успокаивающе поглаживает меня по спине, не отводя взгляда и буквально считывая каждую мою реакцию на свои слова. — Место за тобой там останется. Гарантирую. Но я хочу как можно больше времени проводить с тобой наедине. Спать с тобой хочу. Не спать с тобой хочу, — подмигивает, а я снова краснею. — Поверь, ты так или иначе будешь тусить здесь каждый вечер и ночь. Ну, не смогу я тебя в общагу отпускать, зная сколько пацанов за тобой ходят, пуская слюни на твою виляющую задницу.

— Не было такого! — возмущаюсь.

— Ой, да не звезды, малыш! Я все видел своими глазами. А замок на двери в вашу с

Авророй комнату выбьет даже первоклассник. И как ты предлагаешь мне сидеть здесь одному, зная, что ты там? — смотрит на меня, ожидая ответа. Я молчу. Потому что боюсь, что спугну свое счастье — он ведь ревнует! — Вот поэтому ты и будешь тут, дома, со мной. И когда я буду на сборах, мне будет спокойнее от того, что ты будешь тут в безопасности. Я не буду психовать и отвлекаться. Серый за тобой присмотрит. И никто не пострадает. Ты ведь не хочешь, чтобы кто-то пострадал в спарринге со мной? Ведь тогда это будет на твоей совести, — хитро смотрит на меня. Я же не выдерживаю и хохочу.

— Да ты манипулятор!

— Клевета!

— Ну-ну...

— Ну, так как тебе мой план?

Вот он, один из решающих моментов в наших зарождающихся отношениях. Я не ожидала, конечно, что Дамир предложит переехать к нему вот так сразу. Но, если уж быть совсем честной, то я счастлива. Это ведь хорошо, когда парень предлагает девушке жить вместе? Это ведь означает, что у них все “серьезно”? Ведь так?

Мне очень хочется согласиться. Вот прямо нестерпимо. Страшно, конечно, что все так быстро закрутилось. И мы не так, чтобы очень хорошо знаем друг друга. Но раньше ведь как-то жили, когда в паре познакомились только накануне бракосочетания. И ничего, жили десятилетиями душа в душу. Взять, например, бабуленьку и деда. Их родители разрешили им встретиться только за час до регистрации брака. До этого они не знали друг о друге ничего. Разве что только имена. Но, тем не менее, прожили много счастливых лет вместе. Так, может, и мне не стоит трусить?

— Ника, ты чего так загрузилась? Не хочешь так? — взволнованный голос Дамира врывается в мои мысли, возвращая к реальности.

— Хочу, — говорю едва слышно. От волнения голос совсем дрожит. Кажется, я делаю сейчас очень большой шаг в своей жизни. Удивительно, еще неделю назад у меня не было вообще никакой личной жизни, а сейчас я уже соглашаюсь съехаться с парнем.

— Хочешь? — с неверием переспрашивает Дамир.

— Хочу, — громче выдаю, постепенно расслабляясь. Потому как, чем я рискую? Ничем. Даже если в общежитии заберут мое койко-место, у меня есть квартира Кота, мой настоящий дом.

— Круто! — радуется Дамир и звонко целует меня. — Тогда погнали за вещами?

— Погнали!

На сборы уходит чуть больше трех часов. Авроры в комнате нет, но на холодильнике я замечаю записку от нее, где она пишет, что готовится к завтрашней защите лабораторной работы со своей напарницей, которая живет в нашем общежитии двумя этажами ниже. Звоню ей, вкратце объясняю ситуацию, умалчивая некоторые детали. За что подруга, естественно, берет с меня обещание, что расскажу все подробно, как только у меня появится возможность, начиная с ситуации в клубе.

Закончив разговор с Авророй, звоню Коту по видеосвязи. С ним говорим недолго, так как он едет на деловую встречу, но все же с удовольствием уделяет мне немного времени.

Попрощавшись с братом и пообещав, что позвоню ему завтра после пар, прибираю тот бардак, что развел Дамир, пытаюсь впихнуть все мои вещи без разбора. Он хоть и заверил меня, что пока он будет на сборах, Сергей поможет мне перевезти оставшиеся вещи, но сам все равно хотел взять максимум моих вещей уже сейчас. Скидал в чемодан все, что попало

ему под руку. Поэтому, я не удивлюсь, если обнаружу свою зубную щетку в сумке с нижним бельем и учебными тетрадями.

В половине девятого вечера воскресенья я переступаю порог квартиры Дамира со своими вещами. Волнительно все это. Стою у дверей и не решаюсь пройти дальше, пока Дамир суетится и заносит мою сумку и чемодан. Затем он разворачивается и со счастливой улыбкой заявляет:

— Добро пожаловать, Зеленоглазка! Чувствуй себя дома!

Ника

Не люблю переезды...

Не люблю ночевать вне дома... Даже в детстве, когда школьные подружки звали меня на свои пижамные вечеринки с ночевкой, я всегда просила Костю забрать меня домой. Чувствовала себя неуютно в чужой кровати.

Вот и сейчас, глядя на то, как Дамир стягивает покрывало с нашей уже кровати, дико волнуюсь. Пытаюсь взять себя в руки и успокоиться. В конце концов, я здесь провела уже не одну ночь и мне нравится спать в объятиях своего мужчины.

— Ты чего дрожишь?

— Да так, волнуюсь немного, — отвечаю Дамиру, отвлекаясь от своих мыслей. — Непривычно...

— Привыкай, малыш, — меня заключают в объятия и дарят нежный поцелуй. — Уже поздно, твои вещи разберем завтра. Ты пока достань то, что тебе пригодится с утра, а я сгоняю в душ. Или ты первая пойдешь?

— Нет, ты иди, — улыбаюсь. — Я и правда что-то разнервничалась. Нужно перевести дух.

— Не переживай, все будет хорошо, — успокаивает меня Дамир и отходит к шкафу, чтобы взять полотенце. — Ты волнуешься, это понятно. Все для тебя в новинку, да и развивается все... хм... стремительно, но! — оборачивается и одаривает меня самой искренней и счастливой улыбкой. Боже, я таю, как мороженка на июльском солнце! — Завтра тебе уже станет проще. А знаешь почему?

— Почему?

— Потому что ты разложишь все свои вещи по своим местам, возможно, захочешь что-то добавить в интерьер спальни и дома в целом, поставить какие-нибудь рамки с фотографиями или украшения. Я, кстати, тоже их закинул в твой чемодан. Те, что стояли на твоей прикроватной тумбе. Подумал, что они самые важные для тебя.

— О, неожиданно. Но спасибо, — благодарю. — Это и правда самые дорогие для меня безделушки. Это все подарки от родителей и Кота. Да и фото наши семейные. Мы видимся с ними редко совсем.

— Вот и отлично! Так что, когда ты поставишь их рядом с кроватью, тебе станет немного уютнее и ты, наконец, сможешь почувствовать себя неотъемлемой частью всего этого, — широко обводит комнату руками.

— Спасибо.

— Не за что, Зеленоглазка. Я рад, что мне удалось затащить тебя в свою, а нет, стоп, уже в нашу берлогу! — подмигивает, подходит ко мне вплотную. Я немного сдвигаюсь, так как загораживаю проем, думая, что он хочет выйти, но Дамир задерживается рядом со мной. Смотрит, не отводя взгляда. Долго, проникновенно. Я уже собираюсь что-то сказать, чтобы прервать эту звенящую тишину, как он вдруг тихо говорит, прижимаясь губами к моему виску: — Блядь, Ника, с ума меня сводишь. Хочу тебя до гребанного умопомрачения. Еле держусь, чтобы не сорваться и не трахнуть тебя.

— Зачем сдерживаешься? — хриплю в ответ. Голос совсем сел от нахлынувшего возбуждения.

— Не хочу делать тебе больно. А я сделаю, если доберусь до тебя. Не смогу удержаться.

— Не сделаешь, я тебе доверяю, — пытаюсь убедить его, так как у самой уже живот сводит от дикого желания. А упирающийся в меня твердый член не способствует тому, чтобы успокоиться.

— То, что ты мне доверяешь — это прекрасно, малыш, — нежно целует в макушку. — Я сам себе не доверяю. Поэтому, холодный душ мне в помощь. Не скучай! — чмокает меня в нос и сбегает в сторону ванной. Потом резко тормозит, разворачивается и с серьезным выражением лица выдает: — Хотя нет, скучай! Я хочу, чтобы ты по мне всегда скучала, когда меня нет рядом.

Понимаю, что он на полном серьезе ждет от меня ответ, так как все еще стоит у двери в ванную комнату и не сводит с меня взгляда.

— Хорошо, — киваю, — буду по тебе скучать, пока ты принимаешь душ. Уже начинаю, так что иди.

Дамир кивает, принимая мой ответ, и скрывается за дверью. Я остаюсь одна.

Достав из чемодана голубые джинсы-бойфренды, белые футболку и худи, принимаюсь за поиски учебников и тетрадей, что понадобятся завтра. Также достаю косметику и белье. Трachu на это минут тридцать, но Дамир так и не выходит из ванной. Пока подготавливала все на завтра, немного отвлеклась мыслями об учебе. Теперь же картинка обнаженного Дамира, стоящего под струями воды, с которого стекает белая пена сводит меня с ума. Возбуждение накатывает сильнейшей неконтролируемой волной. Чувствую, что трусики совсем намокли. В голове рождается желание присоединиться к Дамиру в душе в надежде, что он отпустит себя и наконец-то между нами случится близость, которую мы оба так жаждем.

Прислушиваюсь к своему телу, в особенности к той его части, что “пострадала” в процессе лишения девственности. Боли и неприятных ощущений нет. Для верности даже пару раз мышцы напрягаю. Но, получив тот же результат, шустро скидываю с себя всю одежду.

Не давая себе возможности передумать, смело шагаю в ванную. Отворив дверь, бесшумно пробираюсь ближе к кабине. На мгновение застываю, люблюсь силуэтом шикарного мужчины, находящегося за запотевшим стеклом. Тянусь к двери в душевую кабину, тихо открываю ее дрожащей рукой. Очень надеюсь, что шум воды перекрывает все звуки. Отчего-то мне кажется, что если Дамир меня услышит, то мой план по его соблазнению провалится с треском.

Кажется, удача на моей стороне, потому как мой любимый красавец стоит ко мне спиной, упираясь лбом в кафель, расставив мощные ладони по обе стороны от головы. По сильным плечам хлещет вода, стекая по спине. А у меня мурашки по коже от его красоты и затопившего мне желания. Забираюсь в кабину, оставив дверь открытой, чтобы не создавать лишнего шума. Прижимаюсь грудью к его спине, обнимаю, сцепив руки в замок на его животе. Оставляю пару нежных поцелуев между лопаток.

— Я уж думал, что ты так и не решишься войти, — говорит Дамир, так и не поворачиваясь, лишь немного убавляя напор воды и делая ее чуть теплее. — Думал, сбежишь, когда ты застыла у открытой двери.

— Я любовалась, — отвечаю и снова целую его спину. Боже, как же невероятно вкусно он пахнет.

— И как? Понравилось?

— Ты даже не представляешь насколько сильно понравилось.

— Расскажешь? — наконец, поворачивается ко мне, подхватывает меня под попку, прижимает к стене. — А лучше покажи...

Это последнее, что я слышу, потому что дальше Дамир набрасывается на мои губы, втягивает, покусывает и всасывает их. Целует так, что если бы я стояла на своих ногах, то точно не удержалась бы, скатилась бы по стене к его ногам. Его язык у меня во рту непрерывно ласкает мой собственный. Вкусно... Чувствую будто пьянею от его вкуса. Жадно отвечаю на каждую ласку, каждое движение. Обнимаю его за плечи, закидывая ноги ему на поясницу и скрещиваю их за его спиной. Впечатываюсь в него всем своим телом, но, кажется, что и этого мне мало. Хочу его всего! Хочу его в себя! Я на пределе. Сил нет сдерживаться.

— Дамииир, — с губ срывается хриплый стон, — пожалуйста... Я хочу... Очень хочу! Пожалуйста...

— Малыш, ну, нельзя же. Тебе будет больно.

Сопротивляется, но заметно, что уже из последних сил. Выдержка трещит по швам. Надо лишь немного отвлечь его от его опасений. Сделать это можно только если его возбуждение вывести просто на нереальный уровень. И я решаюсь.

— Дамир, — хватаю его лицо в свои ладони, привлекая все его внимание к себе. В его взгляде столько порока и похоти. — Я хочу тебя, милый. Я хочу, чтобы ты вошел в меня, хочу чувствовать твой член, — Боже, никогда в жизни не говорила таких пошлостей, но как бы мне не было стыдно, желание и реакция Дамира перебарывают любое мое смущение и заставляют меня продолжать, прижавшись губами к его уху: — Хочу, чтобы ты трахал меня на всю длину. Не останавливаясь, вбивался в меня, пока я не начну кричать от удовольствия, срывая голос. Мечтаю снова и снова кончать с твоим членом внутри меня.

— Ну, все, зараза ты мелкая! — рычит Дамир, кусает меня у основания шеи и, так и не разжимая зубов, входит в мое истекающее лоно одним мощным толчком.

— О, дааааа...

— С... ума... меня... сводишь... — ругается Дамир в перерывах между сильными толчками, — хотел... же... нормально... все... сделать... подождать... но нет...

— Еще, пожалуйста, — стону в голос, не обращая внимания на его ругань.

— Да легко! Я теперь тебя затрахаю! Ты сама выдала мне этот карт-бланш.

Каждое движение, каждый толчок приводит мое тело в неопишуемый восторг. Это в миллиарды раз лучше, чем было впервые. Я даже не представляла, что может быть так приятно. Пальчики на ногах поджимаются от каждого импульса удовольствия, что бьют прямо внутрь меня. Туда, куда упирается головка члена Дамира. Он с самого начала взял просто бешеный темп, поднимая уровень моего наслаждения до невероятных высот. Не представляю, что сейчас ощущает Дамир, но у меня чувство, что меня плотно натягивают на что-то нереально твердое и горячее.

— Блядь! Блядь! Блядь! — шипит Дамир, — как же хорошо в тебе! Ты такая тугая, малыш. Мммм, я сейчас сдохну от удовольствия. Давай, маленькая, покричи для меня, — опускает одну руку вниз и начинает стимулировать мой набухший клитор, — кончи для меня, — хрипит мне в ухо, больно прикусывая мочку, не прекращая диких и жестких толчков.

Голос Дамира, каждое его действие, каждое прикосновение приводят меня в восторг, доводя до предела. И только он замолкает, как я тут же взрываюсь ошеломительным

оргазмом, исполняя его приказ. В ушах продолжают звенеть фразы “кончи для меня”... “покричи для меня”... Они срабатывают словно триггер. И я, не успев отойти от первого оргазма, сходу срываюсь во второй, такой же сильный. Кричу, срывая голос. Впиваюсь ногтями в плечи Дамира, двигаясь навстречу его грубым толчкам, стараясь насаживаться еще глубже. Он не прекращает вбиваться в меня, что-то рычит, хрипит и матерится. Но я качаюсь на волнах моего удовольствия, стараясь не мешать ему получить свое.

— Сожми... Малыш, сожми меня сильнее, — просит Дамир. Выполняю чисто интуитивно, напрягаю внутренние мышцы, стараясь сжимать ими член максимально сильно. Затем разжимаю. Повторяю эти действия снова и снова и, видимо, делаю все правильно, потому что спустя пару мгновений слышу низкий утробный рык, — бляяаяаядь... Да-да-да, ссукаааа... Мммм...

В самой глубине моего тела словно шар с горячей жидкостью лопается. Ощущаю, как упругие струи спермы бьют по самым чувствительным точкам внутри и меня снова накрывает. Дамир продолжает насаживать меня на свой член, продлевая наше с ним общее удовольствие. Затем темп постепенно замедляется, пока Дамир полностью не останавливается. Молчим. Стараемся заново научиться дышать.

— Ты невероятная, Ник, — тихо говорит Дамир, оставляя нежные поцелуи на моей шее. Выходит из меня, аккуратно ставит на пол душевой, подцепляет пальцами мой подбородок, вынуждая посмотреть в глаза. — Не больно? — обеспокоенно.

— Нет, — отвечаю честно. — Мне очень хорошо, — улыбаюсь и прижимаюсь к нему всем телом. Дамир обнимает в ответ.

— Черт, я от тебя голову теряю. Опять не удержался и кончил в тебя. Но, Ник, если...

— Все нормально, — перебиваю, пока не ляпнул что-нибудь из того, что может испортить момент. — У меня безопасные дни.

— Ок, — кивает Дамир, — как скажешь. Давай мыться, а то если ты так и продолжишь прижиматься ко мне, то рискуешь быть снова оттраханной.

— Хм... Напугал... — смотрю на Дамира и хитро улыбаюсь. — А, может, я этого и добиваюсь?

— Да ты, я смотрю, вошла во вкус! — смеется, — Твое желание для меня закон, малыш. Вот только второй и последующие раунды у нас с тобой сегодня в кровати. Поэтому живо мыться и бегом в кровать встречать меня с широко разведенными ножками!

— Слушаюсь и повинуюсь! — ополаскиваюсь буквально за пару минут и сбегую в спальню, получив шлепок по попке “для ускорения”.

В спальне выполняю все в точности, как велел Дамир. Абсолютно обнаженная ложусь на кровать, сгибаю ноги в коленях и развожу их максимально широко. Причем, принимаю это положение прямо напротив двери ванной комнаты. Сердце грохочет в ушах, заглушая все посторонние звуки. Пульс зашкаливает от возбуждения и предвкушения. Боже, что за развратная сущность в меня вселилась!

Спустя несколько коротких минут дверь, наконец, открывается. В проеме появляется Дамир. Из одежды на нем лишь полотенце, повязанное вокруг его бедер.

— Вот это видок, Зеленоглазка!

Дамир

Совместное проживание с Никой оказалось сплошным удовольствием. Никогда не думал, что мне будет настолько комфортно жить с кем-то, кроме брата. Кстати, о нем. За всю неделю он так и не появился. Как только свалил тогда из моей квартиры, когда мы с Никой впервые... Ох, от одних только сладких воспоминаний член встает колом и болезненно упирается в ширинку. Но сейчас переживания за брата перевешивают все приятные ощущения от ночи, проведенной в объятиях моей нежной девочки.

Проснувшись сегодня утром, до меня вдруг резко дошло, что до моего отъезда на сборы осталось всего несколько дней и мне бы стоит уже задуматься о том, как тут Ника останется без меня. А точнее, у меня уже все было продумано. Серый за ней по-любому присмотрит, но для начала надо бы с ним пересечься и все обсудить, но трубки он берет и на сообщения не отвечает. Встал тихо, стараясь не потревожить мирно спящую Нику, принял душ, оделся, вышел из квартиры и прыгнул в машину.

Проезжаю мимо спортзала, поглядывая на парковку в надежде увидеть там тачку Серого. Но ни машины брата, ни дяди там нет. Двигаюсь в сторону родительского дома. Вспоминаю, что не предупредил Нику, что у меня с утра наметились дела. Сегодня воскресенье и мы собирались пойти погулять в парке. Достаяю телефон, пишу смс:

Дамир: “Доброе утро, моя спящая Красавица. Уехал к Серому, чтобы узнать как у него дела, он не отвечает на звонки. Через пару часов буду дома. Жди меня. Желательно в кровати и абсолютно обнаженная...”

Зеленоглазка: “Привет, милый. Проснулась только что, а тебя нет((только взялась за телефон набрать тебя, а тут сообщение. Кстати, тебе что ночью не хватило моего обнаженного тела?)))”

Дамир: “Неа, мне всегда тебя мало! Хочу тебя, аж член в штанах дымится!”

Зеленоглазка: “Ну и пошляк же ты))”

Дамир: “Уж какой есть.”

Зеленоглазка: “Да, какой есть. Самый лучший!))”

Дамир: “Мальш, продолжишь в том же духе, разверну тачку и помчусь домой, застаю тебя в кровати еще совсем тепленькой и разомлевшей после сна... Ты такая сладкая...”

Зеленоглазка: “Дамир, прекрати))) Ты меня дико смущаешь!”

Дамир: “Поздно смущаться, мальш. Я уже не только все видел, но попробовал тебя всю на вкус... Буквально прошлой ночью...”

Зеленоглазка: “Ааааа, ты сводишь меня с ума! Все, прекращай.”

Зеленоглазка: “Ты едешь к Сереже на квартиру?”

Дамир: “Не, его там нет, заезжал. К родителям еду. Он однозначно там. Ну все, мальш, уже приехал. До встречи.”

Зеленоглазка: “Жду)) Сереже привет)”

Дамир: “ОК”

Паркуюсь около родительского особняка, выхожу из машины. По пути к дому здороваюсь с охраной. Глянув в сторону открытого гаража, понимаю, что дома не только отец и мама, но и Серый — его тачка тут.

— Сынок! — мама радостно встречает, едва успеваю открыть дверь в дом. — А я из

окна заметила твою машину. Ох, как же рада тебя видеть. Совсем пропал, не заезжаешь. У тебя все хорошо? Ты не болеешь? Хорошо кушаешь? — засыпает вопросами, а я обнимаю ее и улыбаюсь. Соскучился.

— Привет, мам.

— Здравствуй, — тепло улыбается мне мама и поглаживает рукой по щеке, возвращая на мгновение меня в детство.

— Отец дома?

— Да, они с Сережей в кабинете общаются, — чувствую, что мама немного напрягается.

— Что-то случилось? Серый давно приехал?

— Пару дней назад, — мама внезапно всхлипывает и по ее щекам бегут слезы. — Ох, Дамир...

— Мам, ты чего плачешь-то?

— Ты иди, иди к ним, сынок. Отец хотел тебе сам звонить после обеда и пригласить к нам. Ты знаешь, мне кажется, что у Сереженьки неприятности, но эти два упертых лба отказываются мне что-либо рассказывать.

— Мамуль, я тебе больше скажу, — крепко обнимаю. Она у меня миниатюрная и легкая как пушинка. Прямо как моя Ника. — Теперь этих упертых лбов трое. Даже если у мелкого засранца неприятности — разрулим! — твердо заявляю, подмигиваю и ухожу в сторону кабинета под тихие мамины возмущения о том, что наградил же ее Бог такими упрямыми мужем и сыновьями.

Подойдя к кабинету, стучу в дверь. Эта привычка заложена с раннего детства. Родители всегда приучали нас с братом к тому, что личные границы нужно уважать. Они всегда стучались в двери наших комнат, несмотря на то, что мы были еще мелкими шалопаями. Но и мы с Серым неизменно следовали этому правилу.

— Войдите, — слышу грозный голос отца за дверью. Вхожу. — А, это ты, сын! — отец встает со своего кресла и выходит из-за массивного рабочего стола. Подходит ко мне, пожимает руку и по-отечески обнимает. — Ну, здравствуй, Дамир, здравствуй, сынок.

— Привет, пап. Как дела? — смотрю в хмурое лицо отца и понимаю, что дела-то, собственно, не очень. А уж когда ко мне лицом, наконец, поворачивается, Серега, что до этого момента сидел спиной ко входу и упорно пялился в окно, я убеждаюсь окончательно в том, что произошел какой-то глобальный пиздец. — Оп-па! И кто это тебя так разукрасил, брат?

Я, если честно, в шоке! Нет, не так, я в ахуе от открывшейся мне картины. На лице брата нет ни одного живого места, просто заплывшее месиво. Правая рука в гипсе от пальцев до локтя, на левой гипс наложен лишь на два пальца. Блять! Урою того, кто это сделал.

Подхожу к нему, сажусь на стул напротив.

— Говорить-то можешь? — молча кивает. — Кто это сделал? Опять чей-то рогатый муж?

— Нет, — хрипит и говорит совсем тихо. Заметно, что ему трудно и больно шевелить челюстями. — С этим видом развлечений я завязал, — хмыкает и резко жмурится от боли, слизывая выступившую на губе каплю крови.

— Тогда объяснишь, может, в какое дерьмо ты вляпался?

— Это не дерьмо! — дерзит, засранец! — Я девушку защищал, — добавляет чуть тише.

— Охуеть просто! — взмахиваю руками и подрываюсь с кресла. — Это что там за телка такая, что тебя так отметелили?

— Нехер ее так называть! — брат также как и я резко поднимается с кресла, на котором сидел, и подлетает ко мне. — Тебе напомнить, как ты Нику защищал в клубе? Что, забыл уже, в какой ярости был тогда?

— Но тогда Я отмудохал того утырка, а тут отмудохали ТЕБЯ!

— Так совпало, — опускает взгляд и отходит, снова падает в кресло.

Блядь, смотрю на него и охреневаю. Как так получилось, что какие-то отморозки так отходили моего брата?! Почему он не позвал меня? Всегда ведь так было. Что он скрывает? Кто были те уроды? Или кто та девушка?

— Колись давай, — усаживаюсь рядом.

— Проехали.

— Нет, блядь, мы не проехали, Серый! Я хочу знать, что за уроды превратили твое лицо в фарш, а ты сейчас сидишь и мнешься, не рассказывая о них. Серый, — чуть понижаю голос и кладу руку на его плечо, — брат, ты же знаешь, что вместе разрулим все. Просто расскажи, что произошло.

Сергеа смотрит на меня и молчит. Долго молчит. Я успеваю прокрутить в голове цепочки вероятных событий и проблем, что последуют за ними. Отец сидит в своем кресле и тоже молчит, позволяя нам поговорить. Видимо, сам еще не до конца в курсе всего.

— Да я сам виноват, — напряженную тишину нарушает Серый. — Был не в том месте, не в то время, влюбился не в ту девушку...

— И кто же она, если “не та”?

— Дочь прокурора местного.

— И? В чем проблема-то?

— В том, что папаша ее против меня. Видите ли, его лучший друг носит рога, а я являюсь первопричиной их появления. Ну, он наплел все это дочери, она на меня обиделась, трубки не брала. Динамила меня почти неделю. А потом через ее сториз я узнал, что она в клуб поперлась со своими подружками-блядьми. Вырядились так, словно в смену ночную заступают. И не в какой-то мажористый, а, блядь, в самый отстойник в жопе мира, — брат в бешенстве, а мы с отцом слушаем его и не перебиваем, чтобы он не замолчал и не закрылся в себе. Нам нужно узнать все как можно подробнее, чтобы понять с кем имеем дело. — Ну и я, конечно, рванул за ней. Приехал туда, а там к ней и ее подругам уже толпа каких-то обдолбышей подседа. Я к ним. Она вгашенная уже была. Походу, уроды эти подсыпали в напитки что-то. Увидев меня, скандал закатила, мол я урод и бабник, трахаю все, что движется без разбора.

— Ну, пока все по факту, — отец пытается разрядить обстановку.

— Да, так раньше было. До нее... — Сергеа замолкает.

— А что дальше-то было? — спрашиваю.

— А дальше эти утырки захотели типа за девочек заступиться, давай махать, ножи достали. Ну я и уложил их. Моя тут же ко мне прижалась, поняла, что едва не попала жестко. Забрал ее и мы вышли из гадюшника этого. Уже по пути на парковку навстречу вышли трое амбалов. Сразу понял, что эти конкретно по мою душу. Сзади подошли еще двое. Один от меня Лерку оторвал, второй молча ударил в лицо. Дальше месево и вот результат. Ко-нец.

— Нихера не конец. Я так и не понял, что за амбалы.

— Да папаша Леркин прислал их. Охрана, видимо. Она их узнала и по имени называла кричала и просила, чтобы оставили меня, пока те меня в асфальт вколачивали.

— Пиздец, — обреченно заявляю и иду к отцовскому бару, наливаю в два стакана

вискарь, подаю один стакан Серому. — Это когда было? Какого хера мне не позвонил и не рассказал, что за девчонкой своей поехал? Я бы подстраховал.

— Не хотел вам с Никой мешать.

— Ты debil? Что значит мешать? Неужели ты думаешь, что я не помог бы тебе? — меня взрывает от возмущения.

— Наоборот! — спокойно отвечает брат, — точно знаю, что помог бы. Потому и не позвал. Не хотел, чтобы еще и у тебя с твоей девушкой проблемы были.

— У тебя есть девушка? — удивляется отец.

— Да, пап, есть, — отвечаю отцу и снова поворачиваюсь к брату, — ты стрелы-то не переводил! С темы не соскакивай. Что делать дальше будешь?

— Пока не знаю.

— А девушка что? Лера, да? — уточняю.

— Лера, ага. Она под домашним арестом пока. Нет связи с ней. Она только сообщение успела мне скинуть, что ее домой привезли и она в порядке. А дальше тишина. У нее телефон отобрали и теперь она “абонент не абонент”, — брат залпом выпивает виски.

— Так, дети, а пойдете-ка к столу, — отец встает и, помогая брату встать, выходит из кабинета вместе с ним, — нечего алкоголь на голодный желудок глушить. Да и мама там расстаралась, вкусный обед приготовила. Идем, Дамир.

— Идем, — двигаю следом за ними. — Серый?

— М?

— Все норм будет. Прорвемся!

— Ага, — улыбается.

Ника

Уже неделю хожу без настроения, нервничаю и совсем не контролирую свои эмоции. Даже с Авророй умудрилась поругаться из-за мелочи какой-то. Я и вспомнить не могу из-за чего. Помню только, что было очень обидно, а потом стыдно за то, что сорвалась на подруге. Потом долго плакала у нее на плече, а она меня еще и успокаивала. А все почему? А потому что нечего настолько сильно привязываться к человеку и зависеть от его присутствия рядом.

Дамир уехал на сборы десять дней назад. Первый день я держалась молодцом. Убралась в его квартире, приготовила себе еды на пару дней, поговорила с братом, попереписывалась с Дамиром и день закончился. Когда я легла в нашу кровать, уже в тот момент почувствовала острую нехватку парня рядом. За несколько недель, что мы жили вместе, я настолько привыкла засыпать в его объятиях, что в тот момент захотелось волком выть от одиночества. Снова набрала Дамира. Он разговаривал со мной тихо и нежно до тех пор, пока я не заснула.

Следующий день показался еще тяжелее предыдущего. Я одиноко бродила из комнаты в комнату и никак не могла придумать чем же мне заняться. Решила не тратить время в пустую и подготовиться к контрольной. Впереди зачетная неделя и, поразмыслив, что именно сейчас я смогу как никогда сосредоточиться на учебе, принялась зубрить материал.

Дальше началась насыщенная учебная неделя. Но с каждым последующим днем я чувствовала себя все хуже и хуже. Ходила сама не своя, словно сомнамбула, ничего и никого вокруг не замечая. В один из вечеров так сильно разревелась от тоски по любимому, что не могла успокоиться больше часа. И именно этот момент выбрал Дамир, чтобы мне позвонить по видеосвязи. Увидев мое зареванное лицо и услышав от меня объяснения по этому поводу, он заявил, что выезжает обратно домой. Вот тут-то мне и стало дико стыдно. Он ведь спортсмен, у него отлично получается это и, возможно, именно со спортом он хочет связать свое дальнейшее будущее. И, если в этом будущем буду я, то я однозначно должна поддерживать его в этом, а не заставлять его срываться ко мне. Поэтому я взяла себя в руки и убедила его, что все нормально, просто день был насыщенный и тяжелый. Судя по его подозрительному взгляду, ни черта он мне не поверил, но все же остался на сборах.

И вот сегодня меня накрыло уже окончательно. Прошедшие выходные стали для меня дичайшим испытанием. У Дамира сейчас идет самый ответственный этап сборов — квалификационные бои. Он выматывается так сильно, что у нас даже не хватает времени нормально поговорить. Да мне и не особо нужны разговоры. Достаточно просто смотреть на него и чтобы он с нежностью и тоской смотрел на меня. Но на звонки у него не хватает сил.

Сижу, смотрю в одну точку, сжимая телефон в руке. Я с ним не расстанюсь ни на секунду. От внезапной громкой музыки вздрагиваю и роняю телефон на пол, недалеко от дивана, на котором расположилась. Спрыгиваю, хватаю его и тут же нажимаю кнопку ответа, даже не глядя кто звонит. Точно знаю, что это Дамир. Только на нем стоит моя любимая песня.

— Ало... — практически шепчу в трубку, так как от волнения голос не слушается меня.

— Привет, Зеленоглазка моя! — также хрипло отвечает Дамир. — Ну как ты? Как у тебя дела?

— Я... Дамир, я... — глаза застилают слезы. Боже, ну чего ж я такая плакса-то?!

— Мальщ, все хорошо? Что случилось? Ты плачешь там что ли? — начинает

напрягаться и это слышно по голосу. — Ника, кто обидел?

— Нет, нет, — поспешно отвечаю ему, а то снова захочет сорваться и приехать искать виноватого. А как ему объяснить, что виновата я сама и что нет никаких проблем, кроме того, что он не здесь. — Все хорошо, правда. Просто соскучилась очень по тебе. Особенно за эти два дня.

— Прости, Ник. Дядька настолько выматывал нас эти дни, что едва из душа доползал до кровати и вырубался.

— Я понимаю, милый. Все в порядке, — улыбаюсь, потому что сейчас, в эту самую секунду у меня и правда все хорошо, потому что слышу любимый голос, наполненный нежностью и я почти счастлива.

— Я тоже по тебе соскучился. Дико! — голос Дамира немного хрипит и даже дрожит, словно от нетерпения. — Малыш?

— М?

— А включи камеру.

— Ой! — от неожиданной просьбы начинаю волноваться еще сильнее.

— Не понял! — злится, — это что за “ой” такое??? Ты где? С кем ты?

— Дома я, конечно же. Где мне еще быть-то?

— Тогда в чем проблема включить камеру?

— Нет никакой проблемы, — успокаиваю, — дай мне десять минут и я тебе позвоню по видеосвязи.

— Какие десять минут? Ника? — рычит, — Какого хрена происходит? Если ты дома, как говоришь, то включай немедленно камеру.

Ну вот что за упрямый тиран! Ничего не понимает. Как я сейчас покажусь ему в таком виде — ненакрашенная, зареванная, с пучком на голове и в его огромной футболке, которую я уже сутки не снимаю, потому что она хранит его запах.

— Ника? — нетерпеливо, — Я жду!

— Да включаю я, включаю. Не рычи! — сдаюсь.

Перевожу телефон в режим видеосвязи, включая камеру. Отвожу телефон подальше от себя, чтобы Дамир увидел где я нахожусь и успокоился. Да и от зареванного лица внимание хоть немного отвлеку.

— Привет! — поднимаю взгляд и тону в его глазах. Боже, как же я соскучилась по его голодному взгляду. Внизу живота тут же вспыхивает пожар, а моя память услужливо подкидывает мне картинку с нашей крайней близости перед самым его отъездом и я краснею, как помидор. — Видишь, я дома.

— Ага, вижу. А теперь будь послушной девочкой и покрути телефоном, чтобы я видел всю комнату.

— Дамир, — закатываю глаза, — ты что мне не доверяешь?

— Доверяю, конечно. Просто меня кроет сильно. И тот факт, что ты не хотела сразу включить камеру, меня, если честно, напряг. Поэтому давай, крути телефоном.

Встаю с дивана и кручусь вокруг своей оси так, чтобы он мог увидеть всю комнату. Но на этом решаю не останавливаться и также прохожусь по всему дому, заглядывая в каждую комнату, включая ванную, чтобы окончательно успокоить своего ревнивца.

— Не понимаю...

— Чего?

— Какого черта ты тогда так сопротивлялась?

— Блин, вот ты недогадливый! — снова падаю на диван, — Я выгляжу не очень и хотела привести себя в порядок, чтобы ты увидел меня красивой, а не вот такой! Хочу всегда быть для тебя красивой...

— Малыш, — хриплый голос поднимает толпу мурашек и гонит их по всему моему телу, — ты у меня самая красивая и я дико тебя хочу! Пиздец, как сильно, аж все тело ломит...

— Дамир, — шепчу, краснея от такой откровенности и его похотливого взгляда.

— А знаешь от чего меня прет сейчас сильнее всего?

— От чего же?

— От того, что ты такая домашняя... такая уютная... такая... моя... — его рука опускается и теперь не попадает в кадр. Полагаю, она у него уже в штанах. И меня это безумно заводит.

— Я перетаскала все твои футболки! — довольно заявляю. — Скоро очередь дойдет и до рубашек. Они так пахнут тобой, словно я в твоих руках, в твоих объятиях. Я уже с ума схожу, как сильно хочу тебя, Дамир, — решаю быть максимально откровенной, потому что сил держать в себе все эти чувства и желания уже нет. Меня просто разорвет, если я промолчу. — Я очень соскучилась.

— Любимая моя, — хрипит Дамир мне в ответ, — и я тебя хочу так сильно, что едва сдерживаюсь, чтобы не сорваться и не послать всех и все к чертям и вернуться к тебе.

Смотрю на него, не моргая. Не шевелюсь и практически не дышу, не веря своим ушам. Он сказал это. Впервые назвал меня так... Это же ведь можно считать признанием в любви? Он меня любит?

— Черт! Зависло что ли? Ника? — выдергивает меня из размышлений голос Дамира и я наконец, делаю вдох.

— Я тут, просто...

— Думал, что видео зависло. Уже хотел отключаться и перезванивать. Ты чего так застыла? — спрашивает, словно сам не понимает, какой фейерверк чувств сейчас взрывается внутри меня. Хотя, может, и не понимает...

— Да я не зависла, просто внимательно слушаю каждое твое слово, — делаю акцент на слове “каждое” в надежде, что он поймет мой намек. А самой любопытно повторит ли свое признание или нет.

— И какое же слово или слова, — многозначительно приподнимает бровь и улыбается своей невероятной улыбкой, которая заставляет меня млеть, — настолько привлекли твое внимание?

И тут до меня доходит! Он понимает! Все он понимает и осознает то, что сказал минутой ранее. Значит, любит! Это осознание словно второе дыхание во мне открывает. Да, я соскучилась по нему очень, но теперь-то уж точно потерплю пару дней, а если точнее, то четыре дня, до его возвращения.

— Да так, есть парочка... — счастливо улыбаюсь, — угадаешь?

— Хм, дай-ка подумать, — отводит взгляд, делая вид, что реально задумался, — наверное, слова “хочу тебя”? — в глазах смешинки.

— Эти слова, безусловно, меня впечатляют, но не настолько, чтобы подвиснуть, — смеюсь в ответ. — Давай, у тебя есть еще одна попытка. Я в тебя верю.

— А что я получу взамен, если угадаю?

— А что ты хочешь?

— Тебя! Голую! Абсолютно голую! — твердо заявляет, впиваясь в меня своим хищным взглядом. — Ну как? Идет?

— Идет! — уверенно соглашаюсь.

А в следующий миг меня накрывает такой дичайшей волной эйфории! За спиной будто крылья вырастают и хочется парить. Все потому, что я слышу заветное:

— Я люблю тебя, Зеленоглазка! — хриплый, бархатный голос Дамира сводит меня с ума, пульс зашкаливает, а сердце готово выпрыгнуть из груди и помчаться в руки к мужчине, которому оно безвозвратно принадлежит. — Очень люблю тебя, малышка.

— Дамир, я... — в горле ком от шквала эмоций, что вызывает признание Дамира. Из-за этого не могу произнести и слова. Едва получилось выдавить из себя имя любимого. На губах улыбка, а по щекам текут слезы.

— Ты только не говори мне сейчас ничего, Ник, ладно? Не отвечай мне сейчас, — озвучивает странную на мой взгляд просьбу, но не смею противиться и, все также улыбаясь, киваю, стараясь своей улыбкой показать, что все хорошо и все у нас взаимно. — Хочу услышать твой ответ, когда вернусь и смогу тебя обнять.

— Дамир! — слышу незнакомый мужской голос, — давай, братан, завязывай с болтовней, тренер зовет на совещание.

— Иду! — кивает в сторону говорившего Дамир и возвращает ко мне свое внимание. — Мне пора, малыш. Дядька зовет на совещание, надо технику одного из соперников разобрать. Дело важное. А ты ложись спать, уже поздно у тебя там.

— Хорошо, — соглашаюсь, — ну тогда спокойной ночи и до завтра?

— Да, до завтра! Приятных снов, Зеленоглазка.

Подношу пальцы к губам, не отрывая взгляда от Дамира, целую их и провожу по дисплею телефона, словно поглаживаю своего любимого, даря ему этот поцелуй. Он улыбается, также прикасается к экрану своего смартфона и подносит пальцы к своим губам, забирая поцелуй себе. Я вижу, что он тянется к кнопке сброса звонка.

— Дамир! — резко останавливаю его.

Он смотрит на меня с непониманием, а я, сама не знаю, что на меня находит, хватаюсь свободной рукой за край футболки и, пока не передумала, тяну ее вверх, оголяя грудь. Вернувшись с учебы и приняв душ, я натянула на себя футболку Дамира, не надевая белья под нее. Поэтому, сейчас я наблюдаю перед собой поплывший, но все же слегка обескураженный взгляд мужчины, голодного до моего тела. Дамир неотрывно смотрит на мою грудь с упругими сосками, что напряглись от возбуждения. Его глаза горят хищным блеском. Затем он оскаливается, проводит языком по нижней губе и зубам, выдает “Моя сучка!” и, ухмыляясь, отключается.

Спустя пятнадцать минут я уже лежу в нашей постели. Слышу звук пришедшего смс-сообщения.

Дамир: “Для справки: спортсменам накануне боя строго запрещен секс и любая его альтернатива. И у меня прекрасно получалось держаться. А теперь, по твоей милости, я сижу на собрании со стояком, который даже спортивное белье скрыть не может!”

Дамир: фото

Дамир: “За это я сначала отшлепаю твою задницу, а потом поставлю раком и буду трахать так долго, пока ты не сорвешь свой прекрасный голосок, выкрикивая мое имя!”

Дамир: “Блядь! Блядь! Блядь! Как выжить-то эти гребаные, сука, четыре бесконечных дня???”

Дамир: “Ведьма моя зеленоглазая! Люблю тебя! Пусть тебе приснятся самые развратные и пошлые сны. Отсыпайся сейчас, потому что потом я тебе спать не дам!”

Зеленоглазка: “Я уже в кровати, готовлюсь исполнять твои пожелания насчет моих снов)) И тебе спокойной ночи, милый!”

Зеленоглазка: “Фото зачетное! Скучаю и не терпится почувствовать тебя всего в себе...”

Дамир: “AAAAAAAAAAAAA”

Дамир: “Спи уже!”

Убрав телефон, с улыбкой на губах засыпаю. И мне, действительно, в эту ночь снятся невероятно развратные сны. Ох, как же хочется, чтобы все это стало реальностью поскорее...

Ника

— Промышленные здания по объемно-планировочным и конструктивным решениям классифицируются следующим образом... — преподаватель по архитектуре зданий и сооружений монотонно читает свою лекцию, а я чувствую, что где-то не здесь.

Странное чувство тревоги не покидает меня с момента, когда я проснулась сегодня утром. Сначала списала это на недосып, потому что болтала и переписывалась сначала с Авророй, потом с Костей, а уже поздно ночью — с Дамиром, и заснула только около трех часов ночи. Но, приняв душ и выпив утренний кофе, поняла, что я держусь бодрячком и эта тревога вовсе не от того, что я мало спала.

Следующая моя версия заключалась в том, что это вовсе и не зудящее чувство ожидания чего-то нехорошего, а простое банальное волнение. Ведь уже сегодня вечером возвращается Дамир и эту ночь я буду спать не одна. Хотя, поспать мне вряд ли представится возможным, судя по тем “грозным” обещаниям, какими меня закидал Дамир в своих пошло-развратных сообщениях. Так что никакое это не предчувствие, а предвкушение.

День приближается к обеду. Решаю, что с последних двух пар отпрошусь, так как у меня там уже достаточно баллов для допуска к зачету, да и с преподавателем сложились вполне дружелюбные отношения. Я ни разу не пропустила его лекцию. А потому он с легкостью меня отпускает, даже не спросив, по какой причине буду отсутствовать.

Остается отпроситься только с пары по физкультуре. Ох, это будет непросто.

Бреду по университетскому коридору, придумываю что же такое сказать Александру Петровичу, нашему физруку. В голове, как назло, пусто. Что ж, будем импровизировать. Не в первый раз...

Спускаюсь в цоколь, где находится его кабинет и...

Мне сегодня однозначно везет, ведь кабинет закрыт, а на дверях записка от преподавателя, что все пары на сегодня у него отменяются, так как его дочь родила ему долгожданного внука. Да! Это судьба! Значит, смогу нормально подготовиться и встретить своего любимого.

Я ведь так и не смогла сказать ему, что тоже люблю его. Он не позволил. Попросил сказать, когда он вернется. Наверное, сегодня и признаюсь ему, хотя мне немного страшно...

По пути домой забегаю в супермаркет, покупаю нужные для вечера продукты, фрукты и вино. Хочу устроить романтический ужин. Красивое бельишко уже прикупила накануне. Мысленно потираю ручки в предвкушении его реакции.

Дома первым же делом бегу в душ, после натираюсь потрясающе вкусно пахнущим молочком для тела, от запаха которого у Дамира, с его слов, текут слюнки и он хочет меня съесть. Что же, сегодня ему будет позволено все!

На часах девять часов вечера, в духовке запекается мясо с овощами в сливочном соусе, которое так нравится Дамиру. В гостиной накрыт стол, на блюде лежат нарезанные фрукты, стоят бокалы. Вино охлаждается в ведерке со льдом. Вместо свечей для создания нужной атмосферы горят гирлянды. Свет мягкий, приглушенный, тихо играет музыка. Все располагает к романтике и интиму. Красота.

Стою возле зеркала в спальне, разглядываю себя в неприлично-красивом, но столь же развратном бледно-розовом белье и чулках. Низ живота уже слегка ноет в ожидании — с

минуты на минуту я, наконец, увижу своего любимого. Так сильно соскучилась по нему.

Вздрагиваю от щелчка замка входной двери. Сердце ускоряется и начинает грохотать с невероятной силой. Стою, не могу даже шага сделать. Стараюсь выровнять дыхание. Да, черт, хотя бы вспомнить, что вообще дышать умею. Горячая волна желания прошивает от макушки до самых пяток, стекая по позвоночнику, задерживаясь импульсами у меня между ног. Чувствую, что там, внизу, скапливается влага. Прикрываю глаза, чтобы прочувствовать этот момент. Слышу шумный выдох. Распахиваю глаза и встречаюсь в зеркале с темным взглядом Дамира.

— Ну, привет, Зеленоглазка, — говорит невероятно хриплым голосом, словно он простужен, и надвигается на меня.

Дамир

Заходя в квартиру, знал, конечно, что Ника меня ждет, но уж точно не ожидал увидеть то, что сейчас открывается моему взору.

Ника, моя зеленоглазая ведьма, стоит перед зеркалом в каком-то просто нереально бомбическом и в то же время развратном белье и поглаживает свою грудь. Понимаю, что она это делает не с целью меня раззадорить, потому что пока еще не видит меня. У нее это, скорее всего, выходит машинально, словно ощупывает нежность кружева. А меня прет. Прет так сильно, что я осознаю себя уже двигаясь к ней. Смотрю на нее не отрываясь. Наши взгляды встречаются в зеркале. Она резко вздыхает и замирает. Подхожу к ней, что-то говорю, сам даже не понимаю. Голос свой не узнаю. А руки сами тянутся к ней, к моей девочке.

Обнять. Сватить. Прижать. Не отпускать! Мое!

Блядь, как же я скучал. На стены лез. Столько раз хотел сорваться с этих гребаных сборов, лишь бы только прижать Нику к себе, погрузиться в нее, пометить свое! Особенно остро это ощущалось, когда видел, что она грустит. Но моя мудрая не по годам девчонка на раз-два меня успокаивала и просила остаться там и довести сборы до конца. И за это я ей очень благодарен.

Отец всегда говорил, что за спиной мужчины должна стоять подходящая женщина. Правильная. Чтобы она была его силой во всех его начинаниях. И его же слабостью. Раньше понять не мог, что именно он имел в виду. Раньше... Пока не встретил Нику. Сейчас в полной мере понимаю и осознаю весь сакральный смысл его слов. Моя Ника именно такая. В моменты, когда хотел сорваться к ней, она мягко и аккуратно приводила такие важные доводы и аргументы, подчеркивая значимость сего мероприятия для меня и моего, нашего будущего, что я понимал — нужно терпеть и ждать. А уж от того, насколько сладкую встречу я представлял и озвучивал Нике свои фантазии, отчего у нее так мило краснели щеки, я готов был ждать и терпеть эту вынужденную разлуку.

Дождлся!

Дорвался!

Сжимаю хрупкое, нежное тело своей девочки, прижимаю к себе и вгрызаюсь в ее шею. Жадно! Намеренно оставляю след, как клеймо принадлежности. Потому что МОЯ! Ника ахает от неожиданной резкости и даже жесткости моего поступка. И я сначала думаю, что перегнул и сделал больно. Но потом возвращаю взгляд в зеркало и натываюсь на поплывший от возбуждения взгляд Ники. Нет, все моей красавице нравится.

— Смотри на меня, — приказываю. Сам же даю волю своим рукам. Провожу ими по плечам Ники, перехожу на живот. Нежно поглаживаю, поднимаясь к груди. Взвешиваю

каждое полушарие в ладонях. На мгновение кажется, что она стала больше и тяжелее. Но похоть настолько затуманивает разум, что не остается возможности концентрироваться на какой-то определенной мысли. Сейчас меня ведут животные инстинкты. Хочу трахнуть свою самку! — Блядь, как же я скучал! Мммм... Сладкая... Вкусная... Моя... — провожу языком от плеча до розового ушка. Малышка тихо стонет в моих руках. А я хочу больше. Громче. Веду рукой по груди, животу и ниже. Ныряю пальцами в трусики. — И ты, похоже, скучала. Мокрая такая. Для кого ты такая мокрая, м? — поглаживаю ребром ладони между нежными складочками, растирая влагу. У нас тут в трусиках прям потоп! — Для меня? — одна рука у Ники между ног, другой придерживаю ее за шею, контролируя дыхание. Снова кусаю бархатную кожу.

— Ах! Еще, Дамир... Пожалуйста... — словно в бреду шепчет.

— На вопрос ответь: для кого мокрая такая? — останавливаю движения пальцев. Ника резко замирает, распахивает глаза, словно мигом протрезвела. Разворачивается в кольце моих рук, кладет свои ладони мне на грудь, а меня будто дефибрилятором шарахают — так остро ощущается ее прикосновение.

— Для тебя, Дамир! — заявляет со всей серьезностью. — Я мокрая для тебя! Только для тебя. Всегда. Потому что твоя! — говорит, а потом поднимается на цыпочках и целует. Сама. Чувство, будто вкладывает в этот поцелуй всю себя. Закрепляет и подтверждает каждое свое слово, сказанное мгновением раньше.

Меня ведет.

Подхватываю Нику под попку, заставляя обхватить меня ногами. Послушно выполняет. Смотрит неотрывно. Сжимаю ее нежные булочки своими мазолистыми ручищами, не задумываясь, что, может, царапаю ее. Сейчас мне на все похуй! И похоже, что не только мне. Ника также плывет от нашей близости.

— Ну, раз так, малыш, то держись крепче, — поворачиваюсь, прижимаю Нику к стене. Пальцами сдвигаю тонкое кружево трусиков. Придерживаю свое сокровище одной рукой, другой освобождаю себя от штанов. Но не снимаю даже. Так, приспускаю, высвободив на волю уже до боли стоящий член. Прикасаюсь головкой к влажному входу, Ника протяжно стонет. — Сейчас будет быстро и грубо, Ник, — предупреждаю. — Потом наверстаем.

— Да-да, давай. Я гото... Аааа...

Не успевает договорить, я врываюсь в нее одним жестким толчком. Сразу. На всю глубину. Слышу, как тяжелые яйца, налитые спермой под завязку, глухо бьются о бедра Ники, выдавая пошлый влажный шлепок.

— Блядь! — рычу, — Сукааа... Мммм. Какая же ты мокрая... горячая... узкая... — хриплю, перемежая каждое слово жесткими поцелуями и толчками члена в ней. — Кричи, малыш. Кричи громче, любимая.

И Ника кричит. Не сдерживается. Впивается своими ногтями мне в плечи, наверняка оставляя на них красные полосы. Плевать! На все похуй сейчас, когда я внутри своей малышки. Пусть хоть в кровь раздерет меня, только бы это не прекращалось.

Удовольствие дурманит. Ощущение, что вообще ничего вокруг не существует. Только зеленые изумруды напротив, сладкая кожа, тесный шелковый плен для моего члена. Походу, пожизненный. Никому не отдам свою девочку. Из груди вырывается не то стон, не то рык. Ускоряюсь. Одной рукой крепко держу Нику за талию, другую же не убираю от ее горла. Пальцами чувствую, как бьется ее пульс. Жестко вбиваюсь в податливое тело. Ника двигается мне навстречу, стараясь вобрать меня еще глубже. Даааа! Моя девочка.

Целую ее, языком повторяя каждый толчок своего члена. Словно имею ее сразу и членом, и языком. В голове шум. Слышу лишь, что Ника начинает жалобно всхлипывать. Резко торможу, пугаясь, что сделал больно.

— Нет-нет-нет, пожалуйста, не останавливайся! — бессвязно шепчет. — Еще... еще хочу... — и насаживается сама на твердый ствол. Охереть! Так моя малышка голодна не меньше, чем я.

Сжимаю сосок, кусаю шею, на которой уже отчетливо виднеются красно-бордовые следы моей страсти, и беру просто бешеный темп. Раз уж моей девочке не больно, то и сдерживаться нет смысла. Трахаю Нику так, словно впервые до женского тела дорвался. Чувствую, как по ногам текут соки Ники. Вокруг нас витает стойкий запах страсти, секса, возбуждения.

— Укуси... — едва слышно просит Ника. — Укуси еще...

Охренеть! Ей даже эта моя неконтролируемая дикость зашла!

Прикусываю нежную кожу, кайфуя от сладости вкуса. И в это же мгновение Ника начинает пульсировать внутри, содрогаться в агонии своего наслаждения. Кричит. Громко, хрипло, надсадно, продолжая сокращаться на моем члене. А я двигаюсь, не сбавляя темпа и силы толчков. Нарращиваю дальше. Продлеваю удовольствие своей любимой девочки.

Как только Ника затихает, сдергиваю ее с себя под недовольный всхлип, ставлю на ноги, разворачиваю к себе спиной.

— Упрись ладонями в стену, — командую и Ника снова послушно делает так, как я ей говорю. Миг и она стоит с оттопыренной попкой, на которой виднеются съехавшие в сторону, не без моей помощи, кружевные трусы. На ножках — чулки. Блядь, чулки-то я и не заметил. Грубо сжимаю яйца, чтобы не слить от одного лишь соблазнительного вида своей крошки, что призывно крутит полуголой попкой передо мной, желая снова быть заполненной.

— Ай! — вскрикивает, когда отвешиваю ей смачный шлепок.

— Доиграешься! — через секунду комнату снова оглушает звук шлепка. — Для симметрии! — заявляю и снова врываюсь в желанное тело.

Нику выгибает дугой. Она стонет, подаваясь навстречу. Наматываю волосы на кулак и трахаю так, что в ушах звенит от хлюпающих, пошлых звуков, что издают наши тела в месте соединения. Понимаю, что долго не выдержу. Сперма уже бурлит в яйцах. Ускоряюсь, чтобы поймать свой кайф, но тут Ника издает протяжный вопль и снова кончает. Бля, как же красиво и страстно она кончает. Любая порнозвезда просто нервно курит в сторонке. Это просто нереально красиво.

Пульсация внутри Ники затихает и я, наконец, позволяю удовольствие и себе. Делаю несколько жестких толчков и резко выхожу и своей малышки, щедро забрызгивая ее покрасневшую от моих шлепков попку своей спермой. Вязкие белесые капли, что покрывают нежную кожу — зрелище просто сногшибательное.

Выжимаю и стряхиваю остатки спермы, размазываю свое семя по телу своей чистой девочки, помечая ее собой. Хочу ее! Хочу ее всю. Чтобы вся она была моей. И чтобы даже пахла мной. Я, блядь, просто животное сейчас и понимаю это. Но к своему охреневанию, также осознаю, что не испытываю за эти свои порывы никакого стыда.

Ника продолжает стоять в том же положении, в котором трахал ее. Лишь лбом упирается в стену. Дышит. А я смотрю на нее и у меня опять стояк. Словно не кончил минуту назад. Тело снова охватывает дикий голод по своей малышке. Подхватываю ее на

руки, несущая на кровать.

— Дамир... — прижимается ко мне, целует шею, языком слизывает капли пота с моей кожи. — Такой вкусный...

— С ума меня сводишь, Зеленоглазка.

Аккуратно укладываю ее на кровать, стягиваю с нее белье и чулки.

— Стой... Я же... для тебя его надела... чтобы понравиться, — сопротивляется.

— Поверь, малыш, я заценил. Белье улет! А ты — просто за гранью! Сам себе завидую и сам к себе ревную! — рычу, стягивая с Ники трусики зубами. — И именно поэтому я снимаю его сейчас с тебя. Второго раунда оно точно не выдержит — порву. А я хочу потом еще полюбоваться. А теперь раздвинь ножки и впусти меня.

— Погоди... мы же только что... ты же...

— Мы только начали! — с протяжным погружаюсь в мокрое и нереально горячее лоно своей любимой.

Ника

Выходные пролетели со скоростью света. Но то, как я была счастлива в эти дни просто не передать словами.

После возвращения Дамира со сборов каждое мгновение было наполнено нежностью, трепетом, страстью, пороком и любовью... Он не выпускал меня из кровати. Мы практически постоянно занимались сексом, ласкали друг друга, наслаждались друг другом, лишь ненадолго прерываясь на сон и еду. Не смотря на то, что все мое тело болело и ныло, словно по мне каток проехал или я не выползала из спортзала неделю, я была по-настоящему счастлива.

Дамир во время нашей близости много раз шептал мне слова нежности, говорил, что любит. А я так и не решилась ему сказать о своих чувствах. Просто струсила. Убеждала себя, что озвучивать это и не нужно, ведь все видно по мне и так. Дамир сам говорил, что у меня все мои эмоции написаны на лице и я не умею их скрывать.

Но тот факт, что я так и не ответила Дамиру на его признание, казалось, его вообще не напрягало. Он был счастлив, также как и я. Поэтому, я тоже не стала напрягаться по этому поводу. Вот когда наберусь храбрости, тогда и скажу.

Сегодня понедельник. И он, как говорится в народной мудрости, день тяжелый. Чувствую себя рыжим котом из всем известного фильма, который также ненавидит понедельники, как я сегодняшней. Я хочу спать, глаза просто закрываются, а лекция по любимому предмету сейчас кажется мне чем-то совершенно нудным и неинтересным. Монотонная речь преподавателя убаюкивает. Несколько раз меня пихала в плечо соседка по парте, потому что я откровенно засыпала, укладывая голову на свои сложенные перед собой руки. Рискованное, надо сказать, положение с учетом того, что сидим мы с ней на второй парте.

После очередного тычка в бок понимаю, что не дождусь перемены и мне срочно нужно освежиться. Поднимаю руку, отпрашиваюсь у преподавателя и покидаю аудиторию, прихватив сумку и телефон. Направляюсь в женский туалет. Там смогу умыться холодной водой и хоть немного взбодриться.

Иду по пустому коридору университета. Тихо. Никто из студентов не бродит и не прогуливает занятия. Конечно, впереди ведь зачетная неделя, а там и до сессии недалеко. Как говорит Дамир, в это время все студенты, даже самые заядлые прогульщики, становятся вдруг прилежными учениками и регулярно посещают все дисциплины. По той же причине он и согласился выпустить меня из постели и из квартиры.

Картинки из воспоминаний о наших выходных, мелькнувшие в голове, заставляют щеки гореть, по коже проносится табун мурашек, между ног сладко ноет, в трусиках становится мокро.

— Боже! Что ты со мной творишь?! — шепчу себе под нос, встряхиваю головой, прогоняя наваждение.

Захожу в туалет. Пусто. Это хорошо, потому что вряд ли для кого-то останется незамеченным то, как студентка подставляет голову под холодные струи воды из крана. Посыпятся вопросы и подколы, где я так вчера напилась, что сегодня страдаю от сильного похмелья. А у меня не похмелье. У меня — любовь! Страстная, сладкая, приятная до дрожи,

но бессонная и утомительная. Но, если спросить меня повторила бы я эти столь насыщенные “физическими” нагрузками выходные, в ту же секунду ответила бы твердое “Да!”. Потому что сгорать в объятиях любимого — это ни с чем несравнимое удовольствие. А то, что оно сопровождается небольшим дискомфортом в самых нежных и интимных уголках моего тела — что ж, невелика цена.

От моих раздумий меня отвлекает запах сигаретного дыма. Наверное, кто-то курит на улице, а дым попадает сюда из открытого окна. Даже находясь под проточной водой, ощущаю его настолько ярко, что меня начинает мутить. Да так сильно, что в глазах темнеет. Сломая голову, несусь в ближайшую кабинку и падаю на колени перед унитазом, едва успев прикрыть за собой дверь.

Пока, практически лежа на кафельном полу и обнимаясь с фаянсовым другом, я пытаюсь прийти в себя, звенит звонок с пары. Коридоры наполняются гулом и топотом, все куда-то спешат. А у меня снова перед глазами все плывет и желудок вновь выворачивает наизнанку. В следующий раз попрошу Дамира, чтобы стукнул мне по голове, если я опять откажусь от завтрака и выпью только чашку крепкого кофе. Так и желудок испортить недолго. Вот они первые звоночки проявляют себя во всей красе прямо сейчас.

Раздаются шаги, кто-то зашел в туалет. Человека три, судя по разным звукам от каблучков и количеству разных голосов. Блин, вот засада. Представляю, как сейчас выгляжу...

Решаю не высовываться и подождать, пока девчонки уйдут. Подтягиваю ближе к себе ноги и затихаю. Приторно-сладкий аромат духов, конечно, снова вызывает приступ тошноты, но я терплю изо всех сил, чтобы себя не выдать.

— Ты представляешь, — заговорила одна из девушек. Голос мне не знаком, — он эту клушку свою сегодня привет в универ и поцеловал при всех. При всех! — переходит на ультразвук. Вот это да, никогда не думала, что буду подслушивать чужие сплетни. А что, интересно...

— Да ладно! — удивляется вторая. — Неужели ты думаешь, что у них там все серьезно?

— Какое там “серьезно”?! Так, потрахает ее и отправит на все четыре стороны. Там серьезным и не пахнет, — третий голос заставляет поморщиться. Уж очень неприятные вещи говорит девушка.

— С чего вдруг такая уверенность? — спрашивает первая.

— Так он на нее поспорил, — отвечает третья. — Причем, срок — до начала зимних соревнований.

— Ужас какой, — сокрушается вторая. — За что так с девочкой-то?

— За то, что нехер на чужих парней смотреть! И красть их у нормальных девушек! — ого, вот это ее зацепило, похоже. Неужели эта девочка увела у нее парня? Да даже если и так, то спорить на нее совсем уж жестоко. — Я столько времени влюблена в него! Столько всего сделала, чтобы он, наконец, заметил меня. И это случилось! Мы даже вместе на тусовках стали появляться, а потом появилась эта малолетка и все испортила! Он на ней будто помешался. Отшил меня сразу, еще и ультиматум поставил, чтобы я не мешалась ему! — девушка злится и кричит.

— Знаешь, — говорит первая, судя по голосу, — я, конечно, понимаю, что он тот еще бабник, но, чтобы поспорить на девушку — такого я от него не ожидала.

— Я слышала, — снова в беседу вступает вторая, — что у него очень много девушек было. И брат от него не отстаёт. Может, просто скучно ему стало... — блин, меня от любопытства уже распирает, даже тошнота прошла. Так интересно, о ком они говорят, но

как назло, имени не называют.

— Да все прекрасно знают, что он тот ещё мудак. Ладно, девочки, идемте. Нам еще в другой корпус бежать на пару.

— Да, идем. Но сначала ответь, откуда ты знаешь про спор? — интересуется одна из девушек, судя по всему у третьей.

— Все просто, — говорит третья. — Дамир поспорил на нее со мной.

Дальше я ничего не слышу. Только грохот своего собственного пульса. В глазах все плывет, дышать трудно, словно кто-то ударил меня прямо в солнечное сплетение. В голове лишь одна мысль: как? Как он мог? Неужели это все было ненастоящим? Он же говорил...

Едва сдерживаюсь, чтобы не разрыдаться. Никогда еще не чувствовала себя такой беспомощной и потерянной. Как это все принять?

Слышу звонок. Перемена закончилась. Надо как-то встать, но ноги будто ватные. В груди дыра, воздух совершенно отказывается поступать в легкие.

Опираясь на ручку двери, потихоньку встаю. Но встаю уже не я, а то, что от меня осталось. Пустая оболочка...

В душе загорается лучик надежды на то, что все это неправда, что Дамир не мог так со мной поступить, что не может он быть таким жестоким! Но тут же этот лучик гаснет, когда я вспоминаю все то, что мне рассказывала Аврора несколько месяцев назад...

Нет, так не бывает...

— Так не бывает! — вскрикиваю и всхлипываю.

Истерика прорывается наружу. Но нельзя! Не здесь! Закусываю губу, чтобы сдержать рвущиеся рыдания. Выхожу из кабинки. Смотрю на себя в зеркало.

— Ну что, побыла счастливой и хватит? — спрашиваю у своего отражения.

По щеке катится первая слеза. Дышать по-прежнему трудно. Хочется забиться в уголок, накрыться одеялом и заткнуть уши, чтобы ничего не видеть и не слышать.

Да, точно. Надо уходить. Домой.

Но я не могу вернуться в квартиру к нему. Не могу... Не хочу... Видеть его не хочу...

Как он мог?! Говорил ведь, что любит...

В памяти всплывает разговор с Котом:

— Не верь мужикам, Ника! Они все врут! Верить можешь только мне!

— Но ты ведь тоже “мужик”!

— Верно! Но я твой брат и мне не нужно тебя обманывать, чтобы затащить тебя в постель! Поэтому верить можешь только мне!

Бреду до общежития. Дорога как в тумане. Ничего не соображаю. Единственное желание — отключиться, пробыть в забвении пока не уймется эта боль внутри от предательства близкого человека. Потому что...

Потому что я просто не знаю, как мне это пережить.

По пути у кофейни вижу Дамира с друзьями. Среди парней замечаю девушку, которая смотрит на Дамира как на божество и улыбается ему. Уж не с ней ли он на меня поспорил?

Сворачиваю за угол здания, чтобы не попасться ему на глаза. Не хочу его видеть. Больше никогда. А вещи... Вещи новые куплю. Не хочу встречаться с ним даже для того, чтобы освободить его квартиру от любого напоминания обо мне.

Жаль только фотографии...

Дальше путь до общежития проходит без неожиданных встреч. Молча прохожу через вахту, даже не поздоровавшись с вахтером. За что получаю в спину гневное бурчание. Но мне

плевать... Мне все равно... Я опустошена. Знала ведь! Знала, что нельзя влюбляться! Знала ведь, что потом будет больно! И все же сплясала на граблях.

Что ж, сама виновата, самой и расхлебывать.

Вот сейчас поднимусь в комнату, лягу на кровать и посплю. Как там говорить? “Утро вечера мудренее?”. Вот и посмотрим. Да и понедельник этот закончится!

Ненавижу понедельники...

Ника

Просыпаюсь от шума. Открываю глаза и в первые мгновения понять не могу, где я нахожусь. Затем на меня обрушивается реальность...

— Привет, подруга! — весело щебечет Аврора. — Представь себе, захожу в комнату и вижу какую-то непонятную гору на твоей кровати. Уже думала, что к нам опять Витька из сто восемнадцатой забурился — он так делал в прошлом году. Потому я его разок кастрюлей по башке двинула, он и перестал. А тут, думаю, снова приперся. Уже кастрюлю начала присматривать на полке, чтобы повторить воспитательный момент, как тут вдруг одеяло сползает и я вижу тебя!

— Да уж... Вот это было бы пробуждение... — стараюсь поддержать настроение подруги, но получается из рук вон плохо. Конечно, Аврора сразу это просекает и падает ко мне на кровать.

— Так, а я не поняла, — всматривается в мое лицо, — ты что плакала что ли? Или нет, погоди, ты ревела что ли?

— Я... — хочу сказать, что все нормально, но в груди снова такая дикая боль, что дышать больно. — Я...

— Тише, тише, Ник, — резко притягивает меня к себе и обнимает, — ну что ты, не плачь. Не плачь, — баюкает словно ребенка.

Прорывает плотину окончательно. Если по приходу в комнату я еще держалась и тихонько проревелась, а потом мой организм просто выключился, то сейчас я скатываюсь в настоящую истерику. Рыдаю, захлебываясь слезами. Аврора смотрит на меня испуганно, ничего не понимает из тех невнятных звуков, что я выдаю. Потом встает, бежит к холодильнику и через минуту вручает мне бутылку воды. Стараюсь сделать хоть пару глотков. Давлюсь сначала, но потом у меня все же получается попить. Рыдания немного затихают.

— Расскажешь, что произошло? — заботливо интересуется подруга. — Ты ведь такая счастливая была, ждала Дамира, — морщусь при звуке его имени. — Он что, тебя обидел?

— Нет, Ро, — шепчу, все еще всхлипывая и утирая слезы, безостановочно текущие по щекам, — он меня уничтожил.

— Боже! — вскрикивает, — Дамир... он что, тебя ударил?

— Да лучше б убил, чем вот это! — в сердцах кричу и снова начинаю рыдать.

— Ника, не говори так. Что же у вас произошло? Что натворил этот гад? Я ж ему яйца оторву! Нет, я лучше брату твоему позвоню — вот пусть он и отрывает, — злится Аврора.

— Не надо Косте звонить. Не хочу, чтобы он меня такой видел.

— Тогда расскажи что произошло и, может, мы сами разберемся?

— Он меня предал, — едва слышно, — он... он... — даже вслух произносить это отвратительно, — поспорил на меня.

— Что??? — Ро вскакивает от удивления и злости с кровати, на которой мы расположились. — Что он сделал?

— Ты верно все расслышала, — смотрю в одну точку, пытаюсь дышать ровнее, потому что к горлу снова подкатывает тошнота. — Дамир на меня поспорил. Все то, что было между нами — все это было неправдой. Представлением для того, чтобы победить в споре. Ведь

сроки поджимают.

— Боже, боже, Ника! — Аврора присаживается у моих ног, заглядывает мне в глаза, — а откуда ты-то это узнала? Как? Он что, сам тебе рассказал?

— Нет. Я просто очень удачно зашла в туалет в университете.

Дальше, под охи, причитания и нецензурную брань, которую я вот вообще не ожидала услышать из уст милой куклы-блондиночки, которой являлась Аврора, я рассказываю ей все, что слышала. Потом мы молчим. Долго молчим. Я — потому что выдохлась, Аврора — потому что, ну что тут скажешь? Дамир оказался подонком, который меня растоптал, заставив утратить веру в светлое чувство. А я просто лохушка, которая повелась на красивого, брутального парня. Посчитала себя особенной, раз уж он выбрал меня, и поплатилась за это своим сердцем и душой.

— Слушай, — наконец, Аврора нарушает тишину, — а, может, ты ошиблась? Может, речь шла не о Дамире вовсе?

— И много ты знаешь Дамиров в нашем университете? — скептически выгибаю бровь. Подруга молчит. — Я слышала, Ро. Слышала, как они в подробностях рассказали то, что видели утром перед университетом, когда Дамир меня привез, как он целовал меня. Я не ошиблась, — подытоживаю.

— И что теперь?

— Не знаю. Знаю только то, что видеть его не хочу и... ничего не хочу. Сдохнуть хочу...

— Так, ну-ка ты это мне брось! — ругается, — Еще бы ты из-за уroda какого-то не...

Ее грозную речь прерывает стук в дверь. А у меня сердце в пятки уходит. Каким-то шестым чувством ощущаю, что за дверью он. Дамир.

— Не впускай его, — в панике шепчу. — Может, он подумает, что тебя нет и уйдет?

— А чего он сюда приперся-то? — также шепчет подруга. — Он что видел, что ты сюда пришла?

— Нет.

— Тогда как?

— Телефон! — догадываюсь.

Перед отъездом на сборы Дамир установил программу GPS на мой смартфон, чтобы в случае, если я попаду в какую-то передрыгу, он мог узнать где я, чтобы отправить на помощь своего брата. Тогда я подумала, что эта его забота — это так мило. Сейчас же я проклинаяю тот день, когда согласилась на установку этой программы! Отказалась бы и у меня было бы сейчас еще время подумать и решить, что делать дальше. А так... Дамир тут и он знает, что я здесь. А я не готова с ним видаться.

— Аврора! — кричит из-за двери, — открой или я вынесу к херам эту картонку, что вы дверью зовете!

— Черт! — в сердцах ругается подруга. — Ник, надо открывать, а то комендант сейчас прибежит и у нас проблемы будут.

— Не открывай, пожалуйста, — умоляю подругу.

— Ника, — Ро берет меня за руку, — все будет хорошо. Вам все равно когда-то пришлось бы поговорить. А так я буду тут и все пройдет спокойно.

— Ладно.

— Аврора, блядь! Открывай эту чертову дверь! Ника! — уже и меня зовет. Что и требовалось доказать, он прекрасно осведомлен, что я тут.

— Да иду я! — кричит Аврора, — чего разорался!

Ро едва успеваает щелкнуть замком, как в комнату врывается не человек, нет... В комнату врывается разъяренный зверь. Дамир зол и мне становится страшно. Только я хочу успокоиться от мысли о том, что со мной все же Аврора и уж вдвоем-то мы как-нибудь да выдержим ауру этого монстра, как Дамир молниеносно разворачивает подругу вокруг своей оси и уже спустя мгновение я снова слышу щелчок замка. Только с той лишь разницей, что подруга теперь находится за дверью и стучит в нее кулаками, а мы с Дамиром заперты в комнате. Кошмар!

— А ну пусти! — кричит Аврора из коридора, наплевав даже на то, что сама переживала, что комендант услышит крики и придет на разборки. — Дамир,пусти меня в мою комнату! Немедленно! Я не оставлю Нику с тобой!

— Я ничего ей не сделаю! — рычит Дамир в ответ Авроре, не сводя с меня грозного взгляда. Я же по стеночке пытаюсь отойти в дальний угол, чтобы, не дай Бог, он ко мне не прикоснулся. — Иди погуляй!

— Нет! — упрямо.

— Свали, я сказал! — он злится ещё сильнее. — Вернешься, когда я Нику домой заберу.

Слышу быстрые шаги из коридора. Наверняка, Аврора побежала за помощью. По крайней мере, я на это очень надеюсь, потому что если Дамир применит силу, я точно не справлюсь сама. Да мало кто справится с таким амбалом. Во мне закипает злость!

— Я никуда с тобой не пойду! — чеканю по слогам, сверлю его злобным взглядом.

— Ой, ли! А тебя кто-то будет спрашивать?!

— Я все сказала, Дамир! Уходи!

— Объяснишь, какого хера происходит? — двигается ко мне маленькими, едва заметными шагами. Но я уже успела узнать его привычки и поведение, я эти шаги замечая и также медленно отступаю прочь от него. — Почему я, блядь, жду свою девушку возле универа, а она, вырубив свой гребаный телефон, усвистала куда-то, ничего не сказав мне?! — уже орет в полный голос. И мне страшно, но сдаваться я не намерена!

— Не подходи! Даже не вздумай! — я мечусь по комнате, не могу остановиться. Слишком много потрясений за один день. — Я уже не твоя девушка! Между нами теперь ничего нет и никогда больше не будет! Не подходи, Дамир!

— А то что? — этот нахал и предатель смотрит на меня своим фирменным ухмыляющимся взглядом. — Мы, кажется, уже проходили это с тобой, Зеленоглазка. Ты не можешь отрицать, что между нами УЖЕ все было и точно будет ЕЩЕ. Всегда будет. Потому что ты МОЯ! Ты сама шептала мне это на ухо, — Дамир подходит непростительно близко, а я ещё не научилась сопротивляться ему. Прошло слишком мало времени, чтобы выстроить броню. — Выкрикивала это с каждым толчком, пока я был в тебе. — Он говорит хрипло, притягивает своими сильными руками меня к себе максимально близко. Так, что я снова и снова вдыхаю его запах, ставший родным и самым желанным за столь короткое время. От удовольствия закрываю глаза. Понимаю, что он уже возбужден. Как и я. Но я не могу поддаться. Не теперь. — Ты моя, малыш, и ты это знаешь... — прикасается губами к шее. Как делал еще утром, еще до того как...

А вот теперь стоп! Быстро прихожу в себя, беру себя в руки и что есть силы толкаю Дамира в грудь. Но легче скалу сдвинуть, чем эту громадину.

— Но тогда я не знала, что я лишь предмет спора! — кричу, срывая голос от обиды, — как ты мог? Как ты мог на меня поспорить! Что ж, поздравляю, ты победил! Уложил девственницу-тихоню в постель!

Дамир отрывается от моей шеи, чуть отстраняется, чтобы взглянуть на меня. На секунду в его глазах мелькает что-то похожее на растерянность и... сожаление? Но потом он берет себя в руки и снова надевает маску холодного засранца, которым я знала его в самом начале нашей короткой истории. Он хватается за затылок, резко притягивает так, чтобы наши губы соприкасались. Улыбается своей хищной улыбкой, больше похожей на оскал зверя.

— Нет, Зеленоглазка, спор был не на твою девственность. Это было бы слишком просто, — стою в полном шоке. То есть он даже не отрицает?!

Со стороны поза, в которой мы стоим, наверняка похожа на то, что парень ласкает губами свою девушку. Еще не целует, нет. Лишь дарит нежную ласку, что является сладкой прелюдией к поцелую. Но почему же мне так горько от этой нежности...

— Спор был на то, что ты меня полюбишь.

— Оу, ну тут тебе точно ничего не светит! Ты продул, Дамир, — злорадствую я, нервно усмехаясь, хотя у самой сердце в клочья, а от душевной боли мутит сознание, перед глазами все плывет от пелены непролитых слез, — никогда тебе не победить в этом споре! Потому что Я. Тебя. Ненавижу! — выкрикиваю, четко разделяя каждое слово.

— Посмотрим... — все также прижимаясь к моим губам и глядя мне в глаза, произносит Дамир, а затем разворачивается и уходит.

Громко хлопает дверь. Сползаю по стенке на пол и из глаз прорываются первые слезы. Долго же я продержалась.

Знал бы он, что уже победил... Но я ни за что ему в этом не признаюсь. Не теперь...

Дамир

Блядь!

Да ну нахуй!

Как?! Вот как вся эта херня могла с нами произойти?

Еще утром Ника стонала и извивалась в моих объятиях, пока я вколачивался в ее податливое, гостеприимное тело, принадлежащее только мне.

А что сейчас?

Сейчас у нас глобальный пиздец!

Когда увидел по метке геолокации, что она в общаге, сразу понял, что что-то случилось. На душе заскребли кошки. Ну не ушла бы Ника из универа, не предупредив меня. Тем более, если бы стало плохо. Да, даже если бы и ушла, то домой. К нам домой, а не в общагу. А то, что она там, могло означать только одно — какой-то лютый треш произошел именно в наших отношениях, между нами. Но что могло спровоцировать этот звездец?

Я помнил только об одной причине...

Но как? Нет, она не могла узнать! Я же только несколько часов назад все решил по этому поводу. Отвалил кучу бабла той суке, что затеяла все это, договорились, что она свалит из универа и города. С пацанами порешали, что они все молчат, потому что поняли, что я по-серьезному влип... Влип в отношения... Влип в чувства... Влип в Нику... Парни хоть и безбашенные и иногда творят такую дичь, что хоть за голову хватайся, но тут все отнеслись с полным пониманием.

Так что все было улажено! Тогда как? Еще на подъезде к общаге надеялся, что я ошибаюсь, что это просто, как это называется у девчонок, ПМС какой-нибудь. И тогда было бы не страшно. Тогда бы все можно было уладить. Извинения, подарки, ласки, знакомство с моими родителями, чтобы Ника понимала всю серьезность моих намерений по отношению к ней. Поездка в горы на Новый год, в конце концов! Можно было бы придумать еще кучу разных способов, как вымолить прощения у Ники, пусть даже и не понимал в чем накосячил.

Но, когда увидел ее в комнате, когда поймал ее взгляд... Холодный, чужой, полный слез и боли... Понял тогда, что нет, никакой это не ПМС. Это пиздец! Она откуда-то узнала.

Когда подходил к ней, прикасался, чувствовал ее отклик. Моя девочка не понимала реакций своего тела, она продолжала ко мне тянуться. А надрыв в ее хриплом голосе, сорванном от слез, криков и рыданий, когда она кричала о том, что я ее предал... Боль в ее глазах... Это все давало мне надежду на то, что я могу еще исправить все. Могу! Мне надо в это верить, потому что иначе это все! Иначе я сорвусь.

Ушел тогда только чтобы не делать своей любимой девочке больнее. Понимал, что сейчас она не готова меня услышать и понять.

Ненавидит она меня... Смешная. Она меня любит. Любит также сильно, как и я люблю ее. Пусть она этого не говорила еще ни разу. Но все это видно в каждом ее жесте, в каждом взгляде, в каждом крике. Да даже том, с каким надрывом, сжимая кулаки, впиваясь ногтями в свои ладони до крови, она кричала как сильно меня ненавидит.

Вылетел из комнаты, чтобы дать ей возможность дышать. Остановился в коридоре, услышал рыдания. Блядь, как она кричала. Хотелось разнести к херам гребаные стены, лишь бы вернуться, схватить, унести, защитить, только бы унять ту боль, что сейчас с каждым ее

болезненным воплем вырывалась наружу, разрывая попутно и меня в клочья. Но, осознавая, что именно я — причина такого ее состояния, ушел прочь.

Сейчас у меня есть дела поважнее. Пора бы выяснить имя того смертника, который рассказал Нике про спор, умолчав о важных деталях. Например, о том, что пошел я на это только лишь для того, чтобы мою девочку не тронул никто из пацанов. Знаю я, как они, порой не желая напрягаться и ухаживать за девушками, угощают их коктейлями с “секретным” ингредиентом. Ничего запрещенного. Просто смесь трав, усиливающих либидо. Но в купе с алкоголем — это мощнейший афродизиак. И здесь, зная характер Ники, точно бы не обошлось без него.

Но как это все объяснить ей? Она ведь и слушать не станет.

Так! Выдыхаю!

— Серый, дома? — набираю брата.

— У родителей.

— Скоро буду. Не уходи никуда.

— Брат, ты в норме? — беспокоится младший.

— Нет, — хриплю в ответ и отбиваю звонок.

Срываюсь с места. Надо подумать. Понять, как все узнать и действовать дальше. А брат поможет. Заодно и отвлечется от своего треша, что творится в его жизни тоже, кстати, из-за девчонки, разгребая мой.

Пиздец. Вот это мы с ним попали...

Подъезжаю к дому родителей, паркуюсь. Смотрю на свои руки, покоящиеся на руле и замечаю, как пальцы дрожат. Пиздец, надо успокоиться. Заглядываю в зеркало заднего вида. Да уж, ну рожа, перекошенная яростью. С таким лицом перед матерью появляться стыдно. Закрываю глаза, пытаюсь выровнять дыхание. Не помогает, потому что стоит только прикрыть веки, как всплывают картинки нашего с Никой утра: нежность, поцелуи, ласки, ее тихий шепот мне на ухо, хриплые стоны и бархатная кожа под моими губами. А потом вспышка и ничего, кроме боли и ее слез больше не мелькает.

— Ничего, Зеленоглазка, — говорю сам себе, — мы со всем справимся. Все будет хорошо. Просто ты пока об этом еще не знаешь.

Делаю пару глубоких вдохов и, наконец, выхожу из машины.

Входная дверь открывается, на пороге стоит мама.

— Дамир, сынок, здравствуй, — мама тепло улыбается и тянется ко мне, чтобы обнять. — Что случилось? — чувствует, как меня колотит. Черт, не могу успокоиться!

— С чего ты взяла, мам? — обнимаю в ответ, — и привет!

— Ты проходи, проходи, — отходит в сторону, пропуская меня в дом. — Я только пирог из духовки достала. Твой любимый, кстати, с грушей. Чай тоже горячий. Иди мой руки и проходи на кухню.

— Мам, я не...

— Ничего не хочу слышать! — строжится, но при этом в глазах плещется безграничная материнская любовь. — Ты и так редко бываешь дома. выпьем чаю и поговорим.

— Серега...

— Также его позову. Все, иди умывайся, — подталкивает меня в сторону ванной на первом этаже. Может, действительно, стоит выдохнуть и взять паузу, чтобы не наломать дров.

Сдаюсь и топаю мыть руки. Мама всегда умела меня уговаривать. В отличие от отца,

она всегда видела во мне сильный характер и понимала, что меня нельзя заставлять. Упрям и сделаю все иначе, чем мне велят. Даже если и во вред себе. Благо, мама вовремя уловила эту черту моего характера и всегда очень мудро направляла меня. Когда я вырос, она предоставила мне возможность самому принимать решения. Но и за последствия отвечать тоже. Очень уважаю ее за такой подход. И благодарен ей, что и отцу она в свое время тоже посоветовала такую модель поведения в воспитании меня. Наверное, только благодаря этому у нас и по сей день в семье сохраняются очень теплые отношения. Мы с Серым любим родителей, родители безгранично любят нас. Хочу, чтобы в моей семье тоже было также.

Пока в голове крутятся все эти мысли, подмечаю, что немного ярость отпускает. Голова начинает мыслить более трезво. Накидываю план действий. Сначала постараться узнать, как именно Ника узнала о споре и какая версия открылась ей. А дальше по ситуации. Такой вот недоплан, но другого у меня нет. Слишком много неизвестных в уравнении. Меня не волнует сколько трудностей придется преодолеть. Главное итог. А итогом будет то, что я верну себе свою девочку. Без вариантов!

Прохожу на кухню и словно в детство попадаю. Запах пирога, суемящаяся у плиты мама, Серый сидит на своем месте у окна и во главе стола отец.

— Привет, бать, — подхожу к отцу и протягиваю ему руку.

— Рад видеть, сын, — встает, обнимает и похлопывает по плечу. — Наслышан о твоих успехах на сборах. Горжусь.

— Спасибо.

— А в остальном как дела? — отец присаживается на свое место, приглашает меня к столу. Мама тут же ставит перед нами румяный пирог и кружки с чаем.

— Нормально, — не спешу посвящать родителя в свои проблемы.

— А теперь правду, сын, — батя приподнимает бровь и ждет ответа. Хмыкаю, отводя взгляд. Реально, как в детстве. Ничерта от него не утаишь. Любой косяк, а он уже в курсе.

— Хреново, бать, — признаюсь. Ну а что, он мужик мудрый. Может, посоветует чего. С Серым ведь помог разрулить. Ну, насколько это возможно было. Дальше брат там сам со своей пассивой решает.

— Весь внимание, — отец отодвигает тарелку с пирогом и смотрит на меня в упор. Ждет, когда расскажу.

— Меня девушка бросила, — блядь, даже произносить эту фразу больно. Организм просто напрочь отторгает эту информацию. — Ну, точнее, она думает, что бросила.

— А это, стало быть, не так? — уточняет отец.

— Не так, — киваю.

— И что же заставило ее так думать?

И я рассказываю все, как было. От начала до самого конца. Умалчиваю только об интимных подробностях. Отец с братом внимательно слушают. Брат не в курсе только самых последних событий, связанных непосредственно с самой ссорой, так как на разговоре со всеми причастными к спору несколько часов назад он тоже присутствовал. Мама охает и ахает. Мне даже пару раз легонько прилетает от нее кухонным полотенцем по плечу. Первый раз за то, что не привел познакомиться с родителями, когда она узнала, что мы с Никой уже какое-то время живем вместе. Второй раз за то, что девочку сильно обидел. И если по первому пункту я не согласен — тут всему свое время, Ника не была готова к знакомству. То по второму пункту без вопросов и возмущений принимаю наказание. Сам бы еще добавил.

— Вот, что я тебе посоветую сынок. Ситуация, конечно, дрянь, — отец косится в

сторону мамы. Она очень не любит, когда за столом выражаются. Обалдеть можно! Матерый, brutальный мужик боится реакции маленькой, хрупкой женщины. Круто! Но вот как эти маленькие женщины, как мама и Ника, держат в своем малюсеньком кулачке нас мужиков? Магия просто... — Для начала нужно понять, в какой момент Ника узнала все. Ведь ей наверняка поведали очень и очень искаженную версию.

— Тоже так думаю, — соглашается брат. — Если ты говоришь, что утром повез ее в универ и все было хорошо, а в общагу она ушла даже не досидев свои пары, то итого мы имеем интервал с восьми утра до часу-двух дня.

— Надо просмотреть записи с камер наблюдения на этажах, согласно ее расписанию. Бать? — вопросительно смотрю на отца. Одна из его фирм занимается установкой и обслуживанием оборудования для видеонаблюдения. И именно его фирма обслуживает и наш университет. Все видеонаблюдение заменили где-то два с половиной года назад. Почти сразу после поступления Сереги в университет. Уж не знаю, за безопасность младшего сына отец переживал или все же хотел контролировать, чтобы тот ничего не натворил. Но не суть. Главное, что не придется ждать разрешения от ректора на просмотр записей.

— Позвоню ребятам. Они организуют просмотр записей. Езжай в офис. Там дальше видно будет, что делать. Но! — отец тормозит меня, буквально за руку хватая, когда я уже быстро поднимаюсь со стула и хочу рвануть в сторону выхода. — Первое — брат едет с тобой. Ты сейчас слегка на взводе.

— А второе? — спрашиваю.

— Смотришь, анализируешь и едешь сюда. Мы обсуждаем и думаем, что делать дальше. И я тебя прошу, сынок, не наломай дров!

— Отец, я...

— Ну что “отец-отец”? Я вижу, как эта девочка тебе дорога. И поправь меня, если я ошибаюсь, но у меня ощущение, что ты готов голову оторвать тому, кто виновен в вашем с ней разладе. — Отец выжидательно смотрит на меня, я киваю. С его словами не поспоришь — все по существу. — Вот и я о том. Поэтому, никаких отклонений от плана. Смотришь записи и обратно сюда. Ты, — указывает на брата, — отвечаешь за него.

— А ничего, что я, так-то, младший? — лыбится Серый, пытаясь немного разрядить обстановку.

— Из вас двоих ты сейчас самый адекватный. Все, идите. Вас в офисе встретят.

Получив одобрение отца, мы с Серым стремительно покидаем дом, прыгаем в мою тачку и едем в офис к отцу. Все же правильно я поступил, что рассказал отцу. У меня, конечно, тоже сразу в голове возникла идея просмотреть записи с камер наблюдения. Но без участия папы это было бы весьма проблематично — получить доступ к записям. Только через ректора, а он в отъезде. И все это затянулось бы на несколько дней. А несколько дней без своей девочки я не выдержу.

При въезде на территорию нас уже встречают.

— Дамир Русланович, Сергей Русланович, — к нам подходит высокий мужчина в костюме. Жмем руки. — Руслан Тимурович предупредил, что вы приедете и просил вам посодействовать. Меня зовут Виктор. Пройдемте.

Мы устраиваемся в небольшом кабинете с несколькими мониторами. Начинаем просмотр. Вижу, как Ника заходит в аудиторию на вторую пару. Через полчаса выходит и идет быстрым шагом в сторону женских туалетов. Так как мы смотрим ускоренную запись, сложно оценить сколько времени проходит, когда я вижу, как в туалет заходит компания из

трёх девушек. Знакомых девушек. И после того, как они покидают туалет, выходит Ника и на ней просто нет лица. Глаза заплаканные, потухшие. Ставлю видео на паузу, прошу приблизить изображение. Да, это именно тот момент. Момент, когда она поверила в то, что я ее предал. И теперь я совершенно точно знаю, кто в этом виноват. И виновница ответит за каждую слезинку моей малышки.

Отмотав запись чуть назад, снова ставлю паузу, но уже глядя на совсем другое лицо. Одна из трех девок, что выходили из туалета — Оля. Та самая сука, которой я бабла отвалил нехилого, чтобы она свалила из универа. Видимо, мозгов у нее совсем нет, раз решила против меня пойти.

— Убью! — рычу и, с силой оттолкнув стул, на котором сидел, вылетаю из кабинета.

Ника

Я потерялась...

В пространстве... Во времени... В себе...

Ощущение, что я брожу по какому-то темному лабиринту и никак не могу найти выход. После нашей ссоры с Дамиром прошло уже... А не помню я сколько прошло дней. В голове вакуум и лишь одна пульсирующая, назойливая мысль не дает мне покоя: как он мог???

На учебу я откровенно забила. Благо, что получилось больничный оформить, потому что то ли на фоне стресса у меня такое состояние, то ли я чем-то отравилась, но я слегла с дичайшей слабостью и тошнотой. Буквально каждый час бегаю в уборную навестить керамического “товарища”. Наверное, словила еще и передоз от успокоительных. Ведь первые несколько дней я не могла успокоиться. Ревела постоянно. Слишком больно, слишком обидно. Аврора даже хотела Коту звонить, но я убедила ее, что со мной все в порядке. И продолжила плакать, но теперь уже втайне от нее. Хотя, если судить по ее странным сочувствующим взглядам по утрам, не сильно-то и получается у меня скрывать.

Смотрю на календарь. Оказывается, в таком “коматозе” я уже десять дней. И надо бы уже взять себя в руки, не сошелся ведь свет клином на одном лишь мужчине, пусть и любимом... Но не могу. После нашего расставания в душе такая горечь и обида, а сердце, глупое, все равно разрывается от тоски и хочет верить, что все не так, как кажется. Но хорошо, что я реалистка. И, спасибо моему брату за непревзойденные мудрые советы, не верю в чудеса и теперь уже не верю мужчинам.

Надо встать. И хотя бы выпить чаю. А то уже и не помню когда ела в последний раз. Кажется, позавчера. Аврора не на шутку рассердилась, что я убиваюсь из-за, как она выразилась, самого законченного засранца, который даже в университете не появляется. Интересно, кстати, почему? Не хочет со мной пересечься? Проиграл спор и решил уйти из университета? Но это ведь глупо. На последнем-то курсе и с такими успехами и перспективами в спорте!

Торможу себя. Какое мне дело до его успехов и перспектив?!

От тяжелых мыслей меня отвлекает звонок мобильного.

— Привет, Костя! — отвечаю на видеовызов, шустро натягивая маску “счастливой студентки”. — Как дела?

— Привет, Ник, — брат смотрит на меня любящим взглядом. Боже, как же я по нему соскучилась. За все время, что я нахожусь в подобном состоянии мы с ним созвонились впервые. — Я скучал, сестренка, — хрипит Кот.

— И я скучала, братик, — только не реветь! Только не реветь!

— Ник, ты в норме? Выглядишь так, словно плакала долго или болеешь. Что с тобой?

— Котик, не переживай, — стараюсь придать бодрости виду и голосу, но последний, зараза, подводит и срывается. А кому как не брату знать, когда мне откровенно хреново. — Я в порядке. Просто учебы много, устала.

— Кому другому заливай, Ник!

— Костя...

— Кто тот смертник, что тебя довел до такого состояния? Ты себя в зеркало видела? Вместо глаз какие-то серо-синие провалы, кожа да кости, бледнящая как призрак. Это по-

твоему нормально?

— Ну, спасибо за комплименты, братик! — смеюсь и понимаю, что смеюсь искренне. Впервые за эти такие трудные для меня дни. — Мне так тебя не хватает, Кот! — не выдержала. Слезу градом льются из глаз. — Так не хватает тебя!

— Ник! Ника! Малышка моя маленькая, ты только не плачь! Мы все решим, Ник! Слышишь? — брат беспокоится, нервничает, начинает вышагивать по комнате, а я понимаю, что не должна так себя вести, но не могу остановить очередную свою истерику. Просто смотрю на него и молча всхлипываю, зажав рот ладонью. — Я приеду, Ник. Сейчас поговорим с тобой, забронирую билет и прилечу к тебе первым же рейсом.

— Ты что, Костя? Не надо. У тебя дел по горло, сам же писал, что сейчас самый аврал к концу года.

— Я тебя не оставлю одну в таком состоянии! — похоже, что он решительно настроен приехать, а, значит, до конца разобраться в том, что случилось. Не хочу, чтобы он погружался в мои проблемы. Не хочу, чтобы он смотрел на меня с видом “я же говорил”... Не хочу быть неудачницей в его глазах!

— Костя, я не одна. Со мной Аврора. Все будет хорошо, просто приболела немного, — решаю сказать часть правды, чтобы хоть немного остудить его пыл. — Сейчас мне уже лучше. Через пару дней уже полностью приду в себя. И, по правде говоря, я уже настроилась на то, что приеду к тебе на Новый Год. Помнишь, ты приглашал? — перевожу тему в более безопасное русло.

— Конечно, помню. И что значит “приглашал”, Ник? Тут твой дом, если захочешь. И я, и бабушка будем очень рады, если ты переберешься в Прагу окончательно. Но ты ж у нас упрямая... — черты лица Кости немного смягчаются и он даже улыбается. — Может, прямо сейчас заберешь документы и переедешь сюда?

— Давай компромисс, Кот? — идея переехать жить в Прагу и впрямь весьма привлекательная. Подумаю над ней основательно чуть позже. — Я приеду на праздники, побуду с вами. По итогу и решу, где мне будет лучше. Договорились?

— Раз так тебе будет лучше, то договорились. Жду тебя на праздники. И подругу свою прихвати, я обещал и ей каникулы, — наконец, Костя улыбается своей невероятно обаятельной улыбкой. Понимаю почему девушки сами на него вешаются — он у меня красавчик, каких поискать. — Приезжайте на сочельник. Гуляния начнутся с двадцать четвертого декабря. Будет красиво и весело. Как ты на это смотришь?

— Было бы здорово! У Ро, кажется, к тому времени уже все зачеты будут стоять, если она на следующей неделе сдаст последний. Но теперь, с учетом такой мотивации, думаю, что зачет у нее в кармане.

— А у тебя?

— У меня тоже на следующей неделе два зачета, но там “автоматы”, нужно только к преподавателю подойти и проставить в зачетку. Экзамены начнутся одиннадцатого января. Так что, я точно смогу прилететь к началу торжеств.

— Ну, тогда бронирую вам билеты. Пришлешь мне фото паспорта Авроры?

— Да, конечно. Она придет минут через тридцать-сорок, тогда и пришлю.

— Хорошо. И, Ник?

— М?

— Я рядом. Помни об этом, пожалуйста. Я ж за тебя, Ник... Я ж любого! — официально заявляю, что у меня самый лучший брат. Его поддержка — это что-то с чем-то.

— Я знаю, Котик. И я помню. Ты не волнуйся за меня, ладно? У меня, правда, все хорошо. Скоро увидимся!

— Пока, сестренка.

— Пока, Костя. Бабуле привет от меня! Передай ей, что я ее очень люблю.

— Передам. Пока.

После разговора с Костей мне становится чуточку легче. Наверное, потому что у меня, вроде как появился какой-никакой, но все же план действий. Побуду в Праге, а там уже решу, что делать дальше и стоит ли возвращаться. Пару недель до отъезда уж как-нибудь протяну. Тем более, что Дамир не появляется на горизонте, не звонит и не пишет. Значит, не только я избегаю его, но и он меня. Справлюсь. Нам бы главное не пересечься. А то я не знаю, как среагирует мое глупое сердце, которое, чего уж врать самой себе, все еще любит этого предателя.

Приняв душ, я силой впихиваю в себя бутерброд с сыром, запиваю сладким чаем и с удивлением обнаруживаю, что меня не тошнит. Все же разговор с Костей привел меня в чувство. Но слабость все еще присутствует в теле. Поэтому, после перекуса, я ложусь спать.

Меня будит Аврора. Как обычно, спрашивает о моем самочувствии. Отмечает, что я выгляжу уже получше. Я рассказываю ей о разговоре с братом, о том, что мы с ней летим в Прагу. Затем двадцать шесть минут слушаю радостные визги. Серьезно, я засекала! Потом все же отправляю Косте фото наших паспортов. И уже через час он присылает нам наши электронные авиабилеты в бизнес-класс.

Круто! Скорей бы улететь отсюда. Но впереди еще почти две недели учебы, лекций и практических занятий. Я и так с этой болезнью и душевной хандрой столько долгов нахватала, что волосы дыбом встают. Надо бы с ними разобраться побыстрее. Решаю завтра же отправиться на учебу. Нельзя и дальше сидеть в четырех стенах.

— Я рада, что тебе лучше. Тебя отпустило? — участливо интересуется подруга, когда мы с ней перед сном пьем чай.

— Нет, — признаюсь честно, — но я справлюсь.

— Слушай, я тут подумала... — Аврора волнуется, от нервов рвет салфетку, что у нее в руках, на маленькие кусочки. Значит, дело серьезное. — В общем, вот!

Ро вынимает из кармана своего любимого плюшевого худи белого цвета коробочку, упакованную в прозрачную пленку. По началу разобрать не могу, что она мне дает.

— Что это? — протягиваю руку, забираю загадочную коробочку у Авроры. Рассматриваю и у меня холодок бежит по коже. — Это... Это же... — теряю дар речи.

— Да, Ник. Это тест на беременность. Вся эта твоя слабость и тошнота... Я думаю, что тебе стоит все проверить.

— Нет, нет, нет... Не может этого быть... — меня начинает трясти. Боже, ну что я за дура такая! Как сама не подумала об этом? Я же столько всего позволяла Дамиру, он столько раз в меня кончал, но ведь это были безопасные дни!

— Безопасных дней не существует, Ника, — с сочувствием говорит подруга, и я понимаю, что последнюю фразу сказала вслух. — Когда у тебя последний раз были месячные?

Судорожно пытаюсь восстановить в голове все данные, числа, даты. Но ничего! Абсолютно ничего не помню!

— Я не помню, — шепчу едва слышно. — Ро, что делать?

— Для начала, отставить панику! — подруга берет меня за руку и тянет в сторону

туалета. — А дальше... — пауза. — А дальше проверить мои догадки. Так что давай, я ж не зря в тебя две кружки чая влила, — улыбается и мне становится чуточку легче. По-прежнему страшно, но уже не до обморока, в который я собиралась бухнуться мгновение назад. — Вперед и с песней!

— А что, если...

— А вот о случае “что, если...” будем думать после того, как сделаешь тест. Все, иди писай.

Захожу в уборную. Пару минут смотрю на себя в зеркало и думаю как же я до такого докатилась? Что мне делать, если подозрения Авроры, да и мои уже, подтвердятся. Немного задираю вверх футболку, касаюсь ладонью плоского живота... Нет, не представляю, как это...

Страшно...

Я не готова... Совсем. Только не сейчас, пожалуйста.

Проведя все необходимые манипуляции, кладу тест-полоску на раковину. Жду положенные три минуты. В голове за это короткое время столько всего проносится... Столько воспоминаний. Столько картинок нашей близости с Дамиром. Что же делать, если...

Телефон издает писк. Время ожидания вышло, пора узнать результат.

Смотрю на пластиковую палочку размером с шариковую ручку и взгляд цепляется за четкую красную полоску. И можно было бы выдохнуть, если бы рядом с первой не сияла такая же вторая... Яркая такая, словно по бумаге в одном месте несколько раз провели красным маркером.

— Ну, привет, малыш... — снова кладу ладонь на живот, из глаз ровными ручейками по щекам бегут слезы. — Ох, и попали мы с тобой...

Ника

Говорят, “шок — это по-нашему”! Да, уж... Теперь я тоже знаю, что такое настоящий шок.

Четыре дня назад я узнала, что ношу под сердцем ребенка от того, кто меня предал. Вот как раз в момент, когда увидела две полоски на тесте, я и испытала тот самый шок. Если честно, то у меня случилась паника. Я выбежала из туалета, дрожащими руками показала Авроре результат. Потом разревелась. И Ро со мной за компанию. Немного успокоившись и умывшись, мы легли спать, а на следующий день, с самого утра я отправилась в одну из лучших женских консультаций нашего города. Там опытный врач, кандидат медицинских наук Вера Ивановна Алябьева, провела полный осмотр, задала кучу вопросов, от которых у меня горели уши и щеки, но я старалась отвечать предельно честно. Когда очередь дошла до вопроса о методах контрацепции, которыми мы с моим партнером, а имя Дамира я не афишировала, пользовались, я готова была сквозь землю провалиться. Потому что мои убеждения в эффективности прерванного полового акта Вера Ивановна еще любезно не прокомментировала. Только глаза закатила, типа чего с нее взять, со вчерашней девственницы-то... А вот на теме “безопасных дней” ее и прорвало. Она, конечно, старалась говорить мягко, но видно было, что она думает об этих “днях” и сколько нас таких, кто свято верил в то, что во время этих самых “безопасных” дней риска забеременеть нет, а потом все же оказывался у нее на приеме.

Судя по анализам и результатам УЗИ, забеременела я практически сразу, как только мы с Дамиром начали наши отношения. На вопрос Веры Ивановны оставлю ли я ребенка, я ответила утвердительным “Да”, не колеблясь ни секунды. Ну а что? Заберу документы из университета, перееду в Прагу к брату и бабушке. Справимся. Только вот как сообщить брату новость, что он станет дядей, а бабушке, что она уже, вроде как, прабабушка, я пока не знаю. Оказывается, я та еще трусиха.

Врач прописала мне кучу витаминов, поругалась на то, что мой организм совершенно изможден. Велела беречь себя и исключить стрессы.

С последними двумя пунктами, как ни странно, у меня пока неплохо получается. Ведь главная причина моего возможного стресса так и не появляется в поле моего зрения. Это ведь к лучшему, да?

Мы с Авророй идем по студгородку в сторону кафе. Решили на большой перемене съесть по булочке “Синаббон” и выпить вкусного чая. На крыльце у кафе я замечаю Сергея, брата Дамира. Он что-то бурно обсуждает со смутно знакомой девушкой. Кажется, я видела ее, она учится то ли с самим Сергеем, то ли с Дамиром. Но я точно видела ее в их компании летом.

Сергей замечает нас с Ро и двигается в нашу сторону. Не готова я сейчас разговаривать с ним. Хоть он и ни в чем не виноват, все же он ярчайшее напоминание о Дамире, а мне нервничать нельзя. Поэтому я, шустро развернувшись на сто восемьдесят градусов, двигаю в сторону общежития.

— Ника! — черт! Неужели догонит? У него что своих дел мало. Ро семенит за мной. — Ника, стой! — Сергей нагоняет нас буквально за несколько секунд и прихватывает меня за локоть. — Привет.

— Привет, Сереж, — выдавливаю из себя улыбку, — у тебя срочное что-то? Мы очень спешим. Да, Аврора?

— Да-да, очень спешим! — не теряясь, подыгрывает подруга.

— Вы же, кажется, в кафе шли? — прищуривается. Все-то он подмечает! Ох, уж эти Громы! — Так что можем вместе выпить кофе. Идем?

— Сереж...

— Ника, нам надо поговорить. Я тебя уже почти две недели выцепить никак не могу. Дамир... Он...

— Зачем? — перебиваю, не дослушав то, что хочет сказать Сережа. Да, невежливо и грубо, но я не хочу ничего слышать о том, кто растоптал мое доверие. — Зачем тебе это? Боже... Ты же и сам прекрасно знаешь, что между нами произошло! Знаешь, что он сделал! — начинаю кричать. Нервы сдают. Только бы не заплакать.

— Ник, тише, не нужно, — аккуратно поглаживая по плечу, успокаивает Аврора.

— Не хочу ничего о нем слышать! Знать твоего брата не хочу! — последнюю фразу выплевываю с едва сдерживаемой злостью.

— Ты не все знаешь, Ника, — настаивает на своем Сережа.

— Я знаю достаточно. Не нужно пытаться его оправдывать. Дамир поспорил на меня, а я, как последняя дура, повелась на его слова и якобы сильные чувства. Что ж, молодцы, поржали! Весело было? — во мне все клокочет от ярости. — Если его беспокоит, что он проиграл спор, то это не моя проблема!

— Ты же тоже его любишь, Ник, — продолжает этот защитник. Адвокат дьявола, блин! — Дай ему шанс все объяснить.

— НЕТ! — тыкаю указательным пальцем в грудь Сергея, — Нет! Я его не люблю! НЕ ЛЮБЛЮ!

Все, хватит с меня! Молча разворачиваюсь и возвращаюсь в университет. Подруга идет рядом. Молчим. Слава богу, что Сергей не стал нас догонять на этот раз. Я бы больше не выдержала. И так на ресницах слезы стынут, но я креплюсь.

Заходим в учебный корпус, сдаем верхнюю одежду в гардероб. Хотя и остается еще целых пятнадцать минут до начала пар, но в столовую я уже не пойду — аппетит пропал.

— У меня сейчас пара на третьем этаже, потом окно и после ещё одна, — говорит Ро. — А ты во сколько освобождаешься?

— У меня сейчас еще одна пара и все, — отвечаю, доставая вибрирующий телефон из сумки. Снова незнакомый номер. Чует мое сердце, что я знаю кому он принадлежит. Как и предыдущие девятнадцать штук, которые я отправила в черный список сразу следом за номером Дамира. — Черт!

— Снова он?

— Похоже на то. Надо было не его номера банить, а свой поменять. Сразу после пар зайду в салон связи и куплю новую карту. Так что какое-то время буду недоступна, потом сразу скину сообщение тебе.

— Хорошо. Только будь осторожна. На улице скользко.

— Слушаюсь, мамочка! — смеюсь, прикладываю ладонь к голове, отдавая честь самопровозглашенной заботливой курочке-наседке. После того, как я сказала Ро, что оставляю малыша, она трясется надо мной, как над хрустальной. С одной стороны, это иногда дико бесит, а с другой — я бы, наверное, без нее просто свихнулась.

— Очень смешно! — картинно возмущается подруга, а потом, смеясь, показывает мне

язык и убегает на пару.

Оставшись в одиночестве, решаю все же сходить в столовую и перекусить, а то начинает немного подташнивать. А у меня это первый признак того, что я проголодалась. По пути в столовую мне становится как-то не по себе. В ушах гудит, голова чугунная, а в глазах периодически то темнеет, то все плывет. Останавливаюсь, облокотившись на стену, пытаюсь продышать тошноту и хоть как-то прийти в себя. Во рту сухо, как в пустыне. Воды бы...

— Эй, ты в порядке? — смутно знакомый голос рядом. Какая-то девушка. Поворачиваю голову. Передо мной та самая незнакомка, с которой у кафе разговаривал Сережа. — Ау! Ты меня слышишь? Может, тебе воды?

— Да, пожалуйста, — хриплю в ответ.

— Слушай, до куллера тут далековато, а ты вот-вот в обморок шмякнешься. Вот, возьми мою бутылку. Она чистая, я из нее еще не пила, только открыть успела, — подает мне бутылку с водой и я жадно начинаю вливать в себя желанную жидкость.

— Спасибо, — становится легче почти сразу. Ого, что ж это такое со мной было? Неужели от голода? Надо бы не нарушать режим, а то еще маленькому наврежу. — Спасибо большое. Я Ника, — все же нужно представиться, а то человек помог. Невежливо как-то...

— Я Оля. А тебя я знаю, ты девушка Дамира Громова.

— Что?

— Ну, вы же вместе. Об этом весь универ гудит, — вот только слухов мне еще не хватало... Интересно, в этих слухах есть что-нибудь о его споре?

— Мы не вместе, нет, — отрицательно качаю головой.

— Вот как... Я думала, что у вас чуть ли ни свадьба на носу. Ну, с учетом твоего "положения", — она демонстрирует "кавычки" и указывает взглядом на мой живот. И снова шок!

— Как? — голос от волнения осип, но я прочищаю горло и продолжаю говорить, — с чего ты вообще взяла, что я... Что мы... — Боже, если знает она, то Дамир тоже? Или нет? — Я не беременна! Ты ошиблась! — заявляю уже твердо, взяв себя в руки.

— Странно... Не может такого быть. Я видела тебя в женской консультации, слышала твой разговор с Авророй, — продолжает настаивать на своем Оля. — Но ты не бойся, я не из болтливых и никому не скажу о вашем секрете, — улыбается и подмигивает мне. А мне почему-то становится дико не по себе рядом с этой девушкой, словно от нее веет какой-то наигранной заботой, а это весьмастораживает. — Тебе уже лучше, я смотрю. Ты допила? — выхватывает из моих рук пустую бутылочку от воды. — Я заберу ее, ладно? Она мне нужна.

— Давай я в столовой куплю тебе новую? — не отпускаю бутылку из рук, Оля выдергивает ее с силой.

— Нет, мне нужна именно эта! — шипит злобно. Но потом будто берет себя в руки, понимая, что ведет себя, мягко говоря, странно и добавляет уже мягче: — Тут просто промокод на этикетке. Ну пока! Рада была познакомиться, Ника.

Оля разворачивается на каблуках и быстрым шагом скрывается за углом, где расположена лестница, ведущая наверх. Странная какая-то... Но я не успеваю подумать обо всех ее странностях, потому что меня одолевает паника, что если она тусуется в компании Сергея и Дамира, то где гарантии, что она не расскажет кому-то из них о моем секрете?

Надо бежать! И бежать подальше! В Прагу! Потому что моя и без того расшатанная нервная система не выдержит разборок с Дамиром по поводу моей беременности. Я ведь

еще не решила говорить ли ему о том, что у нас будет малыш.

Прислушиваюсь к своему состоянию. Вроде, все хорошо. Странный приступ слабости прошел. Наверное, очередное проявление токсикоза. Вера Ивановна говорила, что он у всех разный.

В столовую уже не успеваю, а потому по пути на пару перекусываю ореховым батончиком. Мммм, вкуснятина!

После занятий забегаю в салон связи, покупаю себе новый номер и уже в общезитии, сидя в кровати и греясь после уличного мороза, отправляю сообщения Косте, бабуле и Авроре с просьбой сохранить мой новый номер.

Клонит в сон. Сильно. Тяжело сопротивляться. Веки словно свинцовые, закрываются сами, а открыть их совершенно невозможно. Наверняка, снова моя “тема”. Заваливаюсь на кровать и погружаюсь в блаженную темноту.

Сквозь сон слышу крики Авроры. Чувствую, что она меня трясет за руку. Больно. Но глаза открыть по-прежнему не могу.

— Алло, скорая! Пожалуйста, приезжайте скорее! Адрес...

Странно, кому Ро скорую вызывает. Может, кому-то из соседей плохо?

— Дамир! Дамир! Ника, она... — ну что ты творишь, Аврора! Так и хочется встать и наорать на нее! Зачем она ему звонит? — Что? Да, сейчас. Все ты на громкой.

— Ника? Ника? — слышу такой родной голос, но почему-то сильно взволнованный. — Ника, проснись, малышка!

— Дамир, я не могу ее разбудить, — в слезах кричит подруга. Кого она не может разбудить? Меня что-ли? — И кровь... Тут так много крови...

— Блядь! — рычит Дамир. — Я еду уже! Еду! В скорую звонила?

— Конечно, сразу же, как ее нашла. Только потом тебе. Дамир, что делать?

— Я подъезжаю. Через три минуты буду. Не отходи от нее ни на шаг, пытайся разбудить.

Дальше слышу только всхлипы Авроры. Но глаза так и не открываются. Боже, что происходит? Почему мне так трудно удержаться на плаву? Я словно погружаюсь на глубину, прижатая бетонной плитой.

Ро говорила что-то про кровь... Нет, только не мой малыш... Я ведь уже привыкла, что он у меня есть.

Это последняя моя мысль, которая успевает промелькнуть в моей голове. Дальше дикий грохот, крики... Потом я словно парю по воздуху. Снова шум. Кожу почему-то покалывает будто от мороза. Чувствую чье-то горячее дыхание у виска и едва различимый шепот: “Все будет хорошо”. А затем сознание все же уплывает...

Дамир

Что я знал о страхе? Как выяснилось, ни хрена. Потому что то, что я испытал, пока нес бледную, хрупкую, будто сломанную куклу, Нику до кареты скорой помощи, было для меня абсолютно новым чувством, которое и страхом-то назвать сложно. Этому чувству больше подойдет название лютей ужас, от которого кровь не то, что стынет в жилах. Она просто испаряется и ты, вроде как, больше не живешь. Все процессы в организме замедляются и трудно даже сделать очередной вдох. Вот, что я испытывал в те мгновения, что казались вечностью.

После того, как я сорвался и из офиса отца рванул напрямик к той, что своим идиотским вмешательством в мою жизнь, граничащим с одержимостью, отец поставил мне условия, которые я не мог нарушить. Все дело в том, что когда я добрался до Оли, чуть не придушил суку. Серый едва разжал мою руку на ее шее. Я уже видел, как она краснеет... Чувствовал ее пульс и не готов был останавливаться. Такую ярость я не испытывал раньше. Понимал, осознавал, что не смогу сам остановиться. Поэтому был безмерно благодарен брату, что он был со мной в этот момент и оторвал меня от этой дряни.

Не помню, что тогда говорил ей. Да и говорил ли... Скорее уж орал и рычал, как раненый зверь, у которого отобрали самку и вот он — виновник той боли, что испытывает зверь.

И, вроде, если мне не изменяет память, договорились до того, что она все-таки сваливает из студгородка и больше не отвечает. Она даже кивала мне в ответ.

Но и здесь что-то пошло не так. Не успел я доехать до дома родителей, как меня тормознули менты и увезли в отделение. Оказывается, эта тварь на меня заяву накатала, что я типа ее чуть не убил. Даже побои успела снять, ушлая гадина.

Отец тогда впрягся, поручился за меня, но сказал мне оставаться дома под его присмотром, чтобы я снова не начудил и уже реально никого не грохнул. “Тебе следует выдохнуть, сынок!”, сказал он мне в тот вечер. Тогда я не готов был сидеть на месте, мы орали друг на друга, сильно поругались. Но потом до меня дошло, что он снова оказался прав. А дошло это до меня тогда, когда я, оказавшись в своей комнате, расхерачил ее в хлам. И вот, стоя на осколках стекла и дерева, я и понял, что я неадекватен сейчас и реально могу грохнуть эту суку. И тогда меня закроют на десятки лет, а моя Ника достанется какому-нибудь утырку. При мысли об этом снова психанул и доломал к чертям кресло. Ну, а что, хуже ведь уже не будет. И после этого меня отпустило. Я спустился вниз в кабинет к отцу. Мы поговорили, я извинился. Мировой он у меня мужик, все же, несмотря на наши разногласия и бесконечные стычки в прошлом. Мы договорились, что я сижу дома и не появляюсь на горизонте у Ники. За ней присматривает Серега. А через пару недель, когда все участники этой ситуации немного подостынут, тогда и можно будет попытаться поговорить.

Все эти долгие дни без Ники были для меня адом. Я как сопливая девчонка перечитывал наши переписки, с усердием прожженного мазохиста воскрешал в памяти моменты нашего секса, после чего приходилось либо принимать ледяной душ, либо вспоминать пубертат и драть в “кулачок”. Пиздец, конечно, ситуация.

Мама как могла поддерживала меня. Собственно, как и отец с Серым. В какой-то

момент всем сразу стало понятно, что это не простое увлечение, а то самое “настоящее чувство”.

Я подышал без своей девочки и думал, что хуже быть уже не может. Блядь, как же я ошибался...

Сегодняшний день, вроде, ничем не отличался от череды предыдущих. Но когда Серый рассказал, что видел Нику и она практически скатилась в истерику при одном лишь упоминании обо мне, я решил, что уже пора. Пора возвращать свою малышку. А то слышал как-то одну мудрость, что размер происходящего пиздеца пропорционален количеству времени, потраченного женщиной на его обдумывание. Это значило, что тянуть больше нельзя. Ника со временем не успокаивается. Наоборот, отдаляется, купаясь в своей боли.

Уже на подъезде к общаге, где обитала Ника, зазвонил телефон. Увидев на экране имя подруги Ники — Авроры, напрягся. Мы с ней никогда не ладили. Значит, скорее всего, что-то случилось. Не раздумывая ни секунды, ответил на звонок и тогда впервые ощутил те самые ледяные щупальца страха, которые прошлись по всем моим внутренностям, сжимая сердце.

— Дамир! Дамир! Ника, она... — девчонка не могла и двух слов связать.

— Что? Что с Никой? — рычал на нее, не контролируя свой голос. — Врубай громкую!

— Что? Да, сейчас. Все ты на громкой.

— Ника? Ника? — сорвался на хрип, — Ника, проснись, малышка!

— Дамир, я не могу ее разбудить! И кровь... — помню, как в голове отчаянно пульсировал вопрос, отдавая болью в виски: Какая, к черту, кровь? Чья? — Тут так много крови... — сквозь туман моих размышлений врвался в сознание голос Авроры.

— Блядь! Я еду уже! Еду! В скорую звонила?

— Конечно, сразу же, как ее нашла. Только потом тебе. Дамир, что делать? — если бы я знал...

— Я подъезжаю. Через три минуты буду. Не отходи от нее ни на шаг, пытайся разбудить.

Когда я влетел в комнату, просто напросто снося к хренам двери, на мгновение впал в ступор. Ника лежала на кровати, бледная, мокрая, а простыня под ней была пропитана кровью. Сука, никогда крови не боялся. Сколько драк за спиной, сколько разбитых коленей, носов. Но такого шока от количества крови я не испытывал никогда.

Подошел к кровати, схватил свою малышку на руки и понес ее вниз. Если скорая не приехала еще, значит, сам рвану в больницу.

Спускаясь по лестнице, слышал быстрые шаги сзади и всхлипывания Авроры. Она только и шептала: “Боже... Боже... Боже...”

— Дамир, — окликнула она меня, рыдая уже почти в голос. — Дамир, Ника... она беременна... — Что? Как? — От тебя, Дамир, — добила меня.

Блядь, да конечно от меня! Сам понимал это.

Шок...

Аккуратно, но быстро спускаясь по общаговским ступенькам, пытался вспомнить хоть одну молитву. Хоть несколько слов из нее, но память как отшибло. Я был в панике. Но не от того, что Ника оказалась беременной, нет. А от того, что сейчас моя девочка истекает кровью, теряя нашего малыша.

Нашего малыша...

Оказавшись на улице, заметил карету скорой помощи и рванул к ним. Навстречу уже

бежали доктора. Перехватывая с моих рук Нику, параллельно уже сканировали ее состояние.

— Она беременна, — прохрипел не своим голосом и врачи засустились еще быстрее.

Когда двери машины захлопнулись, увозя с собой самых дорогих мне людей — мою любимую девочку и моего ребенка, меня накрыл сильнейший откат. Я рухнул на мокрый асфальт и уткнулся в свои ладони, пытаюсь перевести дыхание перед тем, как садиться за руль и гнать в больницу. В нос ударил едкий металлический запах. Запах крови.

Господи, Отче наш, Иже еси на небесех. Да святится имя Твое...

Вспомнил!

Господи, умоляю, помоги. Защити и спаси Нику и нашего ребенка. Умоляю!

Я сижу на асфальте и просто не знаю, что мне делать дальше. Страх за любимых сковал мое тело. Ощущение, что мне оно больше не принадлежит. Сердце отказывается биться, внутри все болит. Все важные жизненные процессы замедляются до критических показателей. Смотрю в одну точку. Перед глазами до сих пор неестественно бледное лицо Ники, ее почти синие губы и кровь на моих руках. Да что там на руках! Вся моя одежда пропиталась ее кровью, пока нес свою малышку на руках.

Чья-то маленькая ладошка касается моего плеча. Аврора.

— Что произошло? Что с ней, блядь произошло? Кто это с ней сделал? — начинаю кричать, подрываясь с земли.

— Не знаю, Дамир, — пугается моей реакции девчонка. — Мы были в универе, потом пошли в кафе на большой перемене, там встретились с Сережей, — перечисляет, — но после того, как Ника разнервничалась мы быстро вернулись в корпус и я оставила ее возле гардероба. Договорились, что увидимся уже в общежитии.

— И все?

— Да, — кивает. — А потом я зашла в комнату и... — начинает рыдать. Притягиваю к себе и обнимаю. Понимаю, что испугалась за подругу сильно.

— В какую больницу ее увезли знаешь?

— В третью городскую.

— Погнали.

Уже в машине Аврора предлагает позвонить Косте, брату Ники. Соглашаюсь. Он ее самый близкий родственник, он должен знать, что его сестра в больнице. Пока Аврора пересказывает Косте все произошедшие события, тот уже несется в аэропорт, а она снова плачет. Блядь, самому хреново. У меня нет сил еще и девчонку успокаивать.

— Возьми себя в руки! — рычу на нее. — Хватит реветь! И так тошно!

— Это ты! — срывается, — ты во всем виноват! Ты со своим дурацким спором! — поворачивается ко мне, впивается в меня злым взглядом, начинает бить меня своими мелкими кулаками. — Это ты довел ее до такого состояния! Это из-за тебя она может потерять вашего ребенка. Боже, сколько она плакала, сколько рыдала в подушку, думая, что я не слышу и не понимаю. При мне крепилась, бодрилась, но как только наступала ночь, то я раз за разом слышала ее всхлипы. Боже, какой же ты мудака, Дамир! Мало тебе было той бедной девочки, что из-за тебя в психушку загремела, так теперь ты пошел дальше и решил угробить двоих!

Слышать все это было больно. Очень больно. Моя малышка страдала, а меня не было рядом, чтобы уберечь, успокоить. Сука, да что ж так все херово-то?!

Торможу у больницы, херачу руками по рулю, рыча словно раненый зверь. Аврора сидит тихо. Кажется, даже не дышит.

Перевожу дыхание и беру себя в руки.

— Выговорилась? — поворачиваюсь к ней и смело смотрю ей в глаза. — Ты нихрена не знаешь ни о девушке и, как ты выразилась, психушке. И тем более не знаешь о споре! — начинаю кричать, выдавливая из себя всю душевную боль что сейчас даже дышать нормально не дает. — Нихрена не знаешь. Я защищал ее, ясно? Защищал! Если бы не договорился, если бы не впрягся в этот спор, Нику по кругу бы пустили ради победы, понимаешь ты это свое блондинистой башкой?

Аврора застыла. Смотрит на меня стеклянными глазами, полными слез и не может произнести ни звука. Только губами шевелит.

— Я ее летом увидел впервые, когда она в универ приходила то ли экзамены сдавать, то ли результаты узнавать, — вспоминаю. — Она была такой... необычной, красивой, нежной. Такой непохожей на всех. Я с ума по ней сходил. Бредил ею. А потом случилась новая встреча, когда ее заметил не только я. Пацаны к ней клеиться грубо начали, я их приструнил и одна сука считала мою реакцию на Нику, затеяла весь этот трэш со спором. Предложила ее пацанам. А они... Короче, я перебил ставку и взял спор на себя, потому что я уж точно бы ее не обидел.

— Но она сказала, что ты...

— Да знаю я, что она сказала. Даже знаю, кто именно ей поведал об этом гребаном споре. Знаешь, — усмехаюсь, — а я ведь за несколько часов о нашей ссоры разрулил этот вопрос. Договорился с Ольгой о том, что она сваливает с баблом и не отвечает. Запретил к Нике приближаться. Но не успел, видимо...

— погоди... — Аврора хмурится. — То есть ты хочешь сказать, что Оля Терентьева рассказала Нике все?

— Ну да, она самая. Сука... Чуть не придушил ее, когда узнал. Она заяву, тварь, на меня накатала и меня под белы рученьки в отделение сопроводили. Отец помог, конечно, но из-за этого запретил мне к Нике подходить, пока не успокоюсь. Вот и сидел дома. А мрази этой отец еще бабла отвалил и на поезд посадил до родной деревни.

— Так это, получается, несколько дней назад произошло?

— Ага, почти две недели назад.

— Стоп, стоп! Но Я видела Олю сегодня в универе дважды.

— В смысле? — туплю. Как?

— В прямом! Когда мы шли в кафе, твой брат с ней спорил о чем-то. А потом, когда в универ вернулись, она в гардероб тоже куртку сдавала.

— Блядь, да как так-то?! Сука, неужели и тут она. А что потом было? Ты видела? Она с Никой разговаривала?

— Не знаю, я ушла почти сразу на пару.

— Так, ладно, — выдыхаю. — С ней разберусь позже. Надо узнать что там с Никой. Идем.

В приемной за стойкой ресепшена сидит медсестра. Когда подхожу к ней, начинает вульгарно улыбаться. Не будь я по уши влюблен в Нику, может, и обратил бы внимание на столь откровенный невербальный подкат. Но сейчас все мимо! Мимо!

— Девушка, — обращаюсь к ней, игнорируя все ее “жесты”, — к вам Аверину Нику привезли несколько минут назад. Где она? Что с ней?

— А вы кем, простите, ей приходиться? — мигом с ее лица слетает похотливая улыбка.

— Муж! — Аврора смотрит на меня, раскрыв рот, не скрывая удивления. Блядь, ну хоть

бы подыграла что ли! — Будущий. Что с ней?

— В операционной она, — фыркает эта нафуфыренная стерва, меняясь в голосе и поведении. — Четвертый оперблок. Можете подождать вон там! — своим наманикюренным пальцем указывает вглубь коридора.

Проходим, садимся, ждем.

Мне больше ничего и не остается, кроме как только ждать. Ну и молиться за свою Зеленоглазку и нашего ребенка. Молиться об их спасении. Я ведь вспомнил слова.

Отче наш...

Ника

Пик... Пик... Пик...

О, блин, какой же раздражающий звук. Бесит это пиканье. И запах лекарств раздражает. И тело все болит, словно меня отпинали.

— Ай! — в попытке повернуться на бок, потому что устала лежать в одном положении, резко кольнуло на сгибе локтя.

Открываю глаза, несмотря на то, что это очень сложно сделать, словно пудовые гири к векам приделали. Но все же справляюсь с этой невероятно трудной задачей. Яркий свет бьет в глаза. Приглядываюсь. Белые больничные стены, в вену, там где было больно, введена игла, от которой по тонкой трубочке бежит жидкость. Так, понятно. Я в больнице под капельницей. Но как я сюда попала?

Тело затекло, во рту пустыня Сахара, но я из последних сил приподнимаюсь на одной руке, стараюсь рассмотреть все, что вокруг меня, в поисках вожденной жидкости. Первое, что замечаю, букет на тумбе рядом с кроватью. Теперь понятно, почему в типичный “больничный” запах примешивались цветочные нотки. Графин с водой обнаруживаю на столике в углу, что стоит рядом с небольшим креслом для посетителей, в котором сидит Костя. Прикидываю, смогу ли встать и дойти до столика. Надо, потому что и в туалет очень хочется.

Так стоп!

Костя??? Что здесь делает мой брат?

— Костя? — зову брата. Не слышит. — Кот! — громче.

— Ника? — брат открывает глаза, резко поднимается с кресла и подходит к кровати, притягивает к себе, обнимает. — Ника, сестренка, как же ты меня напугала. Я думал, свихнусь к чертям, пока ждал, что ты проснешься? Ты как? — отстраняется, заглядывает в глаза.

— Если честно, не знаю, — хриплю в ответ. — Я не знаю, что произошло и как я сюда попала.

— Тебе... — Костя мнется, отводит взгляд, словно что-то скрывает. Замечаю у него на скуле большую ссадину. — Тебя отравили, Ник. Подсыпали, как выяснилось, в воду один препарат, который вызвал у тебя сильное кровотечение. Если бы... Блядь. Даже думать об этом страшно, Ник.

— Как кровотечение? Нет, нет, нет! Боже, нет! — истерика набирает обороты, паника захлестывает. В голове пульсируют слова брата: “Отравили”, “Кровотечение”... Нет, только не мой малыш. — Нет, нет! — из глаз брызгают первые слезы. Обхватываю свой живот и сотрясаюсь в рыданиях, покачиваюсь на кровати, словно сумасшедшая.

— Ника! Ника! — Костя трясет меня за плечи, — успокойся! Ну же! Услышь меня, Ника! Все хорошо!

— Нет, нет, ты не понимаешь, Костя, — поднимаю на него свои зареванные глаза, — ты не понимаешь, — шепчу. — Его больше нет?

— Понимаю я, сестренка, — Костя снова прижимает крепко к себе, утыкаюсь ему в грудь и продолжаю всхлипывать. — Все хорошо, — поглаживает по голове и спине. В его объятиях было бы так уютно, если бы не было так больно. Эта самая боль потери сейчас рвет

мне сердце и выворачивает душу наизнанку. Я ведь уже привыкла к мысли, что у меня будет малыш. А теперь его нет.

— Теперь его нет, понимаешь, — хриплю, давясь слезами. — Его нет.

— Тише, девочка, он с тобой, — успокаивает Костя. Услышав его слова, замираю, даже не дышу. Прислушиваюсь. Вдруг мне послышалось. — С тобой. С ним все хорошо. Твой малыш с тобой, Ника.

— Ты врешь мне!

— Когда я тебе врал? — возмущается Кот. — Я же тебе всегда говорил, что ты можешь верить только мне! Только мне, Ника! Всегда! — отстраняюсь от него, смотрю в глаза, надеясь там разглядеть то, что позволит мне поверить ему. И нахожу! — С твоим малышом все хорошо, угроза миновала. Все хорошо! — слышу это и, обхватив живот руками, снова начинаю рыдать. Только теперь уже от радости, что врачам удалось спасти моего ребенка. — Не плачь, родная, не плачь. Я с тобой.

— Спасибо! — тараторю быстро, — Спасибо, спасибо, спасибо!

— Да мне-то за что?

— За то, что здесь. За то, что не оставил одну. За то, что спас...

— Оставить тебя? Никогда! Так что за это даже не благодари.

Мы молчим несколько минут. Костя подает мне стакан воды и я, попив, наконец начинаю чувствовать себя немного лучше. Костя снова садиться рядом со мной на кровати, а потом и вовсе укладывается, устраивая и меня на своем плече.

— Как ты узнал?

— О случившемся с тобой или о том, что ты беременна? — спросив, немного отклоняется в сторону, заглядывая мне в глаза. Краснею. Как-то мне неловко обсуждать тему моей беременности с братом.

— И то, и другое интересно, — выдавливаю глухо.

— По первому пункту Аврора позвонила. Почти сразу, как тебя привезли в больницу. Она умница. Если бы не она... — брат прикрывает глаза, его голос срывается от волнения. — Блядь...

— Не матерись! — ругаю его.

— Прости, — целует меня в лоб и улыбается. — Ты права, при детях не матерятся. Ай! — тыкаю его локтем в бок, — не дерись! Так вот, Аврора позвонила вся в слезах, из того, что она мне сказала в трубку, я мало, что понял. Только то, что тебя увезли в больницу и ты истекаешь кровью. — Костя замолкает, дышит глубоко. Да уж, переволновался он сильно. Бедненький мой. Прижимаюсь к нему теснее, стараясь в эти объятия вложить всю ту любовь, что испытываю к родному, самому близкому человеку. — Я чуть не сдох, Ник... Пока несся в аэропорт, пока летел сюда... А уже здесь, когда увидел тебя... Мне не полегчало, а, наоборот, накрыло еще сильнее. И, кстати, тогда я и познакомился с твоим... — Костя бесшумно ругается, — с отцом твоего ребенка.

— Дамир был тут? — приподнимаюсь и удивленно спрашиваю.

— Шутишь? Да он тут чуть половину клиники не разнес, пытаясь прорваться к тебе. Потом, когда его уже охрана пришла успокаивать, прежде чем раскидать их, он врачам крикнул, чтобы спасли и тебя и вашего ребенка.

— Так ты и узнал о беременности?

— Ага, — соглашается Костя, — ну, а потом мы поговорили с ним.

— Оу! — неожиданно... — Ссадина появилась после разговора, надо полагать?

— Я бы сказал, в процессе.

— Ясно, — капец! Вот и познакомились, называется... Хотя, это раньше мне стоило бы переживать, как будут складываться отношения между братом и моим мужчиной. Сейчас же... Сейчас это уже неважно, ведь Дамир — не мой мужчина и никогда уже им не будет.

— Он мне все рассказал...

— Все-все? — переспрашиваю в надежде, что под “всем” подразумеваются наши отношения и беременность, а не спор и разрыв.

— Да, Ника. И, на удивление, Дамир твой оказался настоящим мужиком, — слышу в голосе брата оттенки уважения к Дамиру. С чего бы это?

— Он не мой!

— Хорошо, не-твой-Дамир оказался мужиком. Потому что, когда я съездил ему по роже за тему спора, он даже не защищался. Просто подставился под удар, опустив руки.

— Тогда откуда ссадина?

— А это проявление его несогласия с тем, что я сказал ему держаться от вас подальше, — хмыкает. — Зарядил мне кулаком с яростным криком о том, что ты и ребенок — его и он от вас ни за что не откажется. Ах, да, и что плевать ему на мое мнение.

— Понятно, — говорю едва слышно, стараясь скрыть дрожь волнения в голосе. Предательское тепло растекается в душе от того, что Дамир отстаивал свое право на нас. Нас...

Дальше лежим в полной тишине. Через какое-то время в палату заходит медсестра, убирает капельницу, дает несколько таблеток, объясняя что и для чего, видя панику в моих глазах. Прослушав небольшую лекцию о веществах, что содержатся в этих препаратах и о пользе их в моем положении и состоянии, все же кладу четыре таблетки в рот и запиваю водой. Медсестра измеряет мне давление, записывает какие-то данные с приборов и уходит. Затем в дверь снова стучат и после короткого “Войдите” в палату сначала заезжает тележка с контейнерами, в которых расфасована еда, и лишь потом появляется милейшая бабуля с доброй улыбкой на лице. Она оставляет на столе обед для меня, Костя покупает для себя сэндвич и чай, бабуля уходит. Едим молча. Аппетита у меня нет, но я все равно съедаю все, что мне принесли. Я должна заботиться о своем малыше.

После обеда клонит в сон. После посещения ванной, ложусь в кровать. Костя все также ложится рядом и я снова устраиваюсь у него на плече.

— Кот?

— М? — не открывая глаз. Устал, наверное, очень.

— А давно я тут? — совсем потерялась во времени.

— Два с половиной дня, — отвечает. — Двое суток ты была без сознания. Слишком много крови потеряла.

— Ясно... — снова молчу. — Костя? — спустя пару минут опять зову брата.

— Что, Ник?

— Можно я перееду к тебе в Прагу?

Ника

— И что теперь ты думаешь делать? — мы с Авророй сидим на кухне в нашей с Костей городской квартире, пьем чай. — Правда хочешь переехать с концами?

— Если честно, то да, — отвечаю подруге,ковыряя вилкой в тарелке лимонный кекс. От теплого кекса исходит просто нереальный аромат и он безумно вкусный, но из-за тошноты я могу лишь наслаждаться его запахом. Потому что стоит только проглотить хоть маленький кусочек этого десерта, сразу вывернет желудок.

Врачи говорят, что тошнота и токсикоз — это нормально, но я с ними не согласна. Это тяжело. Привычные продукты вызывают спазмы желудка, провоцируя тошноту. Любимые яблоки больше не приносят удовольствия, а шоколад вообще табу. Про запахи лучше мне промолчать, потому что слишком уж долго буду перечислять от чего меня воротит.

Меня выписали из больницы через четыре дня после того, как я пришла в себя. Врачи заверили, что угрозы ни для меня, ни для моего малыша нет, но все же понавыписывали кучу таблеток и витаминов, а также постельный режим. Я попросила Костю привезти меня сразу в эту квартиру, потому что ни Дамир, ни его брат и друзья этот адрес не знают. А, значит, вероятность встретиться в нашем районе минимальна. Это меня более чем устраивает. До отъезда в Прагу хочется покоя и тишины.

Кстати, о Праге. Костя уговорил меня не горячиться и подумать хорошенько, прежде чем принимать решение о постоянном проживании там. Мы долго спорили, он с пеной у рта доказывал, что несмотря на то, что произошло между мной и Дамиром, он имеет право быть рядом с ребенком. Меня удивило, конечно, почему это Кот так проникся симпатией к этому гаду и предателю, но именно это его отношение к Дамиру заставило меня задуматься о правильности моего решения. В итоге мы поговорили и остановились на том, что пока я поеду к нему в Прагу на все Новогодние праздники. Аврора тоже будет там со мной. Погуляем, отдохнем, а потом уже и решать буду что делать дальше. Но Костя договорился с ректором университета о том, что я не буду посещать занятия до следующего семестра, учиться буду дистанционно. Так что времени пожить с братом и бабуленькой в Праге у меня будет предостаточно. А дальше... Посмотрим.

— Но ты же понимаешь, что это неправильно? — подруга пытливо заглядывает мне в глаза, — Дамир... Он же...

— Нет! — выставляю перед собой руку, прерывая попытку Авроры заговорить о нем. — Не нужно. Я не хочу о нем говорить. Запрещать ему видеться с ребенком я не стану, но между нами больше ничего никогда не будет. Он сам в этом виноват! Что сделано, то сделано. Никто его не заставлял спорить на меня!

— Вообще-то это не так, — ворчит себе под нос Ро, затем поднимает голову и уже увереннее продолжает. — Слушай, ты сейчас злишься, тебе обидно, я понимаю. Но ты многого не знаешь. Он не виноват, понимаешь?

— Все! — подсакиваю со стула и уже шагаю в сторону выхода с кухни, как Аврора хватает меня за руку и разворачивает к себе, вынуждая остаться и дослушать. Не стану отрицать, что зерно сомнений во мне уже прорастает.

— Нет, не все! Ника, ты сейчас сядешь, выслушаешь меня, а потом уже будешь обмозговывать полученную информацию. Можешь злиться на меня, кричать и ругаться, но

ты меня знаешь, Ника! Я ни за что не желаю тебе зла. А потому ты меня сейчас спокойно выслушаешь, потому что Дамира ты слушать не хочешь!

— Ладно, — говорю тихо, понимая, что подруга настроена весьма решительно. — Рассказывай.

И она рассказывает...

Ну что сказать? Я в шоке. Версия совсем не совпадает с той, что я услышала в туалете от той самой Оли. Но почему-то я все время цеплялась именно за нее, принимая ее за истину в первой инстанции. Даже после того, как Костя мне рассказал, что именно Оля меня отравила, подсыпав абортивный препарат, растворенный в воде, которой она меня “угостила” в тот злополучный день.

Дамир все узнал. Просмотрел записи с камер наблюдения в университете. Сопоставил все факты и, как оказалось, даже подключил своего отца для помощи в решении этого вопроса. Теперь Оля под следствием за покушение. С ее слов она не хотела вредить мне, только лишь хотела спровоцировать выкидыш. Но к счастью Аврора вовремя вернулась в комнату и вызвала скорую помощь и Дамира. Боже, когда она рассказывала, что происходило тогда, у меня мурашки по коже бежали размером с кулак. Получается, что я реально прошла по грани.

С Дамиром мы так и не виделись больше после той ссоры в комнате в общежитии, не считая момента, когда он меня нес к машине скорой помощи. Я тогда была в каком-то бреду. Вроде и слышала многое, но осознать все происходящее и глаза открыть так и не смогла. Но и Костя, и Аврора говорили, что он практически не покидал стен больницы все дни, что я провела там. За это я ему, на самом деле, очень благодарна. У меня бы просто не хватило сил на разговор с ним. Да и сейчас вряд ли хватит. Слишком... Для меня все это слишком.

Аврора заканчивает рассказывать ту версию событий, что ей поведал Дамир. И, вроде, все складно и логично, но...

А что “но”? Я не знаю.

— Слушай, — беру подругу за руку, потому что пока она так эмоционально говорила, ее начало трясти. Конечно, она ведь тоже сильно перенервничала. — Спасибо тебе.

— За что? — удивляется подруга.

— За все, Ро! Если бы не ты, то...

— Нет, не думай об этом! — решительно прерывает она. — Главное, что все закончилось хорошо.

— Да, — киваю и улыбаюсь. — Хорошо. Я очень благодарна тебе за то, что ты сейчас рассказала. И ты права, мне есть над чем подумать.

— Поговори с ним.

— Нет, — отрицательно качаю головой, — пока я не готова к этому разговору. Если все было так, как он тебе сказал, то это, конечно, меняет дело и нам, действительно, стоит поговорить. Но не сейчас, — на мгновение прикрываю веки, переживая приступ дичайшей тоски по любимому мужчине. Себя-то можно не обманывать — я по-прежнему до дрожи люблю Дамира и бесконечно скучаю по нему, но так просто отойти от этой ситуации, словно ничего и не было, я не смогу. — Не сейчас, Ро. Мне нужен тайм-аут. Все эти эмоциональные качели меня вымотали и новые встряски мне ни к чему. Моя главная задача — это беречь его, — поглаживаю свой плоский живот. В груди разливается невероятное тепло от ощущения, что мой малыш со мной.

— Ладно. Может, ты и права. Но пообещай, что хорошенько все обдумаешь, прежде чем

рубить сгоряча?

— Хорошо.

Мы обнимаемся, украдкой утирая слезы. Этот разговор вымотал нас, выжал все силы и нам необходима передышка. Именно в таком положении, обнимающихся и в слезах, нас и застаёт Кот.

— Не понял! Что опять за сырость, девчонки? — стоит в дверном проеме и улыбается улыбкой голливудской модели.

— Все нормально, это... просто... — Аврора подскакивает со стула, отворачивается и спешно принимается поправлять макияж “на ощупь”, так сказать. — Я... я, наверное, пойду.

— Что? Нет! — возмущаюсь, — А как же ужин? Мы же собирались поесть суши. Ты мне обещала.

— И правда, — подключается брат, — останься, — голос Кота как-то просаживается и становится каким-то хриплым, что ли. Интересно, что это у нас тут за реакция? Я чего-то не знаю? Что произошло между этими двумя, пока я валялась в больнице? — Пожалуйста, Аврора, останься.

Что??? Мой брат сказал “пожалуйста”? Вот так дела...

— Пожалуй, — Ро смотрит брату в глаза, — я могу задержаться ненадолго.

— Супер! — радостно заявляет Кот и выходит с кухни.

— Я одна ни черта не понимаю что тут происходит? — отвлекаю подругу от молчаливого созерцания дверного проема, в котором скрылся Костя.

— А? Что? — теряется Ро.

— То! Что у вас?

— Ничего, ты что! Ничего нет! — она в момент заливается краской.

— А ты бы хотела?

— Чего?

— Ну, чтобы “было”? — спрашиваю и, затаив дыхание, жду ответа. Я ведь сразу подумала, что было бы круто, если бы Костя и Аврора сошлись. Они очень подходят друг другу.

— Не знаю...

— Знаешь ты все, — легонько толкаю подругу в плечо, разряжая тем самым напряженную обстановку.

— Знаю, — кивает, — хочу...

— Загадай желание на Новый год и оно обязательно сбудется! Тем более, что объект твоего желания будет ну очень близко к тебе! — подмигиваю Авроре. — Кот отменил все свои дела и поездки и будет встречать Новый год с нами.

После ужина, проводив Аврору и приняв душ, закрываюсь в своей комнате, ложусь в кровать. Время уже позднее, но сон не идет. В голове крутится столько мыслей, одна цепляется за другую, вторая — за третью и в итоге в голове такой хаос, что она начинает кружиться. Но среди всего этого хаоса отчетливо пульсирует одна: Дамир не виноват. Да, спор был, но вынужденный. Я, наверное, даже благодарна должна быть, что он вступился за меня, когда мы еще были не знакомы. Но ему, все же, нужно было мне обо всем рассказать. Так было бы правильнее. У меня не было бы чувства, что меня использовали.

Я скучаю по Дамиру. Скучаю по его объятиям, по его хриплому шепоту по утрам, когда он, находясь еще в дреме, прижимал меня к себе и начинал целовать. Я скучаю по нашим совместным обедам и ужинам, а особенно по нашим завтракам. Ведь каждый завтрак был

знаком того, что и ночь мы провели вместе. Мне нравилось засыпать с Дамиром в обнимку, нравилось проваливаться в сон под мерный стук его сердца, нравилось быть окутанной его аурой, запахом. Боже, так хочется услышать его голос.

Смотрю на часы — пятнадцать минут первого. Ночь на дворе, а я беру телефон и открываю наш чат. Сейчас он пустой. Я удалила всю нашу переписку тогда... Потом очень об этом жалела, ведь там было столько всего... “нашего”...

Пишу сообщение, особо не надеясь на ответ, ведь Дамир наверняка спит.

Зеленоглазка: “Привет. Спишь?”

Но, к моему удивлению, спустя мгновение телефон сигнализирует о пришедшем сообщении:

Дамир: “Нет. Поговорим?”

Дамир: “Я скучаю, Ник. Подыхаю без тебя. Если позвоню, ответишь?”

Буквально через секунду телефон в руке оживает и на всю комнату начинает играть музыка. Я смотрю на экран, вижу имя абонента, моего родного и любимого абонента, и не знаю что делать. Телефон звонит минуту, затем звонок обрывается, комната вновь погружается в тишину. Вокруг ни звука, мир будто замирает и затихает. Слышен лишь звук моего колотящегося сердца. Первые звуки мелодии нового звонка просто взрывают эту гнетущую тишину.

Ответить? Готова ли я? А, будь что будет!

— Алло...

Дамир

— Алло...

Родной голос, который слышен из динамика трубки, запускает все процессы в организме с новой силой. Словно жизнь до этого стояла на паузе, а тут долгожданный рестарт. Руки потряхивает, сердце долбит со страшной силой, но я все же собираюсь с мыслями и наконец отвечаю:

— Ника... — хрипло выдыхаю, — я боялся, что не ответишь.

— Я боялась ответить, — также тихо, почти шепотом говорит.

— Почему?

— Не знаю, что сказать. Хотя, нет, все же знаю. Я хотела тебе сказать спасибо за то, что помог тогда...

— Подожди, стоп! — перебиваю, — какое еще спасибо? Ты о чем?! Разве за такое благодарят? Мальш, черт... — от переживаний сбиваюсь с мысли. — Я так много хотел тебе сказать, а сейчас в башке полный вакуум, как будто на ринге отметили. Ника... Родная... — голос просел до минимума, но я его не контролирую. — С нашим... — хриплю, — с нашим...

— С малышом все хорошо, — договаривает за меня Ника. — Правда, Дамир, все хорошо. Меня выписали лишь после того, как убедились, что угрозы для нас никакой нет.

Ника, вроде, и старается бодриться, но заметно, что вся эта тема ее еще не отпустила. Голосок дрожит, она часто дышит. Бедная моя девочка, сколько же ей всего пришлось пережить.

— Ты бы сказала мне? О том, что беременна, сказала бы?

— Конечно! — взволнованно выкрикивает в трубку Ника, — конечно, сказала бы. Может, чуть попозже, когда успокоилась бы... Но я не стала бы от тебя скрывать.

Не стала бы скрывать... Это хорошо. Я не сомневаюсь в том, что Ника при любом раскладе оставила бы ребенка. Я слышал ее крики и слезы тогда... Я был у дверей палаты, когда она пришла в себя и у нее случилась истерика, ведь она думала, что потеряла ребенка. Одному Богу известно, сколько усилий мне стоило сдержаться и не ворваться в палату, а так хотелось. Хотелось прижать к себе, успокоить, сказать, что с нашим малым все в порядке, что он с нами. Но тогда было не время. Мое появление только усугубило бы ситуацию. Да и брат о ней позаботился. Он, к слову, оказался нормальным таким мужиком. Несмотря на то, что съездил мне по роже и потом мы подрались, мы с ним, вроде как, нашли общий язык. Я рассказал ему все, что узнал о той суке, что сделала это с Никой.

Там с этой Олей все оказалось до банального просто. Но это “просто” чуть не закончилось трагедией. С Олей мы знакомы давненько, не помню, как она прибилась к нашей компании. Но ее интерес ко мне был явным и все это замечали. Да и не скрывала она этого. Я ее игнорировал всегда. Ну, не в моем вкусе девчонка. Даже на раз не катит. Потому и держал дистанцию. А потом, на одной из вечеринок, как-то было особенно на все и всех похрен, ну и договорились мы с ней уединиться в комнате, чтобы по-быстрому перепихнуться. Но тогда все сорвалось, так и не начавшись, потому что Серый снова в передрагу с очередным “рогатым” муженьком попал. Вот и поехал я его задницу прикрывать. Оля же подумала, что наши хмельные разговоры на той вечеринке были

реальными, все мои подкаты приняла за чистую монету, поверив в то, что между нами есть чувства. Короче, накрутила себя девка по полной программе. Пришлось в достаточно жесткой форме объяснить, что это не так. Она, конечно, посмеялась, мол и сама ни на что не рассчитывала, так... развлекся, типа, хотела, думала, что это я “поплыл” и на благотворительных началах хотела “дать” мне, чтобы я не расстраивался, что не добился ее, такую всю из себя потрясающую. Бабы... Короче, после этого она как-то прижилась в нашей компании, вела себя развязно, пацанам нравилось. Когда она заметила мой интерес к незнакомой девчонке, которой оказалась Ника, замутила тот гребаный спор. Пришлось согласиться в надежде, что ей хватит ума потом свалить из университета и города. Время шло, Оля по-прежнему тусила в нашей компании, но ко мне не лезла. За исключением той ночи в клубе, когда к Нике пристал тот мудака. Я тогда достаточно грубо сбросил ее с себя, потому что она уже почти на колени ко мне забралась, а я и не замечал особо — палил обстановку вокруг Ники и всех мужиков, что пускали слюни на нее в том блядском наряде. Именно в ту ночь мы с Никой и сошлись и начался мой персональный рай.

Суке этой, видимо не понравилось, что у нас с Никой все так гладко складывается. Оля несколько раз пыталась меня шантажировать тем, что все расскажет Нике, но у меня находились слова, чтобы ее уговорить. Тварь оказалась жадной до денег. Я “покупал” ее молчание, но так и не смог “купить” отмену спора. Тут Оля была принципиальной. С ее слов, пока я была на сборах, она поймала удачный момент, чтобы испортить наши с Никой отношения, ведь через меня у нее действовать не получилось бы ни при каком раскладе. Эта дура верила, что если спор будет выигран ею, то я исполню свою часть уговора и трахну ее на глазах у Ники. Долбанутая на всю голову тварь! Она долго следила за Никой, сначала устроила весь тот цирк в женском туалете, когда во всеуслышание рассказала исковерканную историю о споре, зная, что Ника находилась в одной из кабинок. Потом даже пошла за ней в женскую консультацию, где и подслушала разговор с Авророй о том, что Ника беременна от меня. Тогда в ее голове и созрел план. Она только поджидала момент, когда сможет “угостить” Нику той отравой, что спровоцирует выкидыш. Роковое стечение обстоятельств, когда Нике стало плохо и ей нужна была вода. Оля дала ей ту отраву. И получилось то, что получилось. Слава Богу, что все обошлось.

Пока я слушал рассказ той мрази, что чуть не угробила мою девочку и моего ребенка, мечтал ее убить собственными руками. Отец и Серый меня буквально держали чтобы я не сорвался, пока безопасники отца вместе с полицейскими допрашивали ее. Сейчас она под стражей, ей грозит реальный срок. Отец обещал посодействовать, чтобы ей впаяли по максимуму. Зря она не воспользовалась шансом уехать, когда ее посадили на поезд и отправили домой к родителям...

— Дамир? — тихий голосок выдергивает меня из воспоминаний. — Ты тут?

— Тут, малышка, я тут. Прости меня, — слова срываются сами по себе. Да, я готов извиняться, но хотел сделать это при встрече. Ника очень эмоциональная, мне важно видеть ее реакцию, чтобы понимать где надавить, а где чуть сбавить обороты. Но мой мозг решил действовать по своему собственному плану. — Прости, родная, я так виноват перед тобой. Но я должен был тебя защитить. Этот спор...

— Я знаю, Дамир.

— Знаешь? — удивляюсь. — Откуда?

— Мне Аврора все рассказала сегодня. Точнее, прокричала, — Ника тихо смеется, а я чувствую, как мое сердце освобождается от жестких тисков страха. Страх за то, что не

простит, что не подпустит ни к себе, ни к ребенку. — Знаешь, оказалось, что в моей команде слишком много твоих союзников.

— Это все моя невероятная харизма и истинно мужское обаяние, — прикалываюсь.

— Хм, а это интересно... Ладно Ро, но чтобы Кот повелся на твоё “истинно мужское обаяние” — это прямо-таки странно... — Ника наигранно задумывается, выдерживает паузу, а потом я слышу её смех. Смелый, искренний, звонкий хохот. — Ой, кажется, я Костю разбудила.

— Я скучаю, Ник, — выдаю на выдохе. Понимаю, что разговор вот-вот закончится, чувствую это нутром. Потому и стараюсь успеть сказать главное. — Очень скучаю по тебе. Хочу быть рядом. Всегда. Ты и наш ребенок — это самое дорогое, что есть в моей жизни. И я хочу быть с вами. Малышка, я так тебя люблю.

— Послезавтра я улетаю в Прагу, — словно выстрел в голову звучат её слова.

— Не надо, — хриплю, — не уезжай. Ты ведь понимаешь, что я не отпущу? Ника?

— Признаюсь, я хотела переехать туда насовсем. Но Костя уговорил меня не принимать скоропалительных решений. Говорю же, он на твоей стороне.

— Надо будет сказать ему спасибо, — говорю вполне серьезно.

— Да, он сказал, что прятаться от тебя — не выход.

— И тут он прав. Я вас везде найду.

— Звучит, как угроза.

— Только не для тебя и не для нашего мальчика.

— В общем, я решила, что побуду в Праге некоторое время, успокоюсь, а потом решу, что буду делать дальше.

— Ник?

— М?

— В твоём будущем есть место для меня? — спрашиваю то, что меня интересует больше всего. Я понимаю, что она сейчас в полном раздрае, но я должен знать, мы пройдем с ней по легкому пути или придется снова её завоевывать силой. Мне нетрудно, нет. Просто хотелось бы меньше подвергать Нику потрясениям в её положении.

— Я не знаю, Дамир, — спустя бесконечно длинную минуту шепчет в трубку Ника.

— Зеленоглазка, ответь честно. Ты меня любишь?

— Так хочешь выиграть спор? — с едва скрываемой злостью спрашивает Ника.

— Блядь, да похуй мне на этот спор! — взрываюсь, — нет его уже, спора этого! Я, блядь, просто люблю тебя и хочу знать любишь ли меня ты! Все, никаких тайных смыслов и умыслов!

— Мне пора, — резко сворачивает наш разговор. Дурак, нахрена спросил? Нахрена сорвался? — Спокойной ночи, Дамир.

— Ника!

В ответ слышу лишь короткие гудки. Набираю повторно: абонент не абонент. Блядь! Да что за пиздец! Ну, нормально же разговаривали. На кой черт я начал вопросы про любовь задавать? Знаю же, что любит. Её любовь ко мне в каждом взгляде, в каждом жесте, в каждом прикосновении и в каждом звуке её голоса, когда она говорит со мной. Нахрена я сейчас спросил?! Ведь это прямое напоминание о споре. Черт! Дебил!

Набираю снова. Тот же механический голос сообщает, что абонент недоступен.

Послезавтра у Ники рейс в Прагу. Как она там сказала? В её команде слишком много моих союзников. Что ж, самое время этим союзникам подсуетиться...

Ника

После того ночного разговора с Дамиром, мы больше не общались. Точнее, на утро Дамир прислал мне сообщение, в котором говорил, что он понимает мое состояние и то, что я сейчас на взводе и большую часть его слов воспринимаю в штыки. Что дает мне время прийти в себя и немного успокоиться. При этом, как обычно, бескомпромиссно заявляя, что мы с малышом Его и никуда от него не денемся. Я тогда поймала себя на том, что улыбалась, читая сообщение.

Сегодня, проходя регистрацию, я все время ждала, что он появится. Не так, как в сопливых мелодрамах, где герой бежит через весь зал регистрации с криками о любви и просьбами остаться. Нет. Это было бы смешно. Но все же думала, что придет и хотя бы проводит нас. На самом деле я просто по нему сильно соскучилась и дико хочу его увидеть, а потому и перебираю в голове варианты нашей “случайной” встречи, к которой я не имела бы никакого отношения. Типа так звезды сошлись... Потому что делать первый шаг самой мне страшно. Снова боюсь обжечься, боюсь предательства и разочарования. И хоть душой и сердцем я уже простила Дамира, разум все же ставит барьер и не позволяет полностью снять свою броню. Уж очень живы все неприятные воспоминания.

Мы проходим в салон самолета, усаживаемся на свои места. Я занимаю кресло у иллюминатора, чтобы иметь возможность любоваться облаками. Обожаю это зрелище, оно меня успокаивает, дает иллюзию полной свободы. Да и вообще я очень люблю летать. А тут целых два с половиной часа полета. Красота и умиротворение.

Сажу в своем кресле, меня немного потряхивает от волнения. Летать-то я люблю, но вот терпеть не могу взлет. Меня и в обычном-то состоянии всегда мутило, а тут еще и токсикоз. Я, конечно, подготовилась, выпила таблетку, чтобы проще перенести полет, но все же и бумажный пакет наготове, потому что запах парфюма впереди сидящей дамочки уже посылает сигналы моему желудку. Жесть. Достаяю мятный леденец. Мята — мой спаситель. Всегда обожала мятные конфетки и моему счастью просто не было предела, когда я поняла, что меня от них не просто не тошнит, но и, наоборот, всегда становится легче.

Взлетаем. Хрумкаю леденцами. Костя сидит рядом и ржет надо мной.

— Ты как хомяк! — угорает, — мы только взлетаем, а ты уже пачку леденцов умяла со страшно бесячим звуком.

— Ну, я могу, конечно, от них отказаться. Но тогда ты рискуешь своим костюмом. Я не гарантирую, что у меня не случится приступ тошноты. Так что ты выбираешь? Леденцы или? — многозначительно играю бровями.

— Ну уж нет! Лучше хрусти своими конфетками! — беззлобно посмеивается надо мной брат, держа при этом за руку. Он помнит, что я не люблю момент взлета. — Не бойся, все будет хорошо, — чувствуя дрожь моей руки.

— Угу, — киваю и закрываю глаза.

Наконец, самолет в воздухе, начинается долгожданный полет. Я с улыбкой на лице разворачиваюсь к окну, отстегнув ремень безопасности. Вот она та самая красота на высоте около десяти тысячи метров над землей. Облака, словно сахарная вата, переливаются разными цветами от нежно-розового до насыщенного плотного белого цвета. Лучи солнца рассекают эти пушистые “подушки” и добавляют им новых оттенков. Они так близко.

Кажется, протяни руку и сможешь дотронуться до них.

Мерный гул самолета убаюкивает. С учетом того, что накануне ночью я почти не спала из-за волнения от предстоящей поездки, меня быстро начинает клонить в сон. Поворачиваюсь к брату — он что-то просматривает в своем телефоне. Да, привилегии бизнес-класса во всей своей красе — тут можно пользоваться своей портативной техникой.

— Кот?

— М? — не отрываясь от экрана.

— Я, наверное, посплю.

— Тебе плохо? — Костя тут же разворачивается ко мне, отвлекаясь от телефона. — Позвать стюардессу?

— Что? Нике плохо? Ника? — Аврора, сидящая по другую сторону от прохода, наклоняется к нам. — Тебя снова тошнит?

— Блин, — закатываю глаза, — вот вы два паникера! Все со мной нормально. Просто спать хочу. Хотела воспользоваться плечом родного брата, чтобы не вдыхать ароматы парфюма вон той леди, — взглядом показываю на место впереди нас, — а вы тут устроили...

— Ну, хорошо, — соглашается Кот, — любезно предоставляю тебе свое плечо, — и двигается ближе ко мне.

— А мне уже не надо! — вредничаю, — Сама справлюсь.

— Вот ты вредина, — сокрушенно качает головой Кот, Ро смеется, а я, показав им обоим язык и скорчив рожицу, откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза.

Пытаюсь заснуть, но не особо получается. Сажу с закрытыми глазами несколько минут, но меня отвлекает все: тихий разговор людей в салоне, звяканье чашек, запах кофе, даже возле меня какая-то возня. Бесит все. Ну уж Кот-то мог спокойно посидеть?! Хотя, может, он в туалет захотел или ноги размять просто, судя потому, что он встал и почти сразу сел на место.

Понимаю, что так не засну, а потому, не открывая глаз, все же утыкаюсь носом в плечо брата, вдыхаю приятный аромат, так похожий на естественный запах моего Дамира. Я, наверное, уже с катушек слетела, если мне его аромат мерещится повсюду. Может, я просто уже сплю? Тогда можно и насладиться сполна. Из горла вырывается стон. Боже, стыдно-то как! Но я, честно, просто не смогла сдержаться! -Ч-и-т-а-й- -н-а- -К-н-и-г-о-е-д-.-н-е-т-

Рядом с ухом раздается хриплый смешок. Знакомые интонации. Вот только принадлежат они вовсе не брату. Макушку обжигает нежный поцелуй. Так! Что происходит?

Открываю глаза, отстраняюсь. На меня смотрит тот, кого я меньше всего ожидала увидеть тут, в самолете.

— Ну, привет, Зеленоглазка!

— Что ты... Что ты тут делаешь? — от волнения, шока и, чего уж отрицать, радости голос не слушается и я практически шепчу.

— Да вот, решил на праздники к другу в гости слетать, — улыбается и руку не отпускает, а я и не пытаюсь ее выдернуть из сильной мужской ладони. Признаться честно, кайфую от ощущения его тепла.

— А друга, надо полагать, зовут Константин? — грозно смотрю на брата, быстро переместившегося на соседнее от Авроры кресло, так удачно оказавшееся свободным. — Предатель! — злобно шиплю на брата, но тот подмигивает и говорит:

— Не благодари!

Вот же ж! Заговорщики!

Тем временем, Дамир прижимает меня к себе сильнее, укладывает на свое плечо и, не встретив с моей стороны сопротивления, довольно улыбается и откидывается на спинку кресла, закрывает глаза. Он что, спать собрался?

— Ты спать собрался? — озвучиваю свой вопрос.

— Ну да, ты против?

— Да! — выбираюсь из его объятий, таких теплых, желанных и родных. Стараюсь не кричать, чтобы наш разговор не слышали окружающие. Ну, кроме союзников Дамира в лице моего родного брата и лучшей подруги! — Ты как вообще тут оказался?

— Я же сказал, — вполне спокойным тоном отвечает Дамир, — решил провести праздники у друга. Вот и лечу этим рейсом. Занял свое место, а потом смотрю — и ты тут. Какое прекрасное совпадение, правда? — вот, вроде, говорит серьезным тоном, но в глазах смешинки и скулы его сводит от едва сдерживаемого смеха. — Ты же, кажется, спать хотела?

— А ты, кажется, хотел дать мне время прийти в себя? — отзеркаливаю его же интонации.

— Ну, да, было дело. Я дал тебе сутки.

— Этого по-твоему достаточно? — нет, ну каков наглец! Хотя, надо признать, что возмущаюсь я сейчас, скорее, для поддержания образа “обиженной и оскорбленной”, а не по-настоящему. У самой сердце от радости заходится бешеным ритмом.

— По моим подсчетам, да, должно было хватить. А что, не хватило? — уже вовсю улыбается своей обворожительной улыбкой.

— Не хватило!

— Я бы так не сказал, судя по тому, как ты прижималась ко мне. Ну же, Зеленоглазка, — тон Дамира резко меняется, он прижимается лбом к моему, голос становится низким, хриплым, обволакивающим. Таким, что каждая клеточка моего тела стремится угодить ему, подчиниться, — признай, что скучала. Признай, что ты моя! Признай, что тебе самой хреново без меня и ты хочешь все вернуть, потому что я без тебя загнусь скоро. Ну же, малышка, ты же у меня смелая! Так найди в себе силы признать, что ты меня любишь!

Я не успеваю ничего ответить, потому что уже в следующий миг мой рот запечатывают самым сладким, самым невероятным, желанным и таким долгожданным поцелуем, что все мысли просто напрочь вылетают из головы. Все, кроме одной. Той, что мечется в голове, как бабочка, отскакивая от стенок банки, в которой ее заперли. Мысль о том, что все правильно сейчас. Так, как и должно быть. Я, Дамир, наш малыш, эти объятия и наш поцелуй. Поцелуй с привкусом соли...

— Не плачь, родная, — Дамир трет носом о мое лицо, собирает губами слезы с моих щек. — Я с тобой. Всегда. Так люблю тебя, Зеленоглазка... Так люблю... — и снова целует. Так нежно и трепетно, что мое сердце замирает от каждого касания его губ и языка. Я с ума схожу от его вкуса и удовольствия. С губ срывается чувственной стон. — Это можно считать знаком твоей капитуляции? — улыбается Дамир, отрываясь от меня на секунду, чтобы в следующую уже снова покусывать мою нижнюю губу.

Прикрываю глаза, стараюсь выровнять дыхание. Потому что вот он — момент истины. Сейчас или никогда.

— Поздравляю, Дамир... — шепчу, глядя в любимые глаза и вцепившись кулачками в его футболку так сильно, чтобы уже никто не смог оторвать меня от него, единственного и

родного. — Поздравляю, ты победил! Я люблю тебя! Больше жизни люблю! — все, сдалась. Сказала. Словно в пропасть прыгнула без страховки. Просто в этот момент вдруг осознала, что именно сейчас должна сделать свой самый важный выбор: либо доверюсь ему сейчас, либо уже не смогу никогда. Доверилась. Будь что будет. Почему-то, несмотря на то, что с нами произошло, я все еще верю в то, что Дамир никогда не предаст меня. Не предаст нас. Зажмуриваюсь, чувствую дорожки слез, что бегут по щекам и щекочут кожу. — Люблю, Дамир.

— Ника, — аккуратно прихватывает меня за подбородок, вынуждая поднять голову, — посмотри на меня, — просит так тихо, но я слышу, как немного дрожит его голос. Или мне кажется... Но я послушно открываю глаза и смотрю на него. — Я. Тебя. Люблю. — чеканит каждое слово, будто клятву произносит. И я верю. Верю каждому слову. — Люблю тебя и его, — все также глядя в мои заплаканные глаза, накрывает своей большой горячей ладонью мой живот.

Вот тут все! “Финита ля комедия”! Моя выдержка и самообладание машут мне ручкой, в игру вступают бешенные “беременные” гормоны и я срываюсь. Буквально падаю на грудь Дамиру и рыдаю тихо, но изо всех сил. Будто выплакивая всю ту боль, весь страх, что пришлось пережить за столь короткое время. Освобождаясь от всего плохого.

Дамир бережно прижимает меня к себе, поглаживает спину, другая его рука запуталась в моих волосах и поглаживает мой затылок. Баюкает меня, как маленького ребенка. Шепчет мне на ушко какие-то нежные глупости. А я с каждой выплаканной слезой чувствую себя все более свободной.

Спустя несколько минут моя истерика сходит на “нет”. Я прошу у мягко улыбающейся мне Авроры влажные салфетки, Дамир провожает меня до уборной, чтобы я могла привести себя в порядок. В туалете смотрю на себя в зеркало. Глаза красные, немного припухшие, но в них светится счастье. Еще недавно я стояла вот также перед зеркалом в туалете университета и тогда мне казалось, что не будет у меня больше ничего хорошего в жизни, что я разбита и не подлежу восстановлению после предательства любимого. А что теперь? А теперь я беременна и у меня будет замечательный малыш. Дамир, как оказалось, и не предавал меня вовсе. Я люблю и любима. А жизнь-то налаживается!

— Ты как? Все хорошо? — на выходе из уборной встречаюсь с обеспокоенным взглядом Дамира. Обнимаю его, встав на цыпочки, дарю ему короткий поцелуй и уверенно, с улыбкой на лице, отвечаю:

— Все замечательно, любимый! Лучше просто не бывает.

— Бывает! — Дамир отвечает на мой короткий поцелуй своим долгим, тягучим, от которого жар скапливается внизу живота, — У нас — будет! Я покажу! — подмигивает и хищно улыбается. — Идем, через двадцать минут посадка.

Дамир

Просыпаюсь от ощущения, что подушку трясет. Что-то настойчиво жужжит мне на ухо. Открываю глаза, башка раскалывается. Вчера с пацанами нехило отожгли — клуб, алкоголь... Теперь меня мучает дикое похмелье. Что ж, заслужил! Нехрен было накидываться так. И похер, что повод стоящий — вчера завершился финальный этап соревнований, проведены заключительные бои, названы победители, в числе которых оказались и мы с Серым. Вот и отпраздновали вчера командой.

Телефон продолжает настойчиво жужжать. Просовываю руку под подушку, вспоминая, что положил телефон именно туда после того, как написал Нике сообщение, когда вернулся домой. Моя девочка за меня волновалась и переживала. А переживать моей малышке никак нельзя, все же донашивает моего сына. Потому, в каком бы ни был состоянии, у меня в мозгу стоит программа — сообщить, что со мной все хорошо. Тимур! Мой маленький сынишка скоро появится на свет. Скорей бы домой. Соскучился по своей малышке адски. Вернусь — затрахую! Простимулирую, так сказать, своевременное родоразрешение. А то уже немного переживает. Засиделся Тимурка у мамы под сердцем.

— Привет, мам, — нащупав телефон, наконец, отвечаю на звонок, краем глаза заметив имя абонента.

— Дамир, сынок, — взволнованный голос матери заставляет резко взбодриться и подскочить с кровати, наплевав на головную боль.

— Мам, — хриплю взволнованно, — что случилось? Ника?

— Да, сынок. Ты не волнуйся, — пытается успокоить.

— Черт, мам, фраза “ты не волнуйся” заставляет еще сильнее паниковать! Что с Никой?

— У Никули схватки начались, папа сейчас поехал к ней, чтобы отвезти в клинику. Я уже выезжаю туда, как раз успею приехать к их появлению.

— А почему она мне не позвонила? Почему скорую не вызвала? — рычу, как раненый зверь. Понимаю, что мама тут не при чем, вот только контролировать себя не получается от слова “нихера”! — Серый! — кричу брату, мирно сопящему на соседней кровати. — Подъем, выезжаем через десять минут.

— Отвали, а! Будь человеком. У нас рейс через шесть часов только. Дай поспать. Мы легли три часа назад.

— Подъем, я сказал! — швыряю в него подушкой, — Ника рожает.

— Ой, бля... Все, встаю.

Серый живо поднимается, начинает одеваться и параллельно скидывать наши с ним вещи в сумку. Похер, потом разберемся. Я прыгаю на одной ноге, пытаюсь натянуть одной рукой джинсы, другой продолжаю прижимать телефон к уху.

— Мам, мне Нике надо позвонить, узнать как там дела. Я отключаюсь.

— погоди, Дамир. Не нужно ей сейчас звонить. Давай папа сначала ее привезет в больницу, а там уже и поговорите.

— Нет! — бескомпромиссно. — Она должна знать, что я рядом, что скоро приеду.

— Ну, хорошо, хорошо, — примирительно соглашается мама. — Звони тогда папе лучше. Мало ли, может, впопыхах Никуля телефон оставила, а ты разнесешь там в отеле все от переживаний.

— Ладно. И, мам?

— Что?

— Не оставляйте ее там одну, пожалуйста. Она не любит больницы. Не хочу, чтобы ей было еще страшнее.

— Сынок, да кто ж ее одну-то оставит, нашу девочку?! Скажешь тоже! Не волнуйся, спокойно вылетайте ближайшим рейсом. Мы с папой позаботимся и о Никуле, и о Тимурке нашем.

— Спасибо.

Отбиваю звонок мамы, схватив уже собранную Серегой сумку, вылетаем из номера. По пути набираю отца. Не берет трубку. Психую. Набираю снова и снова. Слышу только гудки. Паника захватывает сознание. Отец всегда на связи. Всегда. Исключение — форс-мажор. Пожалуйста, не надо форс-мажоров. Опять вспоминаю слова молитвы.

Не знаю, совпадение ли это, или высшие силы сейчас мне помогают, но спустя две минуты с начала моей мысленной молитвы раздается звонок моего телефона.

— Отец, — задыхаясь от волнения, принимаю вызов. — Ника с тобой? Как она?

— Привет, сын. Без паники, она со мной, переключаемся на видеозвонок, — по голосу понимаю, что отец спокоен, а через мгновение уже вижу его улыбающееся лицо. Страх немного отпускает. — Забрал Нику, едем в клинику.

— Дамир, — слышу сбоку от отца тихий, родной голосок. Отец поворачивает телефон таким образом, что камера захватывает Нику. — Все в порядке, с нами все хорошо, — поглаживает свой большой животик.

О, за все эти месяцы ее живот стал моим личным фетишем. Ни за что в жизни не подумал бы, что беременность может ТАК возбуждать. Я не отставал от Ники ни на минуту, ходил за ней по пятам, стремясь каждую секунду поставить ее в удобную позу и снова войти в нее. День за днем, раз за разом. Я просто не мог это контролировать. Ее животик для меня мощнейший афродизиак. Даже сейчас смотрю на нее, а член уже по стойке “смирно”.

— Малышка, — хриплю от смеси волнения и возбуждения, что гуляют сейчас в моей крови. — Милая, ну как же так? Ты чего меня не дождалась, а? Накажу ведь! — начинаю с ней флиртовать и заигрывать, потому что вижу, как она немного морщится от новой, судя по всему, схватки.

— Дамир, перестань, — шикает на меня, стреляя глазами в сторону сидящего с ней рядом отца. — Тут же папа твой.

— Да ладно тебе! Что я такого сказал? — ухмыляюсь. Моя красавица так мило смущается. Столько времени прошло, столько мы с ней в сексе попробовали, а она все краснеет... Моя чувственная малышка. — Ник, сильно больно? — спрашиваю, когда замечаю, что она снова морщится.

— Нет, милый, — улыбается, — пока терпимо. Сватки пока совсем редкие, просто живот тянет сильно. Я, если честно, просто испугалась, потому что одна была. Наверное, мы едем в клинику слишком рано и меня оттуда попросту попрут! — хохочет.

— Я им “попру”! — грозно рычит отец. — Сын, ты не волнуйся. Все под контролем. Дочку одну не оставим, будем рядом, внука встретим, если сам не успеешь. И от папки ему “привет” сразу передадим! — прикалывается сидит, тем самым немного разряжая обстановку. Видит по мне, что я в напряге от того, что не рядом с Никой. — Ну все, мы паркуемся. Вы в аэропорт едете?

— Да, уже подъезжаем. Через час вылет, — за меня отвечает Серега, потому что я

смотрю на свою девочку и не могу глаз от нее отвести. Не представляю просто, как сейчас отключиться на несколько часов. — По прилету сразу к вам. Ник, сестренка, не робей! Все будет супер! Организуй мне племянника к моему возвращению! — брат тоже угорает, чем очень отвлекает Нику от неприятных ощущений. В этот момент я дико благодарен что отцу, что брату за то, что они разделяют этот момент с нами, помогают Нике.

— Договорились, Сереж, — тоже улыбается. — Дамир?

— Да, малышка?

— Мы тебя очень ждем. Не волнуйся за нас, ладно? — нежный взгляд любимой ласково проходит по мне. Столько в нем любви и нежности...

— Я скоро буду рядом с вами, родная, — голос не слушается, просаживается. — Я тебя очень-очень люблю, Зеленоглазка. Скоро увидимся! — подмигиваю ей.

— И я тебя люблю. До встречи, родной.

Отец отключается. Как пережить эти несколько часов до встречи?!

Самолет приземляется вовремя. В зале прилета нас встречает водитель отца и мы едем в клинику, где сейчас находится Ника. Мы с Серым постоянно набираем то маму, то отца, но они не берут трубки. Волнение шкалит, сердце заходится в бешеном темпе. Я максимально собран, но неизвестность пугает.

Добираемся до клиники, так и не дозвонившись до родителей. Вылетаю из машины и, не замечая ничего и никого вокруг, несусь к зданию. Забежав в огромный холл, нахожу стойку ресепшена. Память услужливо подкидывает картинки из прошлого, когда я также летел в больницу, стремясь узнать что с Никой. Тогда мы чуть не потеряли нашего Тимура. Но все обошлось. Из-за гребаного флешбека паника накрывает с головой. Подбегаю к стойке.

— Здравствуйте. Подскажите, в какой палате Громова Ника?

— Так, а Вы кем ей приходиться? — тучная тетушка в белом больничном халате и чепчике смотрит на меня вопросительно. Ее пухлые пальцы зависли без движения над клавишами клавиатуры в ожидании моего ответа.

— Муж, Громов Дамир. Ее привезли мои родители несколько часов назад. Мы у вас в клинике наблюдаемся с самого начала беременности, — объясняю.

— А, Громовы! Помню-помню. То-то лицо мне Ваше показалось знакомым, — тетка зачем-то погружается в воспоминания. Злюсь.

— Жена моя где? — рычу уже. — У нее схватки начались несколько часов назад!

— Так, давайте-ка глянем... Угу... угу... — она что-то сначала медленно печатает, потом несколько раз щелкает мышкой. Каждый звук отдается внутри меня словно удар гонга. — Ага, нашла. В седьмой родовой она, четвертый этаж по синей указательной полоске идите, — наконец, сообщает тетушка и указывает направление.

Бежим с Серым к лифтам. Сука! Оба где-то между этажами, ждать сил нет. Все внутри клокочет, чуйка вопит, что именно сейчас происходит что-то важное. Не сговариваясь, бежим в сторону лестницы, перепрыгивая через ступеньку, буквально за минуту вбегаем на четвертый этаж. Сразу замечаю родителей. Отец нервно вышагивает вдоль стены, мама сидит в кресле у дверей родзала.

И только я делаю шаг в направлении заветной двери, громкий детский крик возвещает о рождении моего сына. И мне плевать, что на этом этаже кто-то еще сейчас, возможно, рожает. Я абсолютно уверен в том, что это голос моего сына. Звериным нутром чую свое!

— Успел... — говорю тихо, боясь спугнуть желанный звук.

— Успел! — радостно вскрикивает мама, заметив меня у лестницы. — Дамир,

Тимурчик наш родился!

Мама подбегает ко мне, обнимает, плачет. Никогда не мог выносить мамины слезы, сердце сразу в ключья. Хотелось наказать того, кто стал причиной слез этой родной, хрупкой женщины, что родила и воспитала нас, оболтусов. Но сейчас это слезы радости и они не вызывают ничего, кроме улыбки.

— Поздравляю, — брат хлопает меня по плечу, улыбается от уха до уха своей белозубой улыбкой, — папашка!

— Поздравляю, сын! — ко мне подходит отец, смотрит на меня и с гордостью добавляет: — Теперь ты бессмертен! Теперь в твоём сыне продолжение тебя.

— Бессмертен... — хрипло повторяю. — Бессмертен! — громче и увереннее. — Я бессмертен! — уже кричу и со счастливым смехом кидаюсь обнимать отца. — Хочу к ним.

Отстраняюсь от отца в момент, когда замечаю, что к нам выходит медсестра из родильного зала, где сейчас находятся моя жена и сын.

Дальше все как в тумане. Все действия совершаю на автомате. Ощущение, что реальность ускользает от меня, я словно существую вне пространства и времени. В себя прихожу уже только тогда, когда слышу мурлыкающий голос моей малышки, она нашептывает сыну какие-то милые нежности. А я стою и двинуться с места не могу, замороженный этим зрелищем.

— А я вам папочку вашего привела! — радостно щебечет медсестра, которая помогала мне умыться и переодеться в медицинский халат. — Встречайте!

Ника поднимает на меня растерянный взгляд. Миг и в ее глазах застывают непролитые слезы. Кидаюсь к ней, падаю у родильного кресла на колени и тону... Сначала тону в глазах моего сына. Глядя на него, такого мокрого, сморщенного, но уже вовсю с интересом рассматривающего все вокруг, чувствую, как сердце пропускает удар за ударом.

— Сын... — как в бреду хриплю, не смея отвести от него взгляд. — Привет, родной, — поглаживаю его по маленькой головке, покрытой мягким темным пушком. — Это я, твой папа.

Тимка что-то кряхтит и гулит, а потом вдруг резко начинает плакать. Кричит так громко и звонко. Ого! Не ожидал, что новорожденный младенец так может. Ну ничего, будем считать, что это командный голос прорезался.

Нике помогают приложить нашего сына к груди, вкладывают в его ротик сосок, набухший от скопившегося в груди молока. Он поначалу капризничает, а потом начинает со вкусом и смешными звуками, похожими на урчание маленького котенка, причмокивать.

— Он ест, ест, Дамир! — восторженно шепчет Ника, поднимая на меня свои нереально зеленые глаза. И вот тут я снова тону. Тону в глазах своей жены. Моя любимая! Моя нежная. Моя красивая ведьмочка с глазами цвета изумруда.

— Моя Зеленоглазка, — прижимаюсь лбом к ее мокрому лбу, прикрываю веки, вдыхаю родной запах. — Я так тебя люблю, родная моя! Девочка моя любимая.

— Я так рада, что ты успел, — шепчет в ответ и тянется за поцелуем. — Я так боялась без тебя.

— Ты справилась, малышка. Ты только посмотри как круто ты справилась! Ты подарила нам нашего сына. Ты умничка! — наконец, целую свою девочку. Долгожданный вкус любимых губ взрывает все мои рецепторы во рту и запускает волну наслаждения, прошивающую все тело. — Умничка моя!

— Я люблю тебя, Дамир. Очень.

— А я тебя, — хаотично покрываю все ее лицо и хрупкие плечики нежными поцелуями, вкладывая в них все свои чувства: трепет, нежность, любовь и бесконечную благодарность за то, что она когда-то позволила мне завоевать ее. Набравшись смелости, целую макушку Тимки, впервые держа сына за руку и чувствую, что я абсолютно счастлив.

Ника (Три года спустя)

Сегодня третий день рождения Тимура. В гостиной за столом сидят наши близкие родственники и друзья. Во главе стола сидит виновник торжества в шикарном смокинге и разноцветном праздничном колпаке. Шум, разговоры, радостный смех. Кто-то проходит мимо дверей прачечной. Я со страхом замираю.

— Ну же, Зеленоглазка, не могу больше. Сдохну, если не окажусь в тебе.

— Дамир, ты что творишь! — вяло сопротивляюсь, потому что сильные руки и нежные губы моего ненасытного мужа уже активно делают свое дело, а именно методично сводят меня с ума, заставляя забыть о стыде и думать лишь о том, чтобы поскорее получить свою дозу удовольствия. — У нас гостей полный дом! Сын нас ждет, а ты меня тут зажал... Аааах... — с губ срывается чувственный стон, потому что пальцы этого нахала уже проникли под трусики и растирают влагу между припухшими и очень чувствительными от возбуждения складочками.

— Ага... Зажал, — довольно соглашается Дамир.

— И лапаешь... — продолжаю возмущаться, сама же подставляюсь под жаркие поцелуи и выгибаюсь навстречу проникающим в меня пальцам.

— Угу... и лапаю! Сейчас еще и трахну свою сладкую, вкусную, самую красивую и самую охерительно желанную женушку, — прикусывает сосок прямо сквозь ткань платья и белья, срывая очередной постыдный стон. Боже...

— Нас же услышат...

— Похер! На все похер! Но ты все равно будь потише, крикливая моя ведьмочка! — порочно ухмыляется, прижимая меня к стене, подсаживая на свои бедра.

Сдвинув перешеек мокрых трусиков в сторону, Дамир входит одним резким толчком, заставляя вскрикнуть от вспышки невероятного удовольствия. Потом запечатывает мой рот поцелуем, начиная четкие, выверенные движения. Прямо в нужном мне темпе, прямо вот так, как хочется... Так как нужно, чтобы уже через несколько жестких толчков улететь от удовольствия, на мгновение покинув свое тело.

Пытаюсь отдышаться от пережитого оргазма. Дамир смотрит мне в глаза, продолжая вколачиваться в мое тело. По его виску бежит капелька пота. Не удержавшись от соблазна, ловлю ее языком и Дамир хрипло стонет, запрокидывая голову, кончая прямо в меня. Снова. Хотя, чего уж теперь-то переживать...

— Ты охренительна, моя девочка! — звонко целует в ямку между ключиц. — Прости, не сдержался. В следующий раз успею выйти. Ну... по крайней мере, очень постараюсь! — ухмыляется довольный гад.

Видеть Дамира таким довольным и удовлетворенным — третий по счету вид моего личного удовольствия. Первый — это, конечно же, секс с ним. Потому что каждый раз это просто что-то за гранью. Словно я умираю и воскресаю вновь и вновь. Второй: наблюдать, как он общается с сыном. Дамир был с Тимуром в каждом важном событии. Первые шаги, первые слова, совместные игры. Тимка в папе души не чает. Смотреть, как они общаются, слышать, как Дамир баюкает сына перед сном, без слез не получается. Особенно сейчас... Кстати, Тимур точная копия своего папы. У них даже эмоции проявляются одинаково. И

фирменная улыбка — один в один!

И третий вид — наблюдать за мужем вот в такие вот моменты, как сейчас. Дамир счастлив, удовлетворен и расслаблен. У него даже лицо сейчас другое. Черты лица смягчились, на губах легкая ухмылка. Интересно, надолго она задержится на его лице после того, как я ему кое-что скажу?

— Да чего уж там... Ближайшие семь с половиной месяцев можешь не стараться, — сообщаю как бы между делом, с наигранно расслабленным видом, а сама внутри трясусь от переживаний. Как он отреагирует? Обрадуется ли?

— Мне кажется или ты на что-то намекаешь, жена? — прищуривается и пытливым взглядом смотрит на меня.

— Напекаю, — соглашаюсь.

— И на что ты намекаешь?

— На то, что ты скоро станешь папой... — зажмуриваюсь, — снова... — добавляю чуть тише.

Пауза. Тишина настолько осязаема, что у меня вдруг возникает ощущение, что ее можно потрогать. Дамир молчит. Я же боюсь открыть глаза. Я все еще в его жарких объятиях, он все еще во мне... Молчание затягивается, а потом я слышу шумный выдох.

— Ну, наконец-то! — Стоп! В смысле? Распахиваю глаза, смотрю на мужа, а он счастливо улыбается. — Мне вот все было интересно, когда же ты уже сознаешься в том, что беременна! И, о чудо, свершилось!

— Так ты знал? — неуверенно спрашиваю. Он кивает. — И давно?

— С того самого дня, как ты уронила полоску теста на беременность с положительным результатом за тумбу в ванной. Так себе из тебя конспираторша, кстати! — Дамир уже откровенно надо мной угорает.

— Так ты не против? Ты рад?

— Нет, Зеленоглазка! Я не просто рад! Я счастлив так, что мне орать об этом хочется! — прижимается к моим губам своими и дарит глубокий, чувственный поцелуй. — Спасибо!

— За что? — расслабляюсь и тоже улыбаюсь. Потому что я тоже счастлива, что второй раз стану мамой.

— За то, что у нас скоро появится еще одна Зеленоглазка, маленькая ведьмочка, которая будет точной копией своей мамочки! Спорим?

— А давай! Спорим! — смеюсь, соглашаясь на очередной спор с Дамиром. Это наша семейная фишка — шуточные споры. — Я люблю тебя, Дамир!

— Я люблю тебя, Ника. А теперь предлагаю вернуться к гостям. Если ты, конечно, не хочешь пойти на второй заход...

— Нет уж! Идем! — соскакиваю с Дамира, спешно поправляю одежду.

— Вредина!

— А если я скажу, что “второй заход” организуем ночью? — шепчу в губы любимому, — а потом третий... Четвертый...

— Тогда я скажу, что выиграл в этой жизни джек-пот!

— Да уж, ты тот еще победитель!

Через семь с половиной месяцев на свет появилась моя маленькая копия по имени Диана. Мы специально не узнавали пол ребенка, соблюдая условия нашего спора.

Держа на руках малышку, смотрю на мужа и говорю то, что вызывает во мне чувство

дежавю:

— Поздравляю, Дамир. Ты снова победил...

Больше книг на сайте - Knigoed.net